

СЕМЬЯ ШКОЛА

10 • 1965

С ПАПИНОЙ ПОМОЩЬЮ. ФОТО Б. РОМАНОВА

В свободное время

Его не так уж и много, свободного времени, особенно у старшеклассников. И все-таки отцы и матери чувствуют себя как-то спокойнее, пока ребяташки в школе или дома. А вышли они на улицу, во двор — того и гляди что-нибудь натворят.

Дети совершают различные проступки не по злому умыслу, хотя иной раз и такое случается. Но чаще всего ребята просто не в силах предвидеть последствия своих затей.

Собравшись играть в футбол во дворе, подростки уговорились не кричать и сильно не бить. Но где там! Через десяток минут подняли шум из-за штрафного, а там кто-то из нападающих, вложив всю силу в решающий удар, промазал... Еще не отзвенели осколки выбитого стекла, а игроков словно ветром сдуло. Только малыши-болельщики растерянно хлопают глазами. А наши футболисты теперь наверняка бесцельно слоняются по соседним улицам или торчат на лестничной площадке поближе к чердаку.

Взрослые, к которым ребята обращаются за советом, чем бы им заняться, подчас отмахиваются от них, как от надоедливых мух, или принимают стыдить: «Что вы, сами не можете себе дело подыскать?..»

Но все это не так просто, хотя выдумки, желания и энергии у ребят хоть отбавляй. У них нет еще опыта, они не знают, с чего начать, как взяться за новое дело. Тут бы им помочь, подсказать... Увы, такое случается не столь уж часто.

Больше того, дети нередко наблюдают, как сами взрослые убивают время за картами, домино, сплетнями.

Иногда опустившиеся люди подбивают подростков и юношей на хулиганство, воровство, выпивку. Пора, очевидно, предусмотреть в нашем уголовном законодательстве строгую ответственность взрослых за духовное растление несовершеннолетних.

Все это, конечно, вовсе не означает, что у нас мало делается для организации досуга школьников. Ни в одной стране мира нет такого количества внешкольных детских учреждений — дворцов и домов пионеров, станций юных техников, натуралистов, туристских клубов, спортивных школ.

За последние годы по инициативе местных партийных, профсоюзных организаций, комсомола, родительской общественности налаживается разный досуг школьников непосредственно по месту жительства.

Возьмем для примера город Горький, где в короткий срок были оборудованы и открыты сотни уличных и дворовых пионерских и юношеских клубов, игровых и спортивных площадок.

И все же общая картина организации досуга учащихся вызывает серьезное беспокойство. Еще очень многие ребята, особенно те, кто плохо учится, нарушает дисциплину, не имеет заметных склонностей и интересов, в свободное время оказываются предоставленными самим себе. А ведь именно они прежде всего нуждаются в непрерывном педагогическом внимании.

Жизнь убедительно подтверждает правоту слов А. С. Макаренко о том, что именно школа — это главнейшее воспитательное учреждение — должна возглавить организацию досуга учащихся. Опыт лучших школ показывает, какие большие резервы и возможности есть для этого.

263-я московская школа расположена в районе новостроек Кунцева. Поблизости еще нет культурно-просветительных учреждений. Год-два назад ребята не знали, куда себя деть после уроков. Но вот педагогический коллектив школы при поддержке общественности микрорайона и родителей учащихся энергично взялся за налаживание досуга детей. Сейчас в самой школе, в домах и дворах создано несколько десятков различных кружков, секций, клубов.

Организация досуга школьников была недавно предметом большого, горячего разговора на Всесоюзной конференции по опыту внеурочной работы с учащимися, созванной ЦК ВЛКСМ, Министерством просвещения РСФСР, Академией педагогических наук РСФСР.

Учебная и внеурочная работа неразрывны, педагогический коллектив каждой школы должен стать организатором досуга учащихся в своем микрорайоне — таково единодушное мнение участников конференции. Но в этой кропотливой и сложной работе, как и в обучении наших детей, школа вправе рассчитывать на всемерную помощь и поддержку общественности и прежде всего родителей.

Пусть же досуг наших ребят станет увлекательным и полезным! Это поможет им лучше учиться, расти всесторонне развитыми, трудолюбивыми.

«Папа... Хочется восстановить в памяти все, что помню о нем, представить его себе живым, разговаривающим, полным энергии» (Виктория Яновна Кочнева пишет о своем отце — выдающемся политическом и военном деятеле Советского государства Яне Борисовиче Гамарнике).

„Не забывайте, что у Толи или Наташи сегодня день рождения. Это не мелочь“. (Б. Борисов. „Немного больше ласки и внимания!“).

«... СРЕДИ МНОГИХ ХОРОШИХ НАСТАВНИКОВ НЕПРЕМЕННО НАЙДЕТСЯ ОСОБЕННО СТРАСТНЫЙ, ОСОБЕННО ЧЕСТНЫЙ, ИЩУЩИЙ, УМНЫЙ, ЧЬЕ ВЛИЯНИЕ ОКАЖЕТСЯ САМЫМ СИЛЬНЫМ, РЕШАЮЩИМ, ПАМЯТНЫМ». (Н. ДОСТОВАЛОВА. «МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ»).

„...ПРИХОД В ШКОЛУ — ЕСТЕСТВЕННЫЙ, ЗАКОНОМЕРНЫЙ ЭТАП В ЖИЗНИ РЕБЕНКА. ПОНИМАЯ ЭТО, МЫ ПОРОЙ ВСЕ ЖЕ НЕ ЗАДУМЫВАЕМСЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ, НАСКОЛЬКО СЕРЬЕЗНЫ ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ЕГО ЖИЗНИ, И ГЛАВНОЕ — НЕ ГОТОВИМ ЕГО К ЭТИМ ПЕРЕМЕНАМ“. (С. ФАЙНБЕРГ. „РЕБЕНОК ПРИХОДИТ В ШКОЛУ...“).

«УВАЖЕНИЕ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СМЕЛОСТИ РЕБЯЧЬЕЙ МЫСЛИ, ДОВЕРИЕ К УМУ И СЕРДЦУ ЮНЫХ, ПОДДЕРЖАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА, САМЫХ НЕЖНЫХ, САМЫХ РОБКИХ ЕГО РОСТКОВ — ЭТО ВЕДЬ ДОЛГ ВСЕГО ОБЩЕСТВА...» (ПЬЯ ЗВЕРЕВ. «БЛАГОДАРИ И ВОПРЕКИ»).

10

ОКТАБРЬ
1965

СЕМЬЯ
ШКОЛА

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

20-й год издания

О МОЕМ ОТЦЕ

В. КОЧНЕВА

В Военном издательстве Министерства обороны СССР готовится к печати книга «Армейский комиссар» — сборник воспоминаний о выдающемся политическом и военном деятеле Советского государства Яне Борисовиче Гамарнике. Его боевые друзья и соратники рассказывают о важнейших этапах жизни замечательного большевика-ленинца, которого партия не раз направляла на трудные и ответственные участки. Великий Октябрь и гражданская война на Украине, подпольная работа большевистских организаций в захваченных врагом Крыму, Одессе и Харькове, легендарный поход Южной группы войск 12-й армии из вражеского окружения на соединение с основными силами Красной Армии, хозяйственное и культурное строительство на освобожденной Киевщине, освоение природных богатств Дальнего Востока, развитие и укрепление экономики Белоруссии... На фоне этих событий, в которых с кипучей энергией участвовал Я. Б. Гамарник, в книге вырисовывается образ самоотверженного борца за торжество коммунизма. Последние восемь лет своей жизни, трагически оборвавшейся в 1937 году, армейский комиссар первого ранга Я. Б. Гамарник был первым заместителем народного комиссара обороны и начальником Политического управления Красной Армии. Весь свой богатый партийный опыт он отдавал воспитанию армейских кадров, их подготовке к активной защите Родины.

Авторы ряда воспоминаний отмечают, что, несмотря на огромную загруженность работой, Ян Борисович проявлял большое внимание к семье, серьезно занимался воспитанием дочери. «К дочери, — вспоминает М. Троицкая, член КПСС с 1919 года, — Ян относился исключительно. Когда он на нее смотрел, лицо его преображалось, как бы освещаясь изнутри необыкновенной любовью к ребенку. Но вместе с тем он никогда ее не баловал».

В книгу «Армейский комиссар» войдут и публикуемые здесь воспоминания дочери Я. Б. Гамарника — Виктории Яновны Кочневой. Рассказывая об отце, она раскрывает некоторые черты характера этого прекрасного, кристально честного и мужественного человека.

Папа... Хочется восстановить в памяти все, что помню о нем, представить его себе живым, разговаривающим, полным энергии. Пусть кое-что из того, о чем я напишу, не имеет большого значения. Выбрать главное всегда можно. Но мне хочется просто поделиться воспоминаниями об отце — с тех пор, как помню его и себя.

Москва... 1930 или 1931 год, точно не помню. Мне 5—6 лет. В комнате устанавливают шведскую стенку, в простенке между кабинетом отца и столовой вкручивают кольца. Это для меня. Отец показывает, как делать упражнения, помогает и очень доволен, когда у меня получается. Каждый день я должна заниматься. В выходные дни зимой — каток. Учить бегать на коньках опять папа.

Летом, во время папиного отпу-

ска, уезжаем с ним в Крым, в Мухоматку. Мама не ездила с нами: она уезжала в Железноводск лечить большую печень. Папа учил меня плавать. Держаться на воде я научилась, но глубоких мест боялась, бултыхалась только у берега. Как-то мы катались на лодке, отплыли довольно далеко от берега. Я встала во весь рост и смотрела по сторонам. Отец взял меня и как котенка кинул в воду. Я забарахталась, а он сидит в лодке и совершенно спокойно говорит мне:

— Плыви спокойно, не бойся, ты умеешь плавать.

И я поплыла. С тех пор перестала бояться глубины.

Спорт не был для него лишь развлечением. Он считал, что заниматься им нужно всерьез. Он всегда говорил, что молодежь наша должна

быть крепкой, смелой, выносливой, а станет она такой, если будет много и упорно заниматься спортом. Сам он был разносторонним спортсменом: отлично бежал на коньках, прекрасно плавал (в молодости легко переплывал Днепр), очень любил верховую езду. Еще мальчишкой, гимназистом, а затем и студентом он объезжал диких

лошадей. Как он рассказывал, это очень помогло в дальнейшем, когда во время похода Южной группы 12-й армии по несколько суток приходилось не сходить с седла. Я помню, что каждый выходной день, бывая на даче, отец уезжал на несколько часов верхом.

А иногда собирал нас, ребят, и учил стрелять. Ставили мишень, и начиналось соревнование. Отец стрелял последним, и нам лишь оставалось тяжело вздохнуть: он выбивал обычно не менее девяти очков из десяти возможных.

В мои школьные годы у нас с ним на даче была любимая игра. Участвовали в ней только мы двое. Он забирал меня с собой в лес и устраивал своеобразный экзамен по географии. Я должна была быстро отвечать на вопросы. «Какой главный город Бельгии?» «На какой реке стоит Лондон?» «Тебе нужно попасть из Москвы в Мексику. Как ты поедешь? Представь себе карту и сообрази, какой путь короче — где самолетом, где поездом, где паромом? И расскажи, мимо чего ты проезжаешь, чем интересны те или иные города». Обычно, гуляя по лесу, мы решали с ним множество всяких проблем.

В нашей школе организовался авиамодельный кружок, а руководителя нет. «Папа, помоги». «Поскольку это не для тебя одной, а для школы, для всех ребят — помогу». И помог. Появился у нас с его помощью чудесный руководитель, и половина школы «заболела» авиамоделизмом.

«Папа, за что ты получил орден Красного Знамени?» — «За прорыв». — «Неправда, за прорыв бьют, а тебе вдруг орден». Отец рассмеялся. Дело в том, что я уже читала газеты, а в них в ту пору писалось, что на том или ином заводе прорыв, и руководителей таких предприятий ругали. Так что для меня слово «прорыв» имело только одно значение — отрицательное. Пришлось отцу рассказать мне и о другом значении этого слова и о прорыве из вражеского окружения Южной группы войск 12-й армии.

«Чапаев»... Так же, как все ребята середины тридцатых годов, я «болею» этой картиной. Смотрела ее, наверно, раз двадцать. И наверняка раза три смотрела ее вместе с отцом. Он, кроме «Чапаева», из фильмов того времени высоко ценил «Тринадцать» и «Мы из Кроштадта».

Очень любил отец театр. Правда, бывать в театре ему удавалось не часто. Работали в те времена и ночами. Домой отец иногда приезжал в 4—5 часов утра. Но если попадал в театр — отдавался спектаклю целиком. Сидел всегда в самый дальний угол в ложе, чтобы его никто не видел, и очень не любил разговоров во время действия. Чаще всего он бывал в Художественном театре, ему очень нрави-

В разделе: ♦ Замечательный коммунист, прекрасный отец ♦ У вас — первоклассник ♦ Ребенку открывается мир...

лись там «Платон Кречет» и, конечно, «Анна Каренина» с Тарасовой. Смотрел он ее, по-моему, не один раз. Меня с собой взял на спектакль «Броуноезд 14-69» — тоже высоко ценный им.

Любил он и театр имени Вахтангова и смотрел там, по-моему, все спектакли. Помню, как была я с ним на спектакле «Разъезд Далекое». После спектакля в ложу пришел Горюнов, исполнявший в этой пьесе главную роль. Отец, смеясь, сказал ему, что так хорошо играть нельзя — за его игрой тускнеют основные герои спектакля.

Отец был неравнодушен к опере, балету, музыке всех жанров. Вообще он был разносторонним человеком. Увлекался математикой, ценил и хорошо знал литературу. Особенно любил он Горького, часто бывал у него.

Память у него была прекрасная. Целые страницы из Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого он знал наизусть. Своей любовью к книгам, литературе я обязана ему.

Читать я начала рано, в пять лет. Помню, когда отец в редкие свободные минуты или во время болезни лежал на диване, я забиралась к нему, и он читал мне вслух. Так я познакомилась с «Маугли» Киплинга, «Песню о Гайавате» Лонгфелло. И то и другое произведение отец очень любил. «Песнь о Гайавате» он читал мне не один раз. Тогда же узнала я Некрасова и привязалась к нему на всю жизнь. Причем до сих пор больше всего люблю те вещи, которые выше всего ценил отец: «Размышления у парадного подъезда» и «Рыцарь на час».

Первая книга, которую я прочла самостоятельно, была «Детство Никиты» Алексея Толстого.

Книги мне всегда подбирал отец. Из «Детства Никиты» он прочел мне главу о Желтухиной, а потом сказал: «Дальше читай сама». Таким же образом он поступал на первых порах и со многими другими книгами.

Отцу нравилась «Колхида» К. Паустовского. Это тоже одна из вещей, которую читал он мне вслух.

При всей своей занятости он всегда находил время спросить о прочитанных книгах. Разговаривал отец со мной, как со взрослой: никогда не навязывал своих мыслей, всегда старался понять, почему я отношусь к той или иной вещи так, а не иначе, и если я была не права, старался убедить меня, причем не как ребенка, а как взрослого, думающего человека.

Те, кто мало знал отца, считали его замкнутым, немного сухим человеком. Он действительно был не очень разговорчив. Сейчас, когда я вспоминаю его, думаю, что он был просто застенчив и, кроме того, большой отпечаток наложила на него болезнь. Ведь он был болен сахарным диабетом тяжело и долго, с 1928 года.

Огромный объем работы, конечно, тоже не способствовал улучшению его здоровья. Но с людьми, которых он любил, с друзьями и с детьми он становился совсем другим: веселым, остроумным, все понимающим. С ним было легко не только мне, его дочери, но и моим друзьям.

Ребята из школы, бывавшие у нас в доме, чувствовали себя с отцом совершенно свободно. Он расспрашивал об учебных и пионерских де-

лах, всегда был в курсе школьных событий, советовал, подсказывал, как лучше поступить в том или ином случае, но всегда делал это так, что получалось, будто мы сами пришли к нужному решению. Он совершенно не терпел зазнайства. И мне постоянно внушал: «Ты ничем не лучше других. Ты такая же, как все. Ты должна одеваться, как все, жить, как все, работать, как все».

Помню такой случай. Я поздно встала и торопилась в школу. Вышли мы вместе с отцом. У подъезда его ждала машина. Я его попросила:

— Папа, подвези до школы.

Никогда не забуду, как отец посмотрел на меня. Так строго он раньше никогда не смотрел. И спросил:

— А на чем Ира ездит в школу? (Это моя школьная подруга.)

— Пешком ходит.

— А ты чем лучше?

— Но ведь я опаздываю.

— В следующий раз встанешь раньше, — с этими словами отец захлопнул перед моим носом дверцу машины и уехал.

Вечером он сказал мне:

— Запомни раз и навсегда: машина к тебе не имеет никакого отношения. Вырастешь — заслужишь. Если будет тебе полагаться машина — будешь ездить. А пока, будь добра, как все: ты ничем не лучше других.

Со службы он часто возвращался домой поздно ночью, даже под утро. Своим ключом открывал дверь, снимал сапоги и на цыпочках шел на кухню греть себе чай. Если просыпалась Маруся (домработница), он никогда не разрешал ей вставать. «Спите, спите, ночь, я все сделаю сам».

Как-то раз, услышав, что я Марусе сказала «ты», он был возмущен до предела.

— Кто дал право тебе, девочке, тыкать взрослому человеку, человеку, который в несколько раз старше тебя, человеку, который давно и много трудится. Что ты представляешь собой перед Марусей?

Он потребовал, чтобы я немедленно извинилась, и потом несколько дней не разговаривал со мной.

Я. Б. ГАМАРНИК И В. К. БЛОХЕР (СПРАВА) НА СОВЕЩАНИИ ЖЕН КОМАНДИРОВ КРАСНОЙ АРМИИ. 1936 ГОД.

Вспоминается такой случай. В школе на уроке истории мы разбирали русско-японскую войну. Я попросила отца рассказать мне о ней подробнее. На следующий день, так уж случилось, меня вызвали отвечать. Учителяница в одном месте поправила меня, сказала, что я говорю неправильно, и спросила: «Кто тебе это сказал?» Я ответила, что папа. Она смутилась и говорит: «Ну, раз папа, значит, он прав».

Я пришла домой страшно довольная и рассказала об этом отцу. Он возмутился и сказал:

— Завтра же ты встанешь и на виду у всего класса извинишься перед педагогом за себя и за меня. Скажешь, что папа был не прав и просит извинить его.

Я не помню сейчас точно, о чем шла речь. Но меня поразило то глубокое уважение к личности и труду учителя, которое проявилось в словах отца.

Друзей у него было много. Друзей, с которыми он был связан еще по гражданской войне, по работе в подполье. Многие из них не жили в Москве, а бывали только наездами. Но когда они приезжали, то не только заходили, но и останавливались у нас, и тогда разговоры, воспоминаний, шуток и смеха в доме хватало надолго. Особенно близкими друзьями были Василий Константинович Блюхер, Иона Эммануилович Якир, Иероним Петрович Уборевич, Илья Иванович Гарькавый, Иван Наумович Дубовой, Лаврентий Картвелишвили, моряки — Ромуальд Адамович Муклевич, Кожанов, Виктор, заместитель отца по Политическому управлению армии Гайк Александрович Оsepян.

Слушать их, забывшись куда-нибудь в уголок, было для меня, девочки, величайшей радостью. Сейчас молодежь даже не знает многих из этих имен, а для моих сверстников это были люди, овеянные легендарной славой гражданской войны.

Отец очень любил Сергея Мироновича Кирова и Григория Константиновича Орджоникидзе. Помню, какое тяжелое впечатление произвела на него гибель Кирова. А на похороны Серго, когда отец должен был стоять в почетном карауле, он взял и меня с собой. Придя домой, я долго плакала. Имя Серго Орджоникидзе знали все, а я знала его еще и лично, знала, какой это был обаятельный, чудесный человек. И плакала я о нем как о близком, дорогом человеке. Отец не утешал меня. И когда кто-то сказал, что надо успокоить ребенка, он ответил: «Ничего, пусть поплачет. Серго такой человек, такой большевик, о котором можно и нужно плакать».

С мамой отца связывала не только любовь, но и большая, настоящая дружба. Они вместе работали в подполье, вместе прошли гражданскую войну. Она была ему настоящим другом и товарищем. Все папины друзья были и ее друзьями и наоборот. Вернее, друзья у них были общие: Роза Лучанская, жена Лаврентия Картвелишвили, Вера Лапина, жена Клименко, Лена Соколовская... Это друзья и отца и матери. Эти женщины так же, как и мама, в самые тяжелые годы, в период становления Советской власти, были вместе со своими мужьями на фронтах гражданской войны.

Я не помню мать без дела, без работы. Она окончила институт Красной профессуры, работала редактором-консультантом в «Истории гражданской войны». Всегда аккуратная, подтянутая, строго, но элегантно одетая, она была для меня примером. Глядя на нее, я думала: вот какой нужно быть. Очень собранная, она не представляла себе жизнь без труда. Видимо, поэтому она и была отцу настоящим другом. Мать никогда не потакала моим капризам.

По распоряжению родителей я в своей комнате должна была производить всю уборку сама: застилать постель, подметать пол, сметать пыль. Если я не успевала, Маруся все равно не должна была ничего делать за меня. Оставалась грязь, и мне за это основательно попадало.

Только со временем я поняла глубокий смысл этой строгости: родители хотели вырастить меня не бездельницей, а человеком, любящим и уважающим труд.

...Настал страшный 1937 год. В мае отец тяжело заболел: началось сильное обострение сахарного диабета. Были дни, когда он по нескольку часов находился без сознания, его поддерживали только уколами. В те дни, когда ему было легче, он много разговаривал со мной, спрашивал, как дела в школе, как я готовлюсь к экзаменам.

Примерно с 20-го мая ему стало совсем плохо. Меня отправили жить на дачу. 31 мая я позвонила домой. Маруся сообщила, что отцу очень плохо, и заплакала. Быстро собравшись, я поехала в город, но опоздала на 15 минут: когда я пришла домой, отец был уже мертв. Помню ночь на 1 июня. Я забилась в угол дивана и со страхом смотрела на мать, которая молча ходила по комнате из угла в угол. Пришла Нина Владимировна Уборевич. Они долго говорили о чем-то с мамой. Пришел шофер отца, Семен Федорович Панов. Он помогал маме одеть отца и плакал. От меня скрыли, что отец застрелился, сказали, что он умер. Не знаю почему, но я

не поверила в это. Я не знала, что случилось, но сердцем чувствовала что-то не то.

Утром я сбежала вниз, чтобы первой взять газету. На последней странице я нашла маленькую заметку: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, покончил жизнь самоубийством». Что было дальше — не помню. Знаю, что я сняла пионерский галстук и не хотела его надевать. Заявила, что раз он был таким, я не имею права носить пионерский галстук. Мать, кажется, первый раз в жизни дала мне пощечину и сказала:

— Не смей! Немедленно надень! Твой отец был честным человеком и настоящим большевиком. Когда-нибудь ты убедишься в этом.

Несмотря на весь ужас происходящего, мне стало легче. Такая сила убеждения была в словах матери, так мне самой хотелось верить в то, что отец настоящий человек. Ведь вся его жизнь была у меня перед глазами. Он не мог быть плохим человеком.

Хоронили мы его втроем: мама, шофер отца Семен Федорович Панов и я.

Марина Филипповна Сидорова, медицинская сестра, которая дежурила около отца, рассказала мне, что 31 мая утром, часов в 11, приезжал к папе Василий Константинович Блюхер. Они долго о чем-то разговаривали одни, даже мама не заходила в это время в комнату отца. Как я понимаю это, теперь, Василий Константинович, должно быть, рассказал отцу обо всех арестах, о том, что делается.

Болезнь плюс известие о том, что гибнут люди, в невинности которых он был твердо убежден, видимо, и привели к трагическому концу.

Прошло немало тяжелых лет, когда имена многих честных людей, в том числе и имя моего отца, поливали грязью. Матери наши тоже погибли. Много несправедливостей пришлось перенести и нам, детям.

Но все-таки, несмотря ни на что, даже в самые тяжелые годы, годы тюрьмы, лагеря, ссылки, мы оставались настоящими советскими людьми. И Мира Уборевич, и Светлана Тухачевская — наиболее близкие мне подруги — в тяжелые времена культуры личности честно работали и упорно учились. И помогало нам то, что было заложено в нас нашими отцами, их воспитание, вечный пример их служения народу.

В память о них мы должны были вырасти честными, принципиальными людьми, верящими в конечное торжество ленинской правды.

Мы верили и не ошиблись.

У ВАС — ПЕРВОКЛАССНИК

Л. СЛАВИНА

кандидат педагогических наук

5. ЕСЛИ МАЛЕНЬКИЙ ШКОЛЬНИК НЕ УСПЕВАЕТ

Найти причины отставания

Прежде всего родители должны ясно понять, почему это происходит. Чаще всего причина неуспеваемости в том, что первоклассник просто не умеет работать. Помните, мы говорили о девочке, которую родители никак не могли усадить за уроки? Предположим, что это им наконец удалось.

Девочка теперь целый день просиживает за столом — не успевает ни поиграть, ни почитать, ни помочь матери по хозяйству, ни заняться спортом, ни отдохнуть. Но самое неожиданное — учится она по-прежнему плохо... Она устает, ей надоедает заниматься. В результате — что-то написано кое-как, что-то не доделано. Родителей это сердит и раздражает. Они не скупятся на выговоры и нотации, упрекают девочку в безделье. Наконец, папа решает «принять меры»: «Будешь делать все, как я скажу! По расписанию! А то, я вижу, если за тобой не следить, только одни двойки и будешь приносить».

Могут ли научить нотации?

Теперь девочка уже совсем не распоряжается собой. То ее насильно усаживают за уроки, то заставляют читать, то вдруг, вспомнив, что она устала, так же насильно отправляют гулять. Поможет ли это? Вряд ли. Ребенок — не игрушка, и такое вот ежеминутное «командование» и принуждение только ожесточит малыша, приведет к конфликту между ним и взрослыми.

Родителям стоило бы задать себе простой вопрос: могут ли упреки — даже ежедневные, — могут ли наказания — даже самые строгие — научить первоклассника работать организованно и систематически?

Воспитывайте привычку к труду

Умение организованно и систематически работать является результатом длительно и постоянно создаваемой привычки. Если же у школьника этой привычки нет, надо ее воспитать — самостоятельно ему это сделать трудно.

Первое и главное — создать условия, при которых школьник сам, без принуждения будет садиться в установленный час за уроки и выполнять их в определенное время.

Только не «маленький учитель»!

Как этого добиться? Наиболее легкий и удобный путь — заниматься вместе с товарищем. Но здесь нужно быть осторожным. И вот почему. Такие занятия могут проходить успешно (и специальные исследования это подтвердили) только в том случае, если один из ребят не поставлен в позицию «маленького учителя», если вместе работают два первоклассника, каждый из которых в чем-то силен и в чем-то отстаёт. Например, если один работает неорганизованно и неусидчиво, хотя и схватывает

все быстро, а другой — усидчив и аккуратен, но, что называется, «тяжелодум». Этим будет достигнута действительная взаимопомощь. Один будет помогать другому организовывать время, налаживать систематическую и планомерную работу, другой поможет понять необходимый материал, объяснит задачу и т. д.

Режим и ответственность Для тех школьников, которые растягивают приготовление уроков на целый день, не умеют организовать свое время, особенно важен хорошо составленный режим дня.

Режим создает для них как бы схему поведения, которая поможет распределить время и выполнить каждую работу в определенный, отведенный для нее срок.

Надо учесть, что учебная работа первоклассника легка и в подавляющем большинстве случаев интересна. Поэтому даже тем детям, которые не умели до поступления в школу трудиться, обычно удается благодаря введению режима справляться со всеми обязанностями, возлагаемыми на них школой. Режим создает для них систему требований, за выполнение которых они чувствуют ответственность.

Вы спросите: а в чем же тогда не правы родители, о которых мы только что говорили? Ведь они тоже предъявляли к своему ребенку требования, да еще какие строгие!

Ошибка в одном, но самом главном — эти требования шли не от самого ребенка, а навязывались ему извне. Об этом нужно не забывать и при составлении режима дня первоклассника. Пусть он самостоятельно попытается продумать его, а уж если что-то не получится — помогите ему советом.

Самостоятельность. Какой она должна быть? Конечно, самостоятельность эта относительная. Часто родители сами составляют режим дня и предлагают его ребенку.

Но важно так повести себя, чтобы первоклассник воспринимал это не как приказание, а как совет и помощь. Здесь часто все решает форма и тон разговора. Вместо того чтобы приказывать: «Составь режим и изволь его выполнять, иначе у тебя ничего хорошего не получится», — следует, как бы советуясь с сыном или дочерью, предложить: «Не составить ли тебе режим, чтобы лучше все успевать?» Каждый пункт режима надо предлагать очень осторожно, не обижая детей, не приказывая им, а только советуя. Важно, чтобы режим был составлен подробно и касался в основном именно тех дел, которые у школьника не получаются. Для некоторых ребят полезно бывает не только выделить в режиме общее время для приготовления уроков, но и более подробно указать, сколько времени отводится на арифметику, письмо, чтение и т. д.

Сборам час, а делу... минута

Иногда бывает так: школьник работает хорошо и быстро... если он сел заниматься. Зато собирается начать занятия, готовит книги, тетради, ручку он добрый час, а то и больше. В этих случаях следует обязательно определить, сколько вре-

мении нужно, чтобы подготовиться к занятиям. И надо всегда помнить, что каких-то общих, единых для всех норм нет: с одним делом школьник справляется хорошо, времени ему требуется немного, а другое у него еще не получается — значит, здесь нужно так рассчитать, чтобы он был в силах уложиться в указанный срок.

Проверяй себя сам!

Но надеяться, что режим сразу все изменит, не надо. Возможны и срывы, и ошибки, возможно, что с какой-то из своих обязанностей первоклассник и не справится. В этом случае важно, чтобы он сам научился проверять, все ли он успевает, вовремя ли садится за уроки, хватает ли ему времени, отведенного на каждый предмет.

Эта ежедневная проверка очень важна. Она поможет школьнику лучше осознать, в чем именно для него заключаются трудности, что ему уже удается, чего он еще не научился делать. Если что-то не получается, если режим составлен неудачно — не вмешивайтесь сразу, пусть маленький школьник сам попытается понять, в чем беда. А вы можете посоветовать ему, вместе обсудить, что мешает его работе. Это уже не просто контроль — это поддержка, помощь, совместное преодоление трудностей.

Пока мы говорили о неукладчивости, которая вызывается неумением школьника организовать свой труд. Но могут быть и другие причины.

„Я не знаю... что я не знаю...“

Одна из них — пробелы в знаниях. Что-то ребенок не понял, что-то не усвоил глубоко, и поэтому ему еще труднее понять весь последующий материал. И в итоге — не избежать двойки. Не будем сейчас говорить о причинах отставания — они могут быть самыми разными. Важно решить: что же делать?

Трудность состоит в том, что не только первокласснику, а и более старшему школьнику нелегко понять самому, чего же он не знает, что он усвоил плохо.

Почаще советуйтесь с учителем!

Предположим, родители или учитель указали школьнику на это. Возникает новая трудность — сам он не может усвоить пропущенный материал, не знает, как справиться с постоянно возникающими трудностями. Здесь родители не все могут сделать сами: проанализировать знание школьника может только учитель. Поэтому прежде всего посоветуйтесь с ним. Пусть он укажет, какие разделы плохо усвоены школьником, какие параграфы учебника ему необходимо перечитать, какие задачи и упражнения выполнить. Может случиться, что самому школьнику нелегко обращаться с этой просьбой к учителю: малыш может смущаться. Ко всем этим переживаниям надо отнестись с уважением, учесть их и, если нужно, самим посоветоваться с учителем.

Как организовать работу с отстающими?

Если причины отставания ясны, надо правильно организовать работу. Только не стоит спешить. Если школьник серьезно отстает, конечно, за два-три дня этого не исправить; рывок, аврал тут не помогут, только испортят дело. Чрезмерное напряжение может лишь отразиться на здоровье ребенка. Какая бы значительная работа ему ни предстояла, он всегда должен успеть погулять, отдохнуть, поиграть с товарищами. Не нужно внушать школьнику, что он сразу сможет наверстать упущенное, — это только послужит лишним поводом для разочарования в своих силах. Но и медлить нельзя — до конца года надо успеть проработать все, что указано учителем.

Режим и правильная организация всей жизни школьника и здесь приобретают очень большое значение. Часто дети сами не умеют учесть, сколько именно

времени необходимо для выполнения той или иной работы. Иногда достаточно только предложить ребенку выполнить работу за меньший срок, чтобы он начал работать быстрее.

Только не приказ!

Дело родителей — продумать режим и найти время для этих дополнительных занятий. И в этом случае ничего хорошего не получится у тех, кто будет действовать приказом, кто попытается насильно заставить ребенка укладываться в режим.

Лучше и успешнее всего пойдет дело — как и всегда в воспитании, — если школьнику предоставить максимальную самостоятельность, а родители будут его помощниками или советчиками. Это важно даже в тех случаях, когда родители фактически явились инициаторами и организаторами всей работы.

Воспитание заключается ведь не в том, чтобы заставить своего ребенка беспрекословно слушаться, покорно выполнять приказания и подчиняться родителям. Главное в воспитании — так построить ваши взаимоотношения с детьми, чтобы они охотно и самостоятельно выполняли все ваши требования. Но для этого нужно, чтобы требования эти были основаны на глубоком знании возможностей, потребностей и склонностей ребят, а не на том, что вам «так хочется».

6. О ТЕХ, КОГО НАЗЫВАЮТ НЕСПОСОБНЫМИ

Иногда уже в первые недели школьной жизни при овладении чтением и элементарным счетом первоклассник испытывает значительные трудности. Это очень серьезный повод для тревоги.

То, чему ребенка обучают в первом классе, — основа для дальнейших успешных занятий. Школьники, которые не овладели правильными приемами чтения или счета, не смогут быстро и хорошо усваивать дальнейший материал. Они все время будут испытывать трудности и в русском языке и в арифметике. Поэтому очень важно с самого начала научить ребенка правильно и быстро считать и читать, добиться того, чтобы он хорошо владел всеми знаниями, которым его обучают в первом классе.

Почему же некоторые первоклассники испытывают трудности при обучении чтению и письму или даже совсем не усваивают учебный материал? Обычно в таких случаях родители сразу делают вывод, что дети у них неспособные. Но причина в ином.

Если ребенок плохо говорит или не может прочесть ни одного слова, то, как правило, это связано с какими-то недостатками в развитии речи, тогда следует обратиться к педагогу-логопеду. Одновременно с исправлением речи он научит ребенка и читать.

Но эти случаи сравнительно редки.

„Трудно... неинтересно... не хочется...“ Большинство неуспевающих, овладев самой основой чтения, научившись читать, дальше не продвигаются именно потому, что им трудно, неинтересно и не хочется упражняться.

Трудности при усвоении арифметики заключаются, как показали исследования, в том, что обучение даже складыванию или вычитанию в пределах десяти возможно только в том случае, если ребенок будет к этому подготовлен. Оказывается, что обучение в школе даже с самого начала уже опирается на знания малыша, приобретенные им до школы.

Что же должен знать и уметь будущий первоклассник до школы?

Ребенок учится всегда

Ребенок уже прожил семь лет. За эти годы в игре, в домашних делах, во всей своей деятельности он многому научился, многое узнал.

...Мать дает шестилетнему Толе орехи и советует разделить поровну всем товарищам. Значит, нужно сосчитать, сколько орехов, сколько ребят, и разделить поровну.

...К обеду пришел гость. Мама говорит пятилетней Тане: «Сегодня нужно поставить не три прибора, а четыре. У нас обедает Виктор Иванович».

...Трое малышей собрались строить город. Перед ними — груда «стройматериала». Нужно разделить кустики поровну.

Так ежедневно в игре, в домашних делах, в разговорах и расспросах дошкольник получает первые понятия о числе. Он усваивает, что значит сложить, отнять, разделить, понимает, что значит «больше» и «меньше», часто усваивает обозначение чисел и даже научается складывать и вычитать. Ребятам это нравится, они охотно начинают производить различные доступные их возрасту вычисления не только потому, что это требуется для игры или домашних дел, а потому, что это им интересно. Они охотно решают простейшие арифметические задачки и примеры, часто устраивая, в свою очередь, из этих занятий игру.

Придя в школу, эти ребята уже умеют не только считать от одного до десяти, а могут начать счет от любого числа. Например, они умеют считать от трех до десяти. Они знают, что после пяти идет шесть, а после семи — восемь. Они умеют считать в обратном порядке — от десяти до единицы. Они знают, что перед пятью стоит четыре, а перед семью — шесть. А это как раз те умения и знания, без которых ребенок не может научиться даже правильному сложению и вычитанию в пределах десяти, не говоря уже о более сложных арифметических действиях. Если он их не приобрел до школы, он начинает испытывать трудности уже с первых дней учения и легко может стать неуспевающим.

Значит ли это, что такие дети неспособные, несообразительные? Вовсе нет.

Разве они неспособные?

В игре или при выполнении практического дела эти дети действуют гораздо умнее и активнее, чем в учении. При этом они ничем не отличаются от своих товарищей. И в классе они далеко не всегда испытывают трудности. Многие из них могут рассчитать, где именно надо писать, то есть на сколько клеток следует отступить сверху и сбоку, могут правильно списать пример или предложение. Трудности в учении наступают для них только в тех видах деятельности, которые требуют активной умственной работы, умственных усилий. Например, когда необходимо произвести вычисление в арифметическом примере или правильно поставить вопрос в задаче.

Отчего так происходит? Почему эти малыши отстают в своем развитии?

Не научили до школы? — Нужно научить теперь!

Мы говорили о том, что ребенок учится всегда. Но это вовсе не значит, что поэтому не стоит заботиться о его умственном развитии. Нет, его жизнь надо организовать так, чтобы он получал достаточно пищи для размышлений, чтобы он постоянно узнавал новое, чтобы у него возникали новые интересы и вопросы. А если это не сделано? Тогда остается единственный путь — дать ему теперь те знания и умения, которые он не приобрел до школы.

Не хочет — потому что не умеет, не умеет — потому что не хочет

Но вот какая возникает здесь трудность. Ребенок не сможет выполнить работу, не начнет активно думать и размышлять, если он не умеет этого делать. Ему такая работа трудна, а значит, и неприятна. А поэтому он будет всячески от нее уклоняться, ждать подсказки, стараться угадать ответ или списать его.

Значит, надо превратить для него учение из трудной и неприятной обязанности во что-то приятное и интересное. Как же это сделать?

К трем прибавить два...
Сколько же это будет?

Ох, и трудная это наука — арифметика!

Сотни и тысячи задач придется перерешать этим ребятам, прежде чем придет день, когда они в последний раз переступят школьный порог.

Но эта первая — запомнится навсегда.

Фото А. Зайкова

7. „УЧЕБНЫЕ ИГРЫ“

Известно, какое важное место занимает игра в жизни ребят, в их умственном, нравственном и эстетическом развитии. Но игра может помочь также и в учебной работе детей.

В игре дети охотно выполняют те же задания, которые отказываются делать без игры. При этом должно быть такое условие: ребенок выигрывает, если он правильно выполнил задание, а проигрывает, если сделал ошибку.

Если в такую игру ребята станут играть с удовольствием, если они будут стремиться выиграть, то, значит, и постараются правильно прочесть или сосчитать. И мы добьемся самого главного: учебная работа уже не будет пугать ребенка. Надо только позаботиться о том, чтобы игра действительно увлекла его.

Давай поиграем в лото!

Для учебной игры можно, например, использовать специальное лото. Такое лото легко может сделать первоклассник сам или с помощью родителей.

Лист белой бумаги размером в страницу тетради или немного меньше расчерчивают на шесть равных клеток. Это будет большая карта. В клетки вписывают те слова или примеры (по одному слову или по одному примеру в каждую клетку), которые ребенок будет читать или решать. Потом вырезают маленькие карточки, на них пишут либо те же слова, либо готовый результат решенного примера. Так, на большой карте в одной клетке будет написано $3 + 2$, а на маленькой карточке ответ «5». В другой клетке « $6 - 3$ », а на маленькой — «3».

Ребенку очень нравится, когда из маленьких карточек, после того как они покроют большую карту лото, получается какая-нибудь целая картинка. Этого легко добиться, если маленькие карточки нарезать из целой большой картинки, разделив ее на шесть частей. Картинку можно взять из старых букварей, журналов, ненужных книг. Следует только позаботиться, чтобы величина большой карты и картинки, из которой будут нарезаны маленькие карточки, совпадала.

Лото можно сделать не только для счета, но и для чтения. Вот как играл семилетний Сережа с дедушкой в такое лото для чтения.

Усаживаясь с мальчиком за стол, дедушка напоминал внуку:

„Прочитай правильно!“

— Смотри, Сережа, читай внимательно, не ошибайся, а то у тебя не сложится картинка. Помнишь, вчера собака осталась без ноги и ты проиграл? — Да... Только три ноги было, помню. Я буду стараться.

— А ты не гадай, а читай. Ну, давай играть.

Сережа получает карту. На ней в каждой из шести клеток четко и ясно написаны и разделены черточкой на слоги такие слова: «мар-ля», «май-ка», «мар-ка», «ма-лыш», «мас-ло», «ма-ляр». Все слова на карте начинаются одинаково. Это сделано для того, чтобы Сережа не угадывал слова, а непременно прочел.

Игра начинается. Сережу мучает любопытство, и он спрашивает у дедушки:

— А если я правильно буду читать и класть карточки, какая картинка получится?

— Должна лошадь получиться. Ну, давай начинать. Называю тебе первое слово — «маляр». Ищи у себя в клетке на карте, где там написано «маляр»?

Сережа вполголоса читает по слогам:

— «Май-ка», «мар-ля». А... вот, «ма-ляр»!

— Где, покажи-ка?

— Да вот, дедушка, смотри — «ма-ляр».

— А РУЧКУ НАДО ДЕРЖАТЬ ВОТ ТАК!

Фото Б. Романова

— Правильно, молодец! Клади на него карточку. Вот так переверни. Ну, что там нарисовано?

— Да это хвост, дедушка! — смеется Сережа. — Вот здорово! Хвост уже есть у лошади! Читай дальше...

— «Марля».

— Сейчас, погоди... «Мар-ля». Вот, сразу нашел! «Марля».

— Правильно, — говорит дедушка и подает внуку карточку. — Клади ее на место.

Сережа рассматривает рисунок на карточке.

— А здесь нога нарисована. Смотри, дедушка, видишь — нога лошадиная и копыто. Та-ак!

Сережа быстро и безошибочно находит еще два слова, которые ему называет дедушка. Теперь у него на карте остались незакрытыми только «малыш» и «масло». Сережа, вместо того чтобы прочесть их, как он это делал раньше, молча глядит на эти слова.

— Ну, Сережа, скорее, «малыш». Не волнуйся! — подбадривает дедушка. — Проиграть боишься? А ты не угадывай, а читай.

— Какое? Это или это? — спрашивает Сережа.

Дедушка неумолим:

— Скорее говори, а то я откладываю карточку.

— Да я не знаю, какое: это или это? — капризно тянет Сережа.

— А ты прочти и будешь знать.

— «Масло». Нет, не это... — шепчет Сережа. — «Малыш». Ага, вот оно! Значит, теперь одно только слово «масло» и осталось! Ура! Дедушка, я выиграл! Ни разу не ошибся! Смотри, какая лошадь получилась! Давай еще играть...

Игра продолжается. Сережа меняет карты четыре раза. И за все время ошибается всего дважды. А ведь по правилам он проигрывает и в том случае, если в поисках нужного слова сделает ошибку при чтении любого слова.

В игре изменилось отношение мальчика к чтению. Он читает очень охотно, почти не делает ошибок, чтение доставляет ему явное удовольствие.

От простого к сложному

Игра в лото полезна еще и тем, что позволяет увидеть, какие слова даются ребенку труднее всего; их следует чаще включать в игру. Начать лучше с простых слов, состоящих из двух слогов: «Ма-ша», «ка-ша», к более сложным переходить постепенно: «ма-ши-на», «кар-ти-на». Руководством для родителей может служить букварь: материалы для чтения размещены в нем в возрастающей трудности.

Для детей, которые хорошо читают легкие слова, но еще не овладели беглым чтением, в игру можно включать целые выражения, например: «дорогой ковер», «дорожная корзина», «дорожный костюм».

Слова и выражения время от времени надо менять, чтобы ребенок узнавал новые, двигался вперед.

Как выбирать игру?

Можно организовать и другие игры. Сейчас в продаже есть немало различных учебных игр для детей. Во многих городах при домах пионеров есть игротеки, в которых игры выдаются на дом. И, наконец, родители сами могут придумать несложную игру для упражнения в чтении и счете.

Выбрав для ребенка именно такую игру, которая его заинтересует, вы создадите условия, при которых ребенок будет с удовольствием выполнять те же учебные задания, то есть читать и считать, но с удовольствием, и вы сможете выяснить, чего ребенок не знает.

Если для игры взят такой материал, который в данный момент проходят в классе, а окажется, что ребенок ничего не умеет выполнять, надо включить в игру задания полегче; если он и этого сделать не может — еще легче.

Мы хотим предостеречь родителей от возможных ошибок.

Предположим, вы нашли игру, которой ребенок заинтересовался, и все же может случиться, что он вскоре откажется в нее играть. Это произойдет в том случае, если он будет часто проигрывать. Ведь главный интерес к игре создает успех, выигрыш. Поэтому как только обнаружится, что ребенок не в состоянии выполнить задания по условиям игры, вы сразу после

двух-трех проигрышей замените материал более легким. Кроме того, в игре у малыша не должны возникать неприятные переживания, вызванные тем, что он чего-то не знает и не умеет, иначе все удовольствие от игры пропадет. Поэтому, играя с ребенком, не упрекайте и не стыдите его, если он чего-нибудь не знает.

Играть с детьми можно часто. Благодаря учебной игре многие ребята хорошо овладевают чтением и счетом.

Итак, мы хотели показать вам, товарищи родители, каким важным и сложным этапом в жизни ребенка является поступление в школу. От того, как начнется его школьная жизнь, во многом зависят его дальнейшие успехи, а нередко и весь характер его отношения к учению. Научится ли первоклассник хорошо выполнять свои обязанности, полюбит ли школу, будет ли справляться со всеми школьными делами — во многом зависит от вас. Каковы же ваши задачи?

1. Так организовать жизнь ребенка до школы, его игры, всю его практическую деятельность, чтобы сформировать у него стремление учиться, умение жить и работать в детском коллективе, обеспечить необходимое для успешной учебы умственное развитие.

2. С самого первого дня занятий правильно организовать жизнь маленького школьника.

3. Помогать ему в учебной работе — с одной стороны, руководя деятельностью первоклассника, и с другой — всячески содействуя развитию его самостоятельности. Так организовать деятельность ребенка, чтобы в процессе ее происходило формирование необходимых для успешного учения мотивов, эмоций, умений и навыков.

4. Своевременно заметить отставание ребенка, вовремя и правильно помочь ему в преодолении этого отставания.

5. Уметь правильно относиться к его отметкам и выработать у него такое же правильное отношение.

Родители вполне могут выполнить все эти задачи. Но для этого необходимо по-настоящему знать своего ребенка, понимать закономерности его развития, его поведения. Раскрыть их, показать вам, как нужно их использовать в воспитании, мы и стремились в нашей статье.

В 1966 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ:

Беседы психолога из цикла «О возрастных особенностях детей»: «От трех до семи», «Первые школьные годы», «Возраст трудный — и благодарный», «На пороге взрослости»;

«Семья и развитие ребенка» — статья действительного члена АПН РСФСР Л. Занкова;

«Действенное слово» (о роли слова как орудия воспитания) — статья Ф. Ипполитова.

«Экзамены — особая пора, особые заботы» — статья кандидата медицинских наук С. Файнберга.

Материалы из педагогического наследия Я. Корчака, П. Ф. Лесгафта, П. П. Блонского.

Ответы педагогов, психологов, врачей на письма наших читателей.

РЕБЕНКУ ОТКРЫВАЕТСЯ

Рисунок Г. Козлова

Рост и укрепление наблюдательности у детей — необходимое условие успешного общего развития.

Наблюдательность есть способность не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать. Иначе говоря, способность различать и улавливать существенные признаки явления, его причины, его связь с другими явлениями.

Ребенок сам по себе не научится наблюдать. Его надо с ранних лет приучать обдуманно задавать вопросы, останавливать свое внимание на отдельных явлениях окружающего мира, следить за изменениями и развитием какого-либо процесса. Важно пробудить в нем потребность самостоятельно делать «открытия», отгадывать загадки, узнавать новое, научить его наслаждаться самой познавательной деятельностью.

Маленький Боря, нагромождая кубики, которые то и дело разваливались, спросил у отца:

— Почему мой домик падает?

Отец посмотрел на «сооружение» сына и сказал:

— Пойдем гулять. Посмотрим, как строят дома, почему стены не падают.

Боря раньше, когда гулял, не обращал особого внимания на стройки. Но теперь у него появилась цель — выяснить, почему настоящая стена не падает. По тому, как Боря торопил отца, было видно, насколько он заинтересован.

Подошли к стройке. Отец предло-

жил сыну внимательно рассмотреть, как уложена стена из кирпичей, как укладывают другую. Они обратили внимание на то, как тщательно, примерив, каменщик кладет каждый кирпич, как верхний кирпич ложится на стыке двух нижних, какими способами выверяется ровность укладки. Все это оживленно обсуждалось. А в заключение Боря весело сказал:

— Теперь я знаю, почему стена ровная!

Когда пришли домой, он сразу взялся за «строительство», точно копируя виденное. И сколько радости было у малыша, когда домик вышел на славу!

В другой раз, после посещения цирка, Боре захотелось с помощью своих игрушечных зверюшек устроить домашний цирк. До этого он был в детском театре, поэтому из кубиков начал сооружать сцену.

— Сынок, — вмешалась мать, — ты строишь сцену, а тебе нужна арена. Вспомни: как бегали зверята?

Мальчик, вспоминая, расставляет игрушки кругом — одну за другой.

— А, вспомнил, — говорит он. — Но как сделать круглый пол?

Мать дала ему ножницы, картон, карандаши.

— Нарисуй круг и вырежь.

С помощью матери малыш из картона сделал круг и стал расставлять вокруг него кубики. Игра сразу пошла.

Подобные игры очень полезны, потому что ребенок не просто воспроизводит уже известное, а вносит в свою деятельность новое, увиденное в жизни, у него появляются и новые слова, представления, понятия. А главное, у него растет способность видеть.

Наблюдательность развивается в процессе сопоставления предметов, сравнения их признаков. Ребенок часто не умеет еще отличать существенные признаки от несущественных, поэтому он плохо различает понятия «похожий» и «одинаковый». Например, маленькая Таня не признала три глубоких тарелки одинаковыми только потому, что на них цветочки разного цвета. И только когда мать, поставив рядом плоскую тарелку, спросила, из каких тарелок можно есть суп, Таня на деле убедилась, что глубина тарелки — более существенный признак, чем цветочки.

Умению подмечать и различать признаки помогает игра в загадки.

Пятилетней Наде мать предложила

загадку: «Что круглое прыгает?» Включившись в игру, мать положила на стол деревянный шарик. Девочка схватила его, бросила на пол и, смеясь, закричала:

— Вот и не отгадала! Шарик круглый, а не прыгает.

Надя стала отбирать круглые игрушки и ударять ими о пол. И вот отгадка в ее руках.

— Мама, я отгадала! Это мячик! Во, как подпрыгивает!

Наде нравится игра, она просит еще загадать что-нибудь.

— Ладно, — соглашается мать. — Что это — круглое, вкусное, с белым хвостиком?

— А это едят?

— Конечно, раз вкусное.

Мать подвела девочку к ящику с овощами. Надя, перебирая их, рассуждает:

— У петрушки хвостик белый, а она не круглая. Лук круглый, но горький, невкусный.

На дне ящика она нашла то, что искала.

— Мама, да это редиска! И круглая, и вкусная, и с белым хвостиком. Я отгадала.

Богатейший материал для развития наблюдательности ребенка дает природа.

Тоне с раннего детства родители прививали любовь к природе, учили ее внимательно всматриваться в окружающий мир. Однажды ранней весной, отправившись с отцом в лес, она грустно заметила:

— И деревья совсем голые и кусты, как палки.

— А ты повнимательней погляди, — сказал отец и, подведя дочь к кустарнику, пригнул одну ветку.

— Я вижу маленькие бугорки и больше ничего.

— Посадим дома ветку в бутылочку с водой и будем наблюдать за ней.

Девочка стала вести наблюдения. Незаметные бугорки-почки становились все больше, лопались, появлялись маленькие светло-зеленые листочки. Тоня радовалась чудесному превращению.

— Папа, гляди, на ветках листики! А я-то думала, что на них ничего нет.

Как-то летом, гуляя с родителями в лесу, Тоня обратила внимание на муравьев, которые куда-то быстро ползли, таская сухие иголки с ели.

— Куда это они таскают? — заинтересовалась девочка.

— К себе в домик, — ответил

МИР...

отец. — А где он — сама поищи.

Тоня долго и внимательно наблюдала за муравьями и, наконец, выследила муравьиную кучу.

— Папа, мама! Я нашла домик! Ой, сколько они натаскали иголок! Мы еще придем сюда? Я хочу посмотреть, какой у них вырастет домик.

— А как мы найдем это место? — спросила мать.

Тоня зорко стала кругом оглядываться, искать приметы. Вот большая береза, около нее совсем маленькие. Вот круглый, как столик, пенёк, а около него валяется дерево.

— Я запомню, мама, — уверенно сказала девочка.

Так же, как Тоня, очень любознателен и ее дружок Вася. И его родители приучали любить природу, вести наблюдения, делать «открытия». Вася тоже любит лес и почти в каждую прогулку находит в нем что-либо новое, интересное. Однажды он заметил на старой березе много дырочек. Под корой на дереве были причудливые рисунки, похожие на елочки, и много белых червячков.

— Мама! — закричал Вася, —

гляди, куда забрались червячки. Это от них, наверно, сучки стали сохнуть.

— Это личинки, — пояснила мать. — Жуки откладывают яйца. Из яйца появляется червячок. Это личинка. Она очень прожорливая и быстро растёт. Через некоторое время она превращается в куколку. Лежит неподвижно, ничего не ест. А потом из нее и выплывает жук-короед.

Вася взволнованно сказал:

— Какие хитрые и вредные эти жуки! Живут под корой, губят деревья.

— Но у леса защитники есть, — сказала мать. — Слышишь стук? Это работает доктор деревьев — дятел.

Вася стал вслушиваться и искать птицу. Мать предупредила: следи тихо, незаметно, а то спугнешь ее.

Мальчик затаив дыхание наблюдал, как уничтожает вредителей дятел. Опираясь на хвост, он далеко запрокидывал свою большую голову и крепким длинным клювом долбил по дереву, уничтожая личинки.

Наблюдения дали мальчику обильную пищу для разговоров с родителями о жизни птиц и насекомых.

Приучая детей наблюдать и спрашивать, не следует торопиться отвечать на любые детские вопросы. Нередко они таковы, что сам ребенок может найти ответ. И надо наталкивать его на поиск.

Однажды, сидя за чайным столом, маленькая Катя спросила:

— Папа, а куда девается сахар? Положишь в чай песок сахарный, и нет его...

— Сахар, как и соль, растворяется в воде, — пояснил отец.

— А вот песок, с которым мы играем во дворе, он тоже растворяется?

— Ну, это уж ты сама проверь.

Захваченная предстоящим опытом, Катя бежит во двор, лопаткой насыпает в свое ведерко песок, наливает воду и начинает наблюдать. Что-то не расходуется песок. А может, помешать? Катя нашла палку и стала размешивать. Но и тут ничего не помогло — песок весь остался. Значит, этот песок в воде не расходится, заключила девочка. И побежала домой радостно делиться своим «открытием».

Таких возможностей для поощрения любознательности у детей, развития их наблюдательности, умения видеть, слышать, анализировать — бесконечное множество вокруг нас. Все дело в том, чтобы сами родители поняли, как важно заботиться об общем развитии детей и какую роль в этом играет способность наблюдать.

Дети, которые уже до школы приобрели подобную способность и потребность, легко включаются в школьное учение и выдвигаются в ряды сильных учеников. Их развитие идет быстро и успешно.

М. СТЕПАНОВА

Юрий СМЕРНОВ

Своеобразие поэтического голоса Ю. Смирнова в том, что в каждом почти его стихотворении грусти сопутствует мягкий юмор поэта. Это своеобразие давало знать себя в первом же стихотворении, напечатанном Ю. Смирновым в журнале „Пионер“ в 1960 году. Стихи, которые мы предлагаем вниманию читателей, вместе со стихами поэта, опубликованными в журналах „Новый мир“, „Смена“, в сборниках „День поэзии“ составили основной костяк первой книги Ю. Смирнова „Квартал 8-Б“, которая будет выпущена издательством „Советский писатель“.

Быть бы мне прозаиком,
Вот тогда я залпом
Про лису, про зайку
Сказку написал бы.
Мне ж не до зверюшек:
Руки не доходят...
Милый мой Андрюша,
Я пишу про тетю.
Взрослую, серьезную
С серыми глазами.
Я пишу не прозою,
Я пишу стихами.
Разлюблю я тетю,
Вытащу занозу,
Вот тогда охотно
Перейду на прозу.
Напишу я сказки

Лучшие на свете,
Чтоб скорее глазки
Закрывали дети.

Я стою у обрыва,
Себя я казню,
Что гляжу боязливо
На его крутизну.
Про себя повторю
Который уж раз:
Что-то я потеряю,
Не съехав сейчас.
Будет стыдно и горько
По прошествии дня,
Что стоит где-то горка
Сильнее меня.

На «Метрострое» пусто. Стадион
Готовится к осеннему ремонту.
По радио транслируют «Раймонду»,
И все погружено в осенний сон.
Не всколыхнет, не возмутит покой
Плакат, зовущий «влиться» и

«умножить»,

И девочка безногая не может
Забросить мячик гипсовой рукой.
«Костыль» без цели бродит. Он давно
Кладовку запер, раздавил «поллитру»,
Не оценив осеннюю палитру,
Скучает он, хоть снова за вино.
Его я знаю скоро двадцать лет.
(Я сколько этот стадион оббегал!)
Потом немало городов объехал,
Но годы те оставили свой след.
И если буду «из последних жать»,
Помимо всех, тому еще причина —
Внутри меня закручена пружина,
Толкающая первым добежать.
Я «Костыля» из виду потерял,
А там уже компания сложилась,
А как бы жизнь у Костыля

сложилась,

Когда б в войну ноги не потерял...

ЧАШЕЧКА

Маленький Саша разбил чашку. Маме ничего не сказал, а осколки спрятал за шкаф.

Пришел папа с работы. Случайно заглянул за шкаф.

— Ай-ай-ай! — удивился папа. — Кто это чашку разбил?

Молчание.

— И кто же так красиво ее разбил? — продолжал папа. — Я бы так не сумел.

— А вот я сумел! — обрадованно закричал Саша.

В. КАРАСЕВ

ДЕЛИКАТНАЯ МАМА

Мама ведет Мишу за руку. Возле игрушечного магазина мальчик вдруг останавливается и ни за что не хочет идти дальше. Миша обязательно хочет зайти в магазин, а мама очень торопится и тянет сына за руку, чтобы он шел дальше.

Миша начинает визжать. Обычно мать уступала в таких случаях. Но сегодня она очень торопится и, не обращая внимания на визг сына, продолжает тянуть его за руку, чтобы увести подальше от магазина.

Вдруг мать замечает пожилого, небольшого роста рыжеволосого человека в допотопном картузе и широких коротковатых штанах. У него в руках удочки вдвое выше его самого. И она чувствует, что спасена. «Какой смешной дядя. Посмотри, какой смешной дядя!» — громко восклицает женщина. Миша перестает визжать и с любопытством смотрит на смешного дядю.

Мать довольна: ей удалось отвлечь внимание сына от магазина игрушек. Но интересно, что думает дядя, например, о маминной деликатности?..

Наталья ГРИНЕВА

Говорят дети

Каждый родитель может привести много фактов, свидетельствующих об активном мышлении детей. Дети очень любознательны. Их речь нередко поражает нас своей непосредственностью, яркостью, оригинальностью. И восприятие смысла речи взрослых у детей очень острое. Своими вопросами ребята иногда ставят родителей в затруднительное положение.

■ Коля декламирует:

— Весь до ниточки промок.

Его сестренка Лена спрашивает:

— Как это: весь до ниточки промок?

— А вот так: у него внутри была ниточка, и он промок до этой ниточки. А сама ниточка не промокла, потому что была очень прочная.

(Коле 3 с половиной, Лене 2 с половиной года)

■ Я и мой товарищ взяли Колю за руки и перенесли через канаву с водой.

— Как гуси-лебеди! — сказал мой товарищ.

— Как на самолете! — сказал Коля.

(3 года 8 месяцев)

■ Лена напевает песенку собственного сочинения:

— Я полечу за вороной...

— Люди не летают, птицы только летают, — заметили ей.

— Нет, и люди летают. Один раз санки перевернулись, и я полетела.

(4 года)

■ Коля сказал:

— Дедушка, для нас это пол, а для тех, кто живет внизу, — потолок.

(4 года)

Собрал И. СТЕПАНОВ

„ПУСТЬ МЕНЯ НЕ ДОВОДЯТ!..“

— Нет, вы не знаете: они все сговорились против моего мальчика! Все, все!.. «Ах, ваш Вова себе позволяет, он мне не позволяет нормально вести урок, мы ему не можем позволить, пусть он себе не позволяет!..» А я ей спокойно так: «В чем дело? Вы учительница или кто? А если вы учительница, вы обязаны сделать так, чтобы дети вели себя хотя бы кое-как!..» О, они меня еще не знают: я еще могу дойти до самого министра! Да, мой Вова действительно резвый ребенок. У него это — как ее? — индивидуальность. У него нервы — это уже от меня: наследственное. Вы знаете, когда он был маленьким, он расплачется-расплачется, возьмешь его на руки, а у него сердечко бьется как птенчик... Оно и сейчас как птенчик. Недавно дворовые ребята — все такие бандиты, вы же сами знаете, — возлели его в это... в футбол играть... И он совершенно нечаянно разбил там два или три стелышка... В общем, в окнах... Ну, в магазине. Витрины, одним словом. А этот негодяй — заведующий магазином — за Вовой погнался, так мой Вовочка вбежал домой, у него сердце, смотрю, опять бьется, как когда он был грудным...

Ну, конечно, я этого завмага поставила на место: он у меня убрался из квартиры как миленький!.. Это он уже потом придумал, будто я в него плеснула кипятком... Это, конечно, неправда, но так ему и надо! А в школе, вместо того чтобы поддержать своих воспитанников, они еще устраивают какие-то собрания и все-все припоминают, как какие-то сплетники: «Ваш Вова — то-то, ваш Вова — это... Он два года тому назад надерзил, а три года тому назад не посещал... А сейчас он ударил доскою...» А я им так спокойно отвечаю: «Это вы должны позаботиться, чтобы там, где бегают нервные дети, никаких досок не было!» И потом — что он мог сделать такого особенного какой-то там несчастной доской? Вот я понимаю, когда у Сусанны Александны ее Гена ного-то там подколол ножом в классе... Так и то: Сусанна Александра достала справку, что Гена невеняемый. Между прочим, я тоже могу в два счета достать любую справку. И не только на Вову, но и на меня лично. Так что если будут сличничать против моего ребенка, им всем не поздоровится!

Вообще мой Вовочка такой несчастный ребенок... Они его просто травят! Мне абсолютно ясно! При таких условиях я сама готова ногом стукнуть доской! Пусть они лучше меня не доводят! Пусть они учтут, что меня-то уж поздно перевоспитывать! Да, да! Я какая есть, такой и останусь. Вот именно! Ага. Пусть учтут!

В. АРДОВ

ТРИ ГРУШИ

Леночкин папа уехал на курорт отдыхать.

— А какой курорт? — спрашивала Лена. — Там, наверно, всё в цветах, даже ногу поставить негде, и полно птиц — ведь птицы все на юг улетают?

Мама рассказала, что около моря, где санатории, растут большие пальмы, кипарисы, а вот в горах Кавказа и вправду есть луга, сплошь покрытые яркими цветами или густыми зарослями цветущих кустов — рододендронов.

Почтальон часто приносил письма от папы. Одно письмо совсем необычное: оно было написано чернилами на плотном зеленом листе. Мама объяснила Лене, что это лист с дерева магнолии.

А однажды папа со своим другом, который летел в Москву, прислал с курорта подарок. В дверях стоял незнакомый человек — высокий, широкоплечий, загорелый. Будто извиняясь, что он такой большой,

а привез только маленький пакетик, папин друг сказал, что встретились они перед самым отлетом и папа не успел послать ничего больше. В пакете оказались три груши.

— Ой, какие душистые, — радостно закричала Лена. — Эту я съем сейчас, эту — вечером, а эту оставлю на завтра.

Мама как-то грустно посмотрела на дочку, но та ничего не заметила — она ела грушу.

Недели через две вернулся папа. Он привез небольшой ящик груш.

— Это такие же, что я присылал вам с Алешей, — сказал он маме. — Они тебе понравились?

— Да, груши были очень ароматные, — уклончиво ответила та.

— И такие сладкие, правда?

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Я их не пробовала, — чуть слышно промолвила мама.

Лена покраснела и, не смея взглянуть на отца и мать, выбежала из комнаты.

Б. СИМИНА

Немного улыбки

ЛЮБОВЬ К ЖИВОТНЫМ

Четырехлетний малыш гладил котенка, дремавшего у печки. Котенок звонко замурлыкал от удовольствия. Малыш внимательно посмотрел на него. Потом вдруг схватил котенка за хвост и потащил от печки.

— Зачем ты мучаешь котенка, сынок? — сказала мать.

— Я не мучаю. Я спасаю его от огня. Он начинает кипеть.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Инспектор посетил деревенскую школу. После урока он встал с места, задумчиво посмотрел на ребят, на парты, на школьную доску и сказал:

— Как бы я хотел быть маленьким мальчиком и снова ходить в школу!

Сделав значительную паузу, чтобы дети усвоили его мысль, инспектор спросил:

— Вы понимаете, почему я хочу этого?

Некоторое время класс молчал. Потом маленькая девочка подняла руку.

— Я думаю, вы потому хотите снова ходить в школу, что всё забыли.

СОБЫТИЕ

Учитель: «Почему ты опоздал в школу, Томми?»

Томми: «Сегодня у мамы рождаются дети. Двое уже родились».

ОН ЗНАЕТ ПАПУ

— Ты еще не в постели, Гарри! Уже девять часов. Что скажет папа, когда придет с работы!

— Он скажет: «Где ужин? Когда же, наконец, будет ужин?»

Перевод с английского Н. АКИМОВОЙ

БОЛЬШЕ ЛАСКИ И ВНИМАНИЯ!

С Толей в этот день я встретился дважды. Первый раз — по дороге в школу. Я обратил внимание на его какой-то особенно торжественный вид.

— А у меня сегодня день рождения! — сказал Толя.

Я от души поздравил его.

Вновь я увидел Толю после школы на автобусной остановке. Он стоял, понуро опустив голову, но я как-то не обратил внимания на его состояние.

— Наверно, мама пирог сегодня испечет тебе, — весело сказал я.

— А, ничего мне не надо, — ответил он дрогнувшим голосом. У него заморгали ресницы и вот-вот готовы были хлынуть слезы.

Удивленный такой резкой переменной настроения мальчика, я предложил ему пройтись, чтобы вызвать на откровенность. Некоторое время он шел молча, затем сказал:

— Меня сегодня классный руководитель выгнал с урока и записал в дневник, чтобы мама завтра пришла в школу.

Оказывается, на уроке Толя чаще всех поднимал руку, чтобы ответить на вопросы учителя (ведь мальчик сегодня обещал маме принести по крайней мере две пятерки). Но учитель «не замечал», и Толя несколько раз выкрикнул ответы на вопросы, с которыми не справлялись вызванные к доске ребята.

И вот результат: Толя удален с урока, а в дневнике появилась запись — родителям явиться завтра в школу. Пятерок маме он тоже не нес: его не вызвали ни на одном уроке, хотя он все время поднимал руку.

Мне стало жаль Толю: действительно, такой радостный и вместе с тем такой неприятный день!

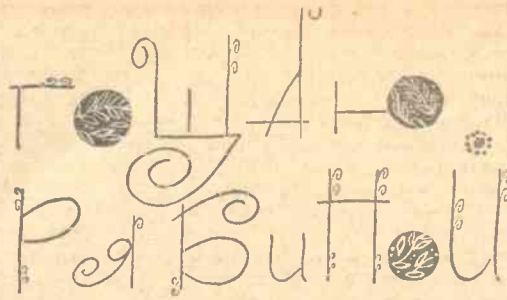
Случай с Толей навел меня на мысль о том, как часто мы, педагоги, озабоченные уроками, отметками, контрольными работами, внешним порядком в классе, не замечаем за всем этим главного — детей со всеми «мелочами» их жизни, которые, однако, для ученика имеют очень важное значение.

К таким «мелочам» относится и день рождения ученика. Мы не всегда считаем нужным знать их. «В классе 35 учеников, разве запомнишь день рождения каждого?» (Хотя в конце классного журнала эти сведения добросовестно записаны тем же классным руководителем).

А как хорошо, если бы классный руководитель начал урок с того, что поздравил Толю с днем рождения, поздравил бы просто, от души, с доброй улыбкой. Подарил бы ему открытку или книгу. Записал бы в дневник ученику свои пожелания или высказал их вслух. А если день рождения выпадает на школьные каникулы, поздравил бы открыткой по почте.

Но дело не только и не столько в формальном поздравлении, сколько в человеческом внимании к ученику в этот большой для него день, в готовности проявить свое доброе отношение к нему, похвалить его за что-то хорошее, подчеркнуть свою веру в него.

Б. БОРИСОВ

Р а с с к а з

Александр ЯШИН

Весной в Подмоскowie, пряча лыжи на чердак, я заметил развешанные по стропилам кисти рябины, которую осенью сам собирал, сам называл на веревки, а вот забыл о ней и, если бы не лыжи, не вспомнил бы.

В давнее время на моей родине рябину заготавливали к зиме как еду, наравне с брусникой, и клюквой, и грибами. Пользовались ею и как средством от угара, от головной боли.

Помню, вымораживали мы тараканов в избе, открыли дверь и все окна, расперев их створки лучиной, а сами переселились к соседям. За зиму таким способом избавлялись от тараканов почти в каждом доме. В лютый мороз пройдет несколько дней — и ни одного прусака в щелях не остается. Вернулись мы в свою избу через неделю, мать принялась калить печь, да закрыла трубу слишком рано, не рассчитала, и к вечеру мы все валялись на сыром полу, как тараканы. Не знаю, что с нами было бы, если бы не мороженая рябина. Странно, может быть, но сейчас вспоминать об этом мне только приятно.

В Подмоскowie я собирал рябину больше из любви к этим своим воспоминаниям о детстве, да еще потому, что в прошедшем году уродилось ее на редкость много, и жалко было

смотреть, как сочные, красивые ягоды расклевывают дрозды.

На темном чердаке под самой крышей связки рябины висели, словно березовые веники. Листья на гроздьях посохли, пожухли и свернулись, и сами ягоды, перемерзшие за зиму, тоже чуть сморщились, вроде изюма, зато были вкусны. Свежая рябина — та и горьковата, и чересчур кисла, есть ее трудно, так же как раннюю клюкву, но и клюква и рябина, прихваченные морозом, приобретают ни с чем не сравнимые качества: и от горечи что-то осталось, а все-таки сладко, и, главное, никакой оскотины во рту.

Цвет рябиновых ягод тоже за зиму изменился, он стал мягче и богаче по тонам: от коричневого, почти орехового, до янтарного и ярко-желтого, как цвет лимона. Впрочем, почему это нужно сравнивать рябину с лимоном, а лимон с рябиной?

Попробовав ягоды тут же на чердаке, я первым делом обрадовался, что опять смогу как-то побаловать своих детей и лишний раз доказать им, что деревенское детство не только не хуже, а во многих отношениях даже лучше детства городского.

Не знаю, как это передать, объяснить, но всю жизнь я испытываю горечь оттого, что между мною и моими детьми существует пропасть.

Нет, дело не в возрасте. Дело в

том, что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские, и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина. И еще дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, — а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога.

Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом. Не могу и не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или все еще они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же наконец будет поступать запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоев, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах, и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут наконец глушить водку, а женщины горевать из-за этого.

А еще: сколько талантливых ребятшек растет сейчас в моей деревне, и все ли они выбьются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь, и кем они станут?..

По утру я слышу, как скрипят колодезные журавли на моей неширокой улице и холодная прозрачная вода из деревянной бадьи со звоном льется в оцинкованные ведра. Скрипят ли журавли теперь? Уцелел ли тот колодец вблизи нашей избы, из которого я сам много лет носил воду на коромысле?

Что до всего этого моим сыновьям и дочерям? Во всяком случае они не крестьянские дети и потому не чувствуют, как мне кажется, и не понимают моего детства. Разные мы люди, из разного теста сделаны и, должно быть, по-разному смотрим на мир, на землю, на небо. Но может быть, я не прав, попробуй разберись в этом! Ревность и обиды мучают меня, когда между нами опускается вдруг некий занавес и мои многознающие отпрыски вдруг начинают даже бунтовать, подтрунивать надо мною из-за того, что меня каждое лето тянет не в теплые края, не к синему морю,

а все в мои северные дебри, к комарам да мошкам. Они же комаров и мошек терпеть не могут. Да и то сказать, не каждый человек способен свыкнуться с этой нечистью на земле.

Запах скотного двора, унавоженных полей и соломы меня бодрит, я вспоминаю о свежеспеченном хлебе, а для моих детей запах навоза только вонь и ничего больше.

У художника Серова есть замечательная картина «Волю» — у старого Серова, не у нынешнего. Вряд ли мои дети чувствуют всю прелесть этого серовского шедевра. Даже когда сыновья мои попадают в деревню, их привлекает больше трактор, а не живая лошадь, совершеннейшее из созданий природы. С машиной управляться легче, чем с живым существом...

Правда, и деревенские ребятишки теперь охотнее играют не в лошадки, а в трактор, в автомобиль, как во время войны играли в войну. И, может быть, мои страхи преувеличены. Но все-таки мне почему-то жаль иногда своих детей. Жаль, что они, городские, меньше общаются с природой, с деревней, чем мне хотелось бы. Они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то неуловимое, хорошее проходит мимо их души. Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в ее трудах и преобразованиях делают человека проще, мягче и добрее. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека.

В общем, жаль мне своих детей, но я люблю их и потому не упускаю случая постоять перед ними за свою сельскую родословную, за своих отчий и дедичей.

И сейчас, обнаружив забытую на чердаке рябину и вспомнив, с каким наслаждением мы в детстве ели ее, мороженую, я опять решил про себя: вот угощу — и почувствуют мои птенцы, что значит настоящая природа, настоящая Россия, и мы больше будем понимать друг друга.

Кстати, и цветет-то рябина удивительно красиво, пышно и тоже гроздьями. Каждое соцветие — целый букет. Но весной разных цветов так

много, что эти белые, кремовые гроздья на деревьях как-то не бросаются в глаза. К тому же весной детям моим не до цветов, не до красот природы, не до поездки в деревню. Школьные перегрузки, часто нелепые, не оставляют времени у них и у преподавателей, чтобы интересоваться живой землей. Да и осенью, когда на полосах поспевают горох, на грядках овощи, а в лесах грибы, брусника, княжая ягода, они, дети, должны быть в городе, за партами, и если что видят, то лишь на торговых лотках.

И все-таки...

Но прежде чем встретиться со своей семьей, я со связкой рябины на веревке появился в кругу товарищей по работе. Всегда приятно чем-нибудь одаривать людей, и потому я особенно обрадовался, когда рябина моя взволновала моих знакомых.

Один из них, ширококостный, шумный, автор колхозных романов, первый шагнул мне навстречу, сказал «ого!», взял связку из моих рук, чтобы сначала ощутить ее тяжесть, покачал вверх-вниз и как знаток понюхал.

— Ого! — повторил он. — Вот это да! Рябина! Можно?

Он отщипнул одну ягодку, затем другую, взял на язык, почмокал, разжевал.

— Неужели с родины?

— Нет, здешняя, подмосковная.

— Ты смотри! Сколько ни обламывают, а все жива. Вот что значит русская рябина!

И он стал осторожно перебирать сухие, плотно слежавшиеся бурые и серые листья и открывать, как бы разворачивать гроздья янтарных и красных ягод.

— Да, северный виноград! Витамины! — причмокивал он. — У нас раньше под каждым окном в деревне два или три дерева обязательно росли. Были одностовольные, а то — кустом, от корня в четыре-пять стволов. Весной аромат по всей избе. Что за дом без своего садика под окнами! Мало под окнами, у нас даже за двором, на участке, где-нибудь около гумна отводили уголок для деревьев. Черемуху на участке обычно не са-

жали, от нее заразы много, на сладкое, как известно, всякая пакость лезет. А рябину сажали частенько. Наверно, ведь и в ваших местах палисаднички были? Все помнишь?

— Как не помнить! Любили и мы по черемухам да по рябинам лазить, хлебом не корми.

— Вот, вот, — обрадовался он, — хлебом не корми! А наши дети растут! Даже по крышам не лезят. Что это за детство! Лошадей да коров только на картинках видят. Один рвется к бильярду, хлебом не корми, другой мечтает за руль сесть. И развязные какие-то... Мой младший на днях встретил старика Чуковского, Корнея Ивановича, живого Чуковского! — и спрашивает: «Как жизнь?» Вроде по плечу похлопал. А потом заглянул к нему в открытый гараж и говорит: «Я не знал, что у вас «ЗИЛ!» Корней Иванович, конечно, расхохотался. Расхохотался!

«Ну, к моим детям это не относится, — с удовлетворением подумал я. — Мои не такие, может, потому, что у меня их много, и не так им просто и легко живется».

А он продолжал:

— Между прочим, у нас раньше пироги пекли с черемуховыми ягодами. Зубы у всех были крепкие, ешь — хруст стоит. А из рябины не помню, что делали... Спелые кисти ее раскладывали на зиму промеж оконных рам, это уже для красоты. На белых листочках из школьных тетрадей — красные крапинки... И на рушниках вышивали рябину — хорошо!

Воспоминания сельского романиста, его красноречие уже невозможно было остановить. Я слушал и ждал: вспомнит ли об угаре? Вспомнил!

— Знаешь ли, что в деревнях рябина спасает людей от угара? Зимой печи топят жарко, поторопится баба закрыть трубу, чтобы тепло сбегать, — и все в лежку лежат. Ну, принесут этакую вот связку с потолка и жрут. От наших морозов тараканы валяются, а рябина становится только слаще. Как говорится, что русскому здорово — то... и так далее. Что ты скажешь, проходит угар, голова не трещит. К чему все эти пи-

В 1966 году „Семья и школа“ будет широко публиковать рассказы и повести. В портфеле редакции произведения известных писателей.

раמידоны, аналгины, тройчатки? То ли дело натуральная целебная сила! — И он, шумный, так захохотал, что можно было подумать, не смеется, а кричит на кого-то. — Твоя ягодка уже оттаяла, а все еще вкусна. Я возьму веточку с собой?

— Бери, пожалуйста, не одну.

Он взял и снова начал настраиваться на воспоминания:

— Да, вот ведь как, рябина... А все-таки, что мы такое из рябины делаем?

— Настоячку, настоячку из рябины делали, вот что! Как же забыть такое? — заинтересованно вклинился в разговор другой мой знакомый и тоже с удовольствием стал сощипывать ягоду за ягодой.

А третий неожиданно спросил:

— Что это?

— Рябина, конечно.

— Да? Рябина? — удивился он. — «Что стоишь, качаясь»? Откуда она у вас?

— Осенью красовалась под окном, а зимой висела на чердаке.

— Это интересно, расскажите, расскажите!

Еще не разобравшись толком, действительно ли ему это интересно, я стал рассказывать. Но что, собственно, было рассказывать? Чего такого он мог не знать про рябину?

— Пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует?

— Как что интересует? Прежде всего — дикая рябина или садовая?

— Была дикая, сейчас растет на участке. Принес из лесу несколько тоненьких, задавленных кустиков, пересадил под окна, на свободе они принялись, похорошели. Пока за рябиной ухаживаешь, заботишься о ней — она не дикая, а ягода крупнее, добрее, а перестанешь заботиться — одичает рябина, запаршивеет, и ягода станет мелкой, горькой, чуть ли не ядовитой.

Любознательный друг мой засиял от догадки:

— Происходит, собственно, то же, что и с людьми?

— Собственно, то же, — подтвердил я. — Вот уже вторую осень от дроздов на моей рябине отбою не было.

— Очень интересно! И дрозды, значит, рябину любят?

— Как же, любят! Есть дрозд, которого так и зовут: рябинник.

Тут первый знакомый снова включился в разговор.

— А ты не замечал, — обратился он ко мне, — когда на рябину урожайный год, дрозды, что ты скажешь, зимовать остаются? Не замечал?

— Замечал, — ответил я.

— Конечно, не все, а которые посмелее. самые отчаянные, так сказать.

— И не одни дрозды, наверно. Кстати, в этом году так и случилось: большие стаи птиц в наших перелесках остались на зимовку, уразумели, что от добра добра не ищут.

— Очень интересно, — заговорил опять городской книголюб. — Вот ведь какое дело! И как же вы ее приготавливали, рябину?

— Что ее готовить? Обломал гроздь с дерева, прямо с листьями, как видите, взял веревку, привязал к ее концу палочку-выручалочку и нанизал гроздь на веревку. Вот и вся работа.

— Удивительно интересно! А что потом?

Я начал улыбаться забавной обстоятельности его вопросов. Но вправде ли я был ожидать и тем более требовать, чтобы и этот мой товарищ, у которого свой круг жизненных интересов, отличный от моего, но одинаково нужный и важный, чтобы и он смотрел на мою рябину так же, как я на нее смотрю? Не было у меня такого права. Значит, неуместна была и моя ирония. Другое дело — если бы дети мои так же интересовались всем, что касается моего детства!

— Что потом, говорите? А попробуйте! — И я с готовностью протянул ему раскачивающуюся цветастую гирлянду.

— И что же, ягоды замерзли зимой? — продолжал допрашивать меня горожанин.

— Ледышками стали. Да вы ответьте, не бойтесь!

— А вкус их изменился от этого? Кислые они или какие?..

Один раз он даже тронул листья, пошуршал ими, но так и не решился взять в рот ни единой рябиновой ягодки. Что же, выходит, я должен жалеть и его? Хватит ли у меня жалости на всех?

— Ах, что за прелесть, что за прелесть! — восторженно заахала вдруг накрашенная немолодая дама, печатавшая в газетах очерки на морально-бытовые темы. — Это же дивное, чудо-чудное! И как пахнет! Можно я понюхаю?

— Может быть, хотите и попробовать?

— С удовольствием! И вы не пожалеете?

Она быстро клюнула ягодку, съела ее, сморщилась и заахала еще энергичнее.

Я снял сверху несколько кистей, протянул ей.

— Ах, что вы, ах, зачем вы! — обрадовалась она. — Разъединять такую прелесть, такое творение природы. Как можно! — Но гроздь рябиновые приняла. Приняла бережно, из рук в руки, как если бы это был сигнальный экземпляр ее новой книжки. Затем вынесла из своей комнаты огромный оранжевый апельсин и не отсту-

пилась, пока я не согласился взять его взамен рябины.

— За добро надо платить добром! — многозначительно сказала она.

А рябиновые кисти тут же опустились в стакан с водой — «Вот так!» — и не переставала ахать от восторга и удовлетворения:

— Какой букет, ах! Он у меня будет стоять на письменном столе. Это же сама Россия!

Сама Россия!.. Я вспомнил о Бобришном угоре на моей родине. Осенью, когда похолодает, и по утрам река светла до дна, и лесные опушки просвечивают насквозь, когда на мокрой от росы траве посверкивает паутина, а в ясном, прозрачном воздухе носятся стаи молодых уток, — вдруг из всех перелесков выдвигаются на первый план нарядные, увешанные гроздьями рябины: вот они мы, не проглядыте, дескать, не пренебрегайте нашей ягодой, мы щедрые! Ветерок их оглаживает, как из гостей в гости, с одной золотой вершины на другую, а они стоят себе, чуть покачиваясь, и любят сами собой...

Хлынет дождь — и засверкает весь речной берег. Стекает вода с рябиновых кистей капелька за капелькой, ягоды красные и капли красные; где висела одна ягода — сейчас их две, и обе живые. Чем больше дождя, тем больше ягод в лесу...

Все, конечно, может примелькаться, ко всему со временем привыкаешь, но такое не заметить трудно. Вскинешь голову и неожиданно для себя, как после долгой отлучки, и словно бы уже не глазами, а каким-то внутренним, духовным зрением увидишь всю эту красоту в удивительно чистом завораживающем сиянии. Увидишь, как в первый раз, все заново и радуешься за себя, что увидел... Ни наяву, ни во сне этого забыть никогда нельзя. Вот она какая, наша рябина!

Недаром же, истосковавшись по родине, русская поэтесса, сколь ни уверяла себя и других, будто ее ничто уже не может обольстить, что ей «все равно и все едино», все безразлично, под конец стихотворения признавалась:

*Но если по дороге куст
Встает, особенно — рябина...*

Дальний мой родственник, химик, Аркадий Павлович Ростковский, которого судьба забросила на всю жизнь в знойный, раньше далекий от России Ташкент, влюблен был в экзотику Востока, во все эти древние мозаичные медресе, и лепные мечети, и караван-сарай, даже чай пил только из пиалы, а все-таки настойчиво, до конца дней своих пытался заставить расти у себя под окном простую русскую рябину. Правда, не удалось это ему...

Конечно, и рябина может примелькаться. Однажды ко мне на Бобришный угор, в мою охотничью избу приехал осенью друг из Ленинграда. Я не знал, чем порадовать его, а он глянул поутру из окна и, как заговорщик, шепнул мне:

— Под окном-то у вас красавица стоит, не видите?

Я с перепугу принял его слова всерьез, бросился к окну и ахнул: под окном действительно стояла настоящая красавица. Рябина! Как же я раньше ее не заметил?

Сама Россия!.. Вспомнил я и о цветочных горшках на окнах городских квартир, о маленьких жалких клумбочках во дворах многоэтажных зданий, а то прямо у лестниц, справа и слева от входных дверей, о клумбочках, выхаживаемых кропотливо и бережно горожанами. Все они, сознавая или не сознавая, тоскуют по настоящей природе. Горшки и клумбы — разве это природа!

— Позвольте-ка причаститься и мне! — протиснулся к рябине сквозь толпу пожилой грузный литератор с седыми усами, в коричневом шерстяном свитере, в черной академической шапочке на голом черепе. — Редко я сейчас ее вижу, а в юности, бывало, мы носили ее с реки целыми корзинами, пестерями. А то затянем пояс потуже и набьем под рубахи вокруг себя, прямо к голому телу, сколько могло уместиться. С реки отправляемся толстые, как бочки, а по дороге едим да в дудочки постреливаем, и чем ближе к дому, тем тоньше становимся. Как это точнее сказать: тончаем, тонею, утончаемся? — ...Начались муки слова!.. — Нет, утон-

чаемся сказать нельзя, смысл другой!.. Самая бесподобная рябина, конечно, мороженная. Кстати, от угара хорошо помогает...

И он стал вспоминать о том самом, о чем мы уже переговорили. Мы не перебивали его.

— Человек не может не тянуться к природе, он сам ее творение, — сказал он наконец.

— За чем же дело стало? — спросили его не без упрека в несколько голосов. — Жили бы на подножном корму, примеров немало.

— Э, молодые люди! Вы, кажется, злитесь? А рассуждали, наверное, о союзе с природой, о том, что она смягчает нравы? Дело простое: сначала нужен был институт, затем потребовались издательства, журналы... Затем городская жена появилась... Сейчас, к сожалению, я уже не могу спать на сеновале и носить воду с колодца. Вот в будущем, на которое мы сейчас работаем, должна наступить гармония между городом и лесом. Зеленоград! — для меня это звучит, как, наверное, для первых русских революционеров звучало слово «социализм»...

По-разному относились знакомые к моему угощению и разными глазами на него смотрели.

Какая-то девушка воткнула рябиновую кисть себе в прическу и тотчас побежала к зеркалу: в черных волосах ее заблестели почти настоящие рубины. Потом она попросила еще две-три кисти ягод, чтобы сделать из них бусы.

— Я каждую ягодку лаком покрою, — объяснила она.

Молодой поэт сказал:

— Сколько песен сложено о рябине, а еще хочется. Ветку рябины надо бы вписать в наш герб...

Случись художник, и он, вероятно, сказал бы нечто подобное:

— Сколько картин написано, а еще одной не хватает. Моей! Странно, что в ленинских орнаментах у наших архитекторов много винограда и нет рябины...

А гардеробщица Поля подошла к делу чисто практически:

— Я вот заморю эту веточку нашему, по-рязанскому, да чаек заварю, побалуюсь, молодое житье вспомню. Раньше у нас девки рябиной милого привораживали. Помогало. Я уж отворожилась...

Ягод у меня было много, я не боялся, что их не хватит для моих детей, и только неотступно думал о том, как они примут их, понравятся ли им моя северная, моя деревенская снедь.

Но больше всех поразил меня последний из подошедших. Он просто по-дружески сказал мне:

— Слушай, Сашка, продай мне все это!

— Как это продай? — растерялся я.

— Ну так, все эти «витамины». А не хочешь продать — отдай так, я тебе тоже подкину какой-нибудь сувенирчик. — И он стал рыться в своих многочисленных широких карманах, небрежно раздергивая серебряные змейки-молнии.

Нужна ему моя рябина! Но я все-таки дал веточку и ему. При этом мне очень хотелось сказать: «Поешь, может, на пользу пойдет!»

Но я ничего не сказал.

После разговора с ним я быстро покинул дом, где жили и творили мои товарищи.

А дети мои взялись за рябину сначала недоверчиво, морщась и вздрагивая так же, как осенью, когда ели упругие и сочные ягоды прямо с дерева. Но скоро они набросились на рябину азартно, съели ее всю с удовольствием и все упрекали меня за то, что я не угощал их такой вкусной раньше.

— Это же совсем разные вещи! — говорила мне старшая дочь. — Неужели ты не понимаешь? Это разные рябины.

Вот оно как, я же и виноват оказался. Ладно, кушайте, раз по душе пришлось! И пусть она спасет и вас от любого угара, наша рябина.

А под конец, когда все успокоилось, я услышал один доверительный и добрый голос:

— Папа, разве там, на твоей родине, много такой рябины? Может быть, осенью съездим, наберем, а? Той, вашей! Только ведь осенью опять в школу надо...

Рисунки Г. Калиновского

ПЕВЕЦ РОДИНЫ

К 70-летию со дня рождения С. А. ЕСЕНИНА

Мы раскрыли томик есенинских стихов. И перед нами зримо предстали залитые щедрым солнцем неоглядные дали родных полей, изумрудные ковры лугов, спокойные рени, задумчивые озера, «зеленоносые, в юбочках белых» березки, зажегшиеся «синими свечками» на вечернем небосводе звезды. Мы увидели, как «проплывал, проплакал дождь весенний», как гуляет в голубой траве «ягненок кудрявый — месяц», а «кланочек маленький матке зелено вымя сосет». Улыбались картавую скороговорку лесного ручейка. Нас опьянила своим чудесным запахом черемуха, спящая в «белой накидке».

Мы прочитали эти стихи и уже не можем их забыть. Они навсегда поселились в нашем сердце, наполнили нас чем-то необъяснимым хорошим, светлым, чистым, радостно-взволнованным.

Картины русского приволья запали в душу поэта и неизменно питали его творчество, полное любви к родной земле, к ее людям.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску...

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кокачах и впадинах,
Как синеют кругом небеса...

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей...

На высоком берегу Оки привольно раскинулось рязанское село Константиново. Здесь 70 лет назад родился, здесь провел свои детские и юношеские годы Сергей Александрович Есенин. В одной из автобиографий Есенина мы читаем: «...Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радвицкий монастырь, который от нас верстах в сорока. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, бог счастья даст». Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Микеле...

Дедушка пел мне песни старые такие, тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю.

Уличная же моя жизнь была не похожа на домашнюю. Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал... в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах...

Когда я возвращался, мне частенько влетало.

В семье у нас был... дядя. Он меня очень любил, и мы часто ездили с ним на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и я радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов».

В предреволюционные годы Сергей Есенин создает теплые и сердечные стихи о родине, природе, о любви.

О Русь...
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу...

В 1916 году вышла первая книга стихов молодого поэта «Радунца».

НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

Гравюры А. Мищенко

ПОСЛЕДНЯЯ ЯБЛОНЯ В САДУ
ЕСЕНИНЫХ И АМБАР, ГДЕ ПОЭТ
ПИСАЛ СВОИ ПЕРВЫЕ СТИХИ.

СЕЛО КОНСТАНТИНОВО

Она принесла ему известность. Его имя произносилось с почетом.

Есенин горячо, всем сердцем любивший Россию и русский народ, желавший ему свободы, счастья и процветания, приветствовал Октябрь. В 1918 году он радостно восклицает:

Небо как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Однако, как об этом заявил сам поэт, восприятие революции было у него «более стихийным, чем сознательным». Он писал: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему: с крестьянским уклном». Это признание поэта дает возможность глубже понять причину противоречивости и его мировоззрения, и его творчества.

В 1922—1923 годах Сергей Есенин побывал в Европе и Соединенных Штатах. Капиталистический мир произвел на поэта удручающее впечатление. Поэта ни на минуту не покидала любовь к Родине. «Только ближе к родимому краю мне бы хотелось теперь повернуть», — писал Есенин.

1924 и 1925 годы — после возвращения на родину — самые плодотворные в творческой жизни поэта. В это время им написаны лучшие лирические стихотворения и поэмы.

Но все ж готов упасть я на колени,
Увидев вас, любимые края...

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березки каждой
Ножку рад поцеловать...

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь»...

А. М. Горький писал о жизненном и творческом пути Есенина: «Пришел из деревни отличный поэт Сергей Есенин, быстро заставил полюбить его милые стихи; немедленно чрезмерно возгордился этой дешевой любовью; затем почувствовал дешевизну ее и был многократно уязвлен завистью к его славе; затосновал, начал отравляться нечистыми удовольствиями города, потом стал бунтовать против него детским бунтом и, разбив об город некрепкое сердце свое, погиб».

Путь Есенина не был гладким. В его душу закрадывались порою сомнения и разочарования. Он до конца не мог понять и принять разрушение патриархального русского быта, пришествие машинной техники; он, видимо, был убежден, что «железные гости» тянут свою «пятерню» к величайшим ценностям человеческой души. Это не могло не выводить из равновесия его, обладавшего, по словам А. С. Серафимовича, «чудовищной» способностью изображения тончайших переживаний, самых нежнейших, самых интимнейших...

Сергей Александрович Есенин остается дорог нам как певец Родины, как человек, имевший полное право сказать:

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла...

А. КРАВЧЕНКО

Мой Первый Учитель

Н. ДОСТОВАЛОВА

Многие люди проносят через всю жизнь образ первого учителя. Далеко не всегда это учитель начальной школы, кого первым называют по счету. Первый учитель может встретиться и позже, в старших классах или уже в институте. Но он все-таки встретится, ибо среди многих хороших наставников непременно найдется особенно страстный, особенно честный, ищущий, умный, чье влияние окажется самым сильным, решающим, памятным. Именно он западет тебе в душу, именно его и считаешь первым из тех, чей след уже не изгладится.

Мне хочется рассказать о своем первом учителе в самом большом значении этого слова.

Я училась в Краснодарском пединституте. Там он и встретился. Преподавал он не литературу, не философию и не историю (предметы, дающие особенно много возможностей пробуждать молодые умы), а вел скромный курс методики преподавания английского языка. За моими плечами было уже три года институтской жизни, я перечитала за это время немало книг и прослушала много курсов, в том числе и читавшихся хорошими, опытными преподавателями. Но именно высокий, болезненно худой, бесконечно искренний, всегда непринужденный, то мальчишески радостный, то очень грустный Валентин Матвеевич Седик, с которым я столкнулась уже на четвертом курсе, когда началась активная практика, неожиданно оказался тем человеком, от которого передалось... Передалось все: и вера в то, что школа — лучшее на земле учреждение, и радостная убежденность в том, что не зря я собираюсь учительствовать, и стремление постоянно искать те способы, навыки, те подходы к учительствованию, о которых не вычитаешь...

До встречи с Седиком я, как и многие другие студенты, мало задумывалась, по сердцу ли мне школьное дело, люблю ли я педагогику или занялась ею лишь потому, что не было склонности к чему-то другому... В общении, в аудитории, на практике мне приходилось видеть много людей, совершенно равнодушных к избранной ими профессии, и слышать откровенные признания в том, что они, собственно, и не избирали ее. Поступили в педагогический, так как он был доступнее... Уже и сейчас, работая в школе, я столкнулась с рядом товарищей, относящихся к своему делу как к бременю. Они рассказывают, что «не нашли в свое время что-нибудь лучшее», отнимающее меньше сил и здоровья, больше оплачиваемое. Я же благодаря Валентину Матвеевичу совершенно уверена, что в моей жизни не будет не только поздних раскаяний, но и сомнений в том, что попала на единственно правильный путь.

Хорошо запомнился первый день практики — непосредственного знакомства с Валентином Матвеевичем. В назначенный час он встретил нас у дверей школы, повел в свободный класс и стал спрашивать, понимаем ли мы, что нам предстоит овладеть самой лучшей на свете профессией. Мы этого не понимали и немножко смутились. Красивые слова об учителях и о школе были для нас уже не в новинку, мы с ними свыклись, они казались нам наскучившим пафосом, и когда методист

стал говорить, что школа — самое благородное и высокое учреждение в человеческом обществе, — почувствовали себя просто неловко. Он ощутил это и стал наступать на нас.

— Какая еще вам известна профессия, более важная, более трудная, более радостная?

Мы сказали, что таких очень много — врача, агронома, геолога, писателя, домостроителя... Все одинаково важно, все нужно, все ответственно.

— Да, все нужно, но все производны, все производны! — стал энергично возражать методист. — Врачей, архитекторов, людей всех профессий, всех видов труда растит сначала учитель! Учитель — первейшее, учитель — источник всего!

И эта горячность, убежденность, эта его влюбленность в учительствование сразу покорили нас, сблизили, сделали отношения между нами простыми и тесными.

Именно эта влюбленность позволяла ему сочетать порывистость природы с терпением, сложившиеся рецепты педагогической кухни — с постоянными новооткрытиями, прямому разговору — с неизменным тактом и лаской. Методические занятия, которые он проводил, были для нас воистину школой учительствования.

Вот мы, практиканты, присутствуем на уроке английского языка в одной из школ Краснодара. Урок начался с проверки домашнего задания. Надо же было случиться, что учительница вызывает именно тех ребят, которые не подготовились. Невразумительные ответы выводят ее из себя. К тому же ей и перед нами конфуз.

— Сколько раз я вам объясняла это! — говорит она возбужденно. — Сколько уроков уж топчемся... Лентяи вы или попросту глупые?! Сегодня останетесь после уроков, и не выпущу вас до тех пор, пока не выучите!

Неудачники скорбно молчат, и это еще больше раздражает учительницу.

— Дайте сюда дневники. Передайте родителям, что-

В разделе: ♦ Спасибо, учитель! ♦ История в школе ♦ Надо уважать самостоятельность и смелость ребячьей мысли, доверять уму и сердцу юных ♦ Всегда ли радостна встреча ребенка со школой? ♦ Завод и дети.

школа
и общественность

бы пришли ко мне. Я скажу им, чтобы никуда не пускали вас после обеда все эти дни... Раз вы такие непонятливые, такие... — (она ищет слова позлее, но сдерживается). — Корпите, пока не усвоите. Вот выведу вам в четверти двойки!

Большинство школьников расходятся по домам, а «непонятливые» остаются в классе. Одна из студенток начинает проводить с ними занятие, а Валентин Матвеевич устраивается на задней парте.

— Чего вы, ребята, не знаете? — спрашивает практикантка.

Ученики молчат.

— Ничего не знаем, — признается кто-то правдиво и робко.

— Тогда почитаем текст, — решает практикантка немножко растерянно, — а потом будем повторять грамматические правила. Вася, читай ты, — обращается она к одному мальчику.

Вася встает и, согнувшись над партой, начинает читать. Практикантка то и дело поправляет его. Вася внимательно слушает, но затем повторяет те же ошибки.

— Садись. Неужели нельзя запомнить, как читать такие простые слова? Ты, действительно... Ну, слушай, как почитает другой.

Но другой только прибавляет другие ошибки.

— Татьяна Ивановна, разрешите мне немного позаниматься с ребятами, — раздается голос Валентина Матвеевича.

— Да, да, пожалуйста, — радуется практикантка, которую неудачи уже повергли в уныние.

Валентин Матвеевич подходит к доске.

— Я заметил, ребята, что у вас кое-что получается сносно, даже, я бы сказал, хорошо, — говорит он и пишет на доске явно знакомые слова. — Прочтите-ка это.

Слово сейчас же прочитывается.

— А теперь это, — появляются на доске второе и третье.

Их тоже повторяют без труда, моментально.

— Молодцы! — хвалит учитель и объясняет, что вот так надо произносить этот звук и в словах, на которых до сих пор запинались. Слова эти, доселе никак не дававшиеся, теперь ребята хором скандируют, скандируют весело, шумно, и учитель вынужден уже засмеяться.

— Довольно! Хватит! Великолепно! Довольно!

Потом так же хором и врозь прочитываются самые правила чтения, обретающие вдруг неожиданную ясность, ибо фонетика, о которой в них говорится, освоена.

Теперь Вася и другие учащиеся возвращаются к чтению текста, на котором все время сбивались, и оно уже не режет учителю слух. Наоборот, учитель похваливает. Для каждого он находит доброе слово: у одного хорошая интонация, другой станет, наверное, в будущем диктором, у третьего почти «лондонское произношение...»

— Если немного позанимаешься, будешь говорить, как настоящий англичанин, — обещает учитель, и у ребят появляется вера в себя, английский язык перестает быть неприступным, враждебным... А мы, практикантки, убеждаемся, что «непонятливые» за один лишь урок превратились в понятливых...

— Хотите посмотреть? — спрашивает Валентин Матвеевич в начале другого занятия, где перед ним тоже отстающая группа, почти сплошь состоявшая (так уверяла учительница) из лентяев и олухов. Он демонстрирует им британские монеты, журналы.

Ребята сбиваются в кучку, с любопытством разглядывают серебряный шиллинг и несколько бронзовых пенсов, снимки лондонских скверов, улиц, школьных зданий и классов. При этом сами собою осваиваются десятка два новых слов, отличия между их начертанием и произношением, ряд особенностей трудной фо-

нетики... Скучный, «никому не нужный» английский оказывается настолько одолжимым, что к концу урока ребята уже сами составляют простейшие фразы из только что усвоенных слов... На улыбчивых лицах нет и следа прежней хмурости.

А потом, на переменках, зайдя в коридоре Валентина Матвеевича, ребята подбегают к нему и допытываются: «А когда у нас будут еще дополнительные?»

Так мы, студенты, учились у Валентина Матвеевича привлекать сердца учащихся к преподаваемому предмету и к своей учительской личности, что оказывается неотделимым. Вовлечешь их в атмосферу своего курса (в данном случае в сферу преподаваемого языка) — делаешься им сам интересен, и наоборот.

В учительской много спорили о настойчивом предложении Валентина Матвеевича признавать за каждым учащимся «первенство в чем-то своем». Многие преподаватели пожимали плечами. «Как это все могут быть первыми? — недоумевали они. — Это немыслимо и вряд ли полезно. Теряется значение маяка, модели, образчика...»

— А зачем один маяк, когда их должно быть и двадцать и тридцать! — доказывал он. — Зачем исключительность?! Почему десятки людей должны равняться только на одного? Надо наоборот, чтобы каждый равнялся на многих! У каждого ученика есть что-то свое, свойственное ему в большей мере, чем прочим. Это сказывается в поведении, в речи, в характере, в склонностях. Этими особенностями он и отличается от всех остальных. Не искореняйте этих особенностей, а, наоборот, отмечайте их, развивайте!

Мы, студенты, стали в этом споре на сторону Валентина Матвеевича. Нельзя не видеть казовой стороны наличия в классе постоянных «первых учеников». Это обычно единицы, и до них мало кто стремится подтягиваться. Бывает, что это натуры впрямь одаренные, многогранно способные, равно преуспевающие по всем предметам, во всех областях знания. Но еще чаще бывает, что они превосходят других только усидчивостью. Валентин Матвеевич многократно говаривал, что прилежание — важнейшая из добродетелей, но все же лишь одна среди многих... Если бы учитель своевременно подмечал круг интересов, особенности и возможности каждого, помогая расцвету этих возможностей, — передовиков становилось бы много и, главное, расширилось бы само количество мерок. Таня стала бы первой певицей, Ира — первой рассказчицей, Коля — первым бегуном, Петя — лучшим стилистом, Ваня — самым находчивым, Леня — самым дотошным искателем... Так направлялось бы и развитие личностей, и гармоничное, общее, массовое движение вперед в масштабе целого класса.

«Проектируйте в людях хорошее», — наставлял Валентин Матвеевич будущих учителей, и мы по себе, по его откошению к нам познавали, как это делать. Подготовит студент доклад к заседанию методического кружка или просто хорошо высказается на семинаре, и Валентин Матвеевич не замедлит отметить: «А мне понравилось ваше выступление. Подчитайте еще то-то и то-то, продумайте еще такой-то и такой-то вопрос, и сделайте-ка доклад в научном студенческом обществе. Методкружок — слишком маленькая для ваших мыслей аудитория...» «А у вас неплохое перо, — отметит он в другом случае. — Скажем прямо, самостоятельных мыслей пока еще нет, но написано здорово. Этого нельзя погребать. Из вас может выработаться и публицист. Приходите ко мне завтра вечером, поговорим обстоятельно...» «Читали вы по языкознанию мало, — скажет он третьему, — но урок провели обнадеживающе. Держались непосредственно, просто. Ребятам, я заметил, вы очень понравились. Это — первое дело. Значит,

надо мне взяться за вас, допекать вас. Придется вам ходить со мной на уроки, чтобы вместе потом разбирать, что и как...»

Валентин Матвеевич писал сборник «Педагогических правил», в который заносил самые важные свои мысли. Он читал нам, студентам, эту книгу по главам, и мы сообща обсуждали их. Эти правила требовали, чтобы ребята, пришедшие в школу, открыли здесь самого знающего, самого умного, самого справедливого из встречавшихся доселе людей — их учителя.

— Разочарование в учителе, — внушал нам Валентин Матвеевич, — ранит души детей. Им тогда не у кого учиться. Остаются, конечно, мамы, папы, родные, знакомые, но, когда разрушена вера в учителя, заменить ее нечем... А оправдывать ребячью веру не просто. Для этого огромнейшая трудоспособность нужна. Нужны «голова философа и руки ремесленника».

Сам он сочетал в себе то и другое. Бывало, придем к нему домой и сразу попадаем в атмосферу мысли и труда. Книги на стеллажах, книги рядами в углах, книги на рабочем столе. Палки студенческих работ, палки с разного рода заметками. В раскрытом блокноте — записи, напоминания себе самому: «Подобрать литературу для К.», «Доклад З. на конференции», «Статью

к 20», «Подбодрить Л.», «Словари для М.» И тут же: «Наладить антенну», «Исправить краны», «Переплести...» Труд, неустанный труд, плановость, система, метода! При этом — горячие живые глаза, любопытство к своим собеседникам, непринужденные и подчас очень страстные споры с проходящей к нему молодежью.

Впрочем, собеседники часто стараются прийти в одиночку. Именно для того, чтобы говорить один на один. О чем-то сокровенном, трудном, мучительном.

И тогда Валентин Матвеевич говорит тоже тихо. Тихо, но с тем большей настойчивостью:

— Ну и что из того, что не вышло? Ведь не вышло один только раз. А вы сделайте теперь во второй. Второй раз не выйдет — опять начните сначала. Все получится. Должно получиться!

Говорится это так ласково, мягко и в то же время уверенно, что собеседник и сам проникается верой в себя. А за, у него, конечно, получится!

За все это, за науку учительствования, за науку душевную, за труд свой на нас, говорим мы Валентину Матвеевичу Седику:

— Спасибо, учитель! Наш самый памятный первый учитель!

г. Славянск-на-Кубани (Краснодарский край)

Наши интервью

Вопросы содержания школьного образования привлекают сейчас широкое внимание советской общественности.

Каковы образовательные и воспитательные задачи нашей школы с точки зрения современности? Какую роль в их решении играет наука, которую Вы представляете?

Эти вопросы мы задали нескольким московским и ленинградским ученым. В этом номере и двух ближайших номерах журнала мы публикуем их ответы.

Нельзя не любить историю

Более ста лет назад Н. Г. Чернышевский писал: «...можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить историю может только человек совершенно неразвитый умственно».

Хотя эти слова писались уже не гусиным, а металлическим пером, но «век пара» только начинался. И о тех изменениях, которые произойдут за одно лишь столетие в технике, физике, химии и других науках, не могли мечтать даже самые смелые умы.

Не устарело ли в связи с этим определение «образованности», данное Чернышевским?

Безусловно, значительно видоизменился круг знаний, который сейчас включает в себя понятие общей культуры. Но, как и во времена Чернышевского, история остается одной из важнейших наук, без которой нельзя представить себе современного культурного человека. Кто не знает истории, не способен познать и овладеть богатейшей культурой, накопленной веками, культурой, которая формирует личность. Кто не знает истории, не может понять суть борьбы человечества в прошлом и закономерность его перехода к новым высшим формам общественного развития в будущем. Кто не знает героической борьбы советского народа, не может стать сознательным гражданином своей социалистической Родины.

Сказанное не означает, что я призываю молодежь к профессиональным занятиям историей. Речь идет не об увеличении числа историков, а о распространении исторических знаний, которых подчас у нашей молодежи не хватает.

Не секрет, что среди немалой части школьников история особым расположением не пользуется. Да и родители больше интересуются, решены ли задачи

по математике, выучена ли физика и химия, а по истории — лишь бы не «двойка» стояла.

У учащихся порой создается впечатление, что история — дисциплина «историческая», то есть устаревшая, в школе ее преподают по инерции и тратить время на ее изучение в наш век нецелесообразно.

Это, конечно, грубая ошибка, которая неизбежно ведет к заметному понижению общего развития и культуры учащихся.

Между тем о важности изучения истории в массовой печати школьников ничего не прочтешь. Об этом не читал он в «Пионерской правде», обучаясь в младших классах, об этом ничего он не находил и в «Комсомолке», будучи в старших классах.

Мне представляется, что без создания общественного мнения вокруг исторической науки привить и ней настоящий интерес и любовь у современной молодежи будет трудно.

Однако мало вызвать интерес к истории, важно еще по-настоящему поддержать его.

Прежде всего я имею в виду «круг чтения» школьника. Во многих семьях сейчас можно найти хорошо подобранные библиотечки. Как правило, они состоят из художественных произведений. Но следует всячески поощрять и приобретение научно-популярной, в том числе и исторической литературы. Я не сомневаюсь, что, прочитав повесть Ю. Тынянова «Кюхля» или роман О. Форш «Одежды намнем», школьник с большим интересом прочтет и научно-популярные книги о декабристах, о народниках.

Но у нас, к сожалению, еще очень мало научно-популярных книг, доступных школьнику. Прекрасная серия «Жизнь замечательных людей» рассчитана по сути лишь на старших ребят и даже на взрослого читателя. Издательству «Молодая гвардия», как и «Детгизу», следовало бы подумать о научно-популярной исторической литературе для младших.

Много существует путей, чтобы привлечь внимание молодежи к исторической науке и разбудить любовь к ней. Главное, усвоить: знание истории — одна из важнейших сторон духовного развития человека.

С. ОКУНЬ,
профессор Ленинградского государственного университета, доктор исторических наук

Письма из Киева

Алиса АКИМОВА

В СТО СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Рискуя навлечь на себя недовольство Валентины Афанасьевны Муравьевой — она привыкла к безоговорочным похвалам больше, чем к самой доброжелательной критике, — я в интересах общего дела скажу о 177-й школе то, что думаю. И о хорошем и о том, что вызвало мои сомнения и недоумения.

177-й всего два года, все надо было начинать на пустом месте. Ребята пришли из двенадцати городских и загородных школ. И несмотря на это, она второй год держит переходящее Красное знамя Киева. Школа завоевала такой авторитет у ребят и родителей, что в 1964/65 учебном году при приеме был конкурс абитуриентов. Школа большая, тридцать восемь классов — девятых, десятых, одиннадцатых; уже одно это создает немалые трудности.

Валентина Афанасьевна, директор 177-й, работает самоотверженно, много, — как говорится, до упаду. Она воодушевлена страстным желанием, чтобы все в ее школе было не просто хорошо, даже отлично, но непременно лучше, чем у других. В таком честолюбии директора, казалось бы, нет ничего дурного. Оно направлено на процветание вверенной ей школы.

177-я стремится на революционных традициях воспитывать в ребятах творческую инициативу, самостоятельность, гражданскую ответственность. Особенно Валентина Афанасьевна гордится тем, что они отмечают революционные праздники так торжественно, как этого не делают другие школы. Так, в театре имени Франко состоялся их вечер, посвященный 47-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Я не была на этом вечере и других таких же вечерах 177-й. Но, признаться, мне не очень понравилось то, что сказала Надежда Дмитриевна, завуч школы: прежде они проводили такие вечера вместе с другими школами, но это нарушало безупречный порядок в зале и фойе, и теперь они ни с кем не объединяются.

С гордостью Валентина Афанасьевна рассказывала мне, что учебный год они кончают тоже не так, как все, а фестивалем 30-го мая. После спортивных выступлений представители параллелей рапортуют директору, а она в свою очередь рапортует партийным и советским руководителям района, что учебный год закончен успешно, к экзаменам готовы. В ее изложении все было прекрасно, но когда речь зашла о предстоящем фестивале 1965 года (разговор происходил в апреле), члены комитета комсомола заметили: надо бы его организовать иначе, чтобы интересно было не только одним участникам, но и зрителям. Это меня насторожило и заставило задуматься о парадности и подлинном энтузиазме, подлинной гражданской ответственности ребят за то, как они учатся, работают, живут.

Валентина Афанасьевна справедливо придает значение педагогическому эффекту не только самого фестиваля, но и подготовки к нему. Честь рапортовать от

параллели достается лучшему ученику лучшего класса. Но, может быть, лучше бы поскромнее, поделовитее, без такой парадности? Я не утверждаю, я только высказываю предположение.

177-я обязалась закончить учебный год без второгодников и без ремонта. Успеваемость, отметки — дело тонкое. У меня нет данных для того, чтобы судить, все ли ученики заслуженно переведены из девятого в десятый, из десятого в одиннадцатый, все ли выпускники заслуженно получили аттестат зрелости. О ремонте судить проще. В 177-й и верно исключительная чистота и порядок. Она полностью перешла на систему кабинетов, чего достигли еще не все школы. Этажи распределены между дисциплинами, за каждый кабинет отвечает класс.

И все-таки пыль и копать, летящие с улиц в другие школы, летят и в 177-ю, ноги топчут, локти протирают... Проходя с Валентиной Афанасьевной по этажам, я обратила ее внимание на покоробленный пол.

— Его, конечно, покрасим, — недовольно согласилась она.

А нет ли в этом лозунге стремления, чтобы все было лучше, чем у других? «Они не могут обойтись без ремонта, мы можем». Кстати, здание 177-й совсем новое, а 138-я, к примеру, находится в бывшей гимназии Жекулиной, 33-я построена в 1936 году.

— Работать в нашей школе трудно, — сказала мне Нина Александровна Сонина, парторг. — Надо быть всегда подтянутым. И никто из учителей не уходит домой, пока не сделает всего для школы. Собственная семья у всех на втором месте. «Это, конечно, грустно для семьи, — подумала я, — но педагогическая работа такая, что на часы смотреть нельзя».

Подтянутость требуется и от учеников. Из шестисот желающих приняли триста: это обязывает. Подтягивает и обещание закончить год без второгодников и без ремонта. Чистота и порядок в буквальном смысле дело рук учащихся. На все здание — две техники.

В школе — освобожденный комсорг, Олег Бай — филолог, студент 4-го курса вечернего отделения Киевского университета. Но он прекрасно понимает — в наше время господствуют точные науки. И в этой школе есть «научные» — физические, химические и математические классы. Особой популярностью пользуется физика. Многие выпускники прошлого года поступили в Московский физико-технический — а это уже говорит само за себя. Олег договорился с комсомольским комитетом Академии наук УССР о шефстве над школой институтов общей неорганической химии, математики, кибернетики. Для начала молодые ученые прочтут цикл из пяти лекций по кибернетике. Это здорово!

Олег организовал и встречу с представителями киевских вузов на тему «Куда пойти учиться?». В зале сидели преимущественно девочки. Мальчики почти все собираются поступать в Высшее военное авиационно-инженерное училище. Это объясняется не только тем, что в школе много детей военных, но, очевидно, и патристическим воспитанием. И опять-таки — «инженерное». Девочки тоже тяготеют больше к точным наукам и технике. Явление это повсеместное.

Продолжение. Начало в № 9.

А чем живет школа после уроков и производственной практики? Главная гордость 177-й — университет политических, научных и эстетических знаний с тремя факультетами и тремя курсами — по параллелям. Его придумал и руководит им комсомольский комитет. Ректор — учительница истории, коммунистка, проректор и деканы — ученики.

Я прошу комсомольский актив — почему-то это преимущественно девочки — рассказать мне об университете подробнее. Они рассказывают с увлечением, перебывая друг друга. Вот, например, второй курс политического факультета — десятиклассники. Занятия цикла «Борцы за великое дело» — театрализованные. Перед ребятами ожили Дзержинский, Бауман, Инесса Арманд. Но загляните в любовно сделанный альбом по каждой теме, и вы увидите, что занимательность соединяется здесь со строгой научностью: тут и тексты исторических документов, писем, копии подлинных фотографий... Мне это нравится.

На третьем курсе этого факультета цикл называется «У карты мира».

Большое дело — пробудить в ребятах такой интерес к истории партии, к международной политике! Очень важно это и для воспитания гражданственности.

Эстетический факультет старается не уступать политическому. Декан — веселая, живая Нина Вовченко — с упоением рассказывает о вечере Лермонтова. Готовили его драмстудия и литобъединение. В основу сценария положили биографическую повесть Паустовского, но включили и стихи поэта, сцену из «Маскарада». Руководитель драмстудии — студент 4-го курса заочного отделения режиссерского факультета — водит студистов в театры, рассказывает им об авторах просмотренных пьес.

Интересным получился межфакультетский вечер к годовщине компартии Испании. Инсценировали «Испанский дневник» Михаила Кольцова. Но этим не ограничились. Вечер начался в фойе. Танцевали болеро, разыграли пантомиму «Тореадор». В записи звучали песни Эрнста Буша.

Мир ребят расширяется.

Обо всем этом рассказала Надежда Дмитриевна Платова, завуч 177-й. Она не просто сверх прочих своих обязанностей ведает внеклассной работой школы, эти официальные слова не могут выразить ее увлеченности театрализованными занятиями, вечерами. Видно, как она любит ребят, гордится ими, и любовь эта взаимная.

Я думаю, что ребята из 177-й любят свою школу не за парадность торжественных вечеров в театре имени Франко или Доме культуры и не за фестиваль, посвященный окончанию учебного года, а за клуб предвыходного дня, за университет. Здесь им интересно, здесь они — хозяева.

Сумели в 177-й школе увлечь ребят и общественной работой. На стройку Дворца пионеров на Печерске ребята ходят по комсомольским путевкам. Валентина Афанасьевна рассказала мне один замечательный случай. Пятого ноября вечером в школу позвонили: на стройке прорыв, необходимо шестого к девяти утра прислать ребят. А шестого — день нерабочий. Но стоило сказать одному мальчику, Перфильеву, оказавшемуся в этот поздний час в школе, и он по цепочке собрал весь класс. Прорыв был ликвидирован.

Меня очень интересовало, как проявляется гражданственность на уроках (урок ведь главное в школе), особенно на таких, как обществоведение, история, литература... Я побывала на уроках литературы — она мне ближе и понятнее — во всех четырех школах. Прежде других — в 177-й.

Не буду называть фамилии, имени и отчества учительницы, на чьем уроке я побывала. Замечания, которые я выскажу, относятся не только к ней, но и

к программе, учебнику, методическим пособиям, инспекторам горно, министерству... Вероятно, не все со мной согласятся, хотя недовольство преподаванием литературы в школе разделяют многие. Валентина Афанасьевна, кстати сказать, с моими замечаниями, высказанными по ее настоятельной просьбе, согласилась.

Вот как была сформулирована тема урока: «О роли партии в коллективизации деревни. Характеристика Давыдова как коммуниста и вожака народных масс». Затем последовали пункты характеристики, продиктованные учительницей 11-му классу. Вот они: 1. Преданность Давыдова партии и народу. 2. Политическая зрелость и принципиальность Давыдова. 3. Самоотверженность и терпеливое постоянство в воспитательной работе. Под номером 4 был продиктован пункт: «Личное стремление Давыдова воздействовать на окружающих», а под номером 5 — «Черты характера коммуниста, вожака Давыдова». А что же тогда имелось в виду под предыдущими пунктами?

Кончив диктовать, учительница сказала ребятам, что раскрыть эти пункты — посильная для них задача. А я, грешным делом, подумала: посильная, бесспорно, но нужная ли? Сколько раз уже все это перечислялось! А сколько раз говорилось и писалось о вреде такого «аналитического» подхода к литературе! Произведение

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Ю. ЛОСКУТОВ (Москва). ПОДРУЖКИ

расщепляется, дробится на отдельные образы и их черты, и произведения как целого нет. Не меньше писалось и о том, что эстетический анализ нельзя отрывать от анализа содержания и наоборот. И кому не известна простая мысль, что людей надо прежде всего научить думать, а «диктовка» в 11-м классе этому не способствует.

Поразило меня и другое. Ребята, которые читают газеты, слушают радио, занимаются на политическом факультете школьного университета, не могут не быть в курсе последних партийных и правительственных решений о нашем сельском хозяйстве. Они много читают, следят за современной литературой. Знают они и новые произведения о колхозной деревне. Но на уроке ничего этого обнаружить было нельзя. «Поднятая целина» — даже не вся, а только ее первая книга — рассматривалась изолированно от движения жизни, от литературного процесса.

Учительница не спорила со мной, но сказала, что если она введет в урок по «Поднятой целине» другие произведения и даже позволит себе экскурс во вторую книгу шолоховского романа, заведет разговор о деревне 1929—1930 годов с позиций нашего времени, ей попадет от инспектора.

«А где же ваше гражданское мужество, которое школа воспитывает в ребятах?» — спросила я, не выдержав. Вопрос остался без ответа.

Я побывала и на уроке другой учительницы — Александры Александровны Панкратовой, в 33-й школе. Здесь о «Хождении по мукам» не говорилось как о публицистической брошюре и не было ничего похожего на диктовку. Задав вопрос (и сами вопросы были органичными для романа), Александра Александровна предлагала ученикам: «Думайте!» — и немного погодя не без лукавства спрашивала: «Помочь?» Помогать не пришлось ни разу. Ее ученики привыкли думать на уроках так же, как думают они на занятиях очень интересного клуба любителей искусства, которым руководит та же Панкратова.

Это и значит преподавать не схоластически. В 138-й школе Анна Александровна Юфит, учительница незаурядная (она много лет читала зарубежную литературу в вузе), в качестве введения к урокам по «Грозе» познакомила ребят не только со статьей «Луч света в темном царстве», но и со статьей Писарева о драме Островского. Реакция была самая неожиданная. Вопреки тому, что положено, многие ученики не приняли концепции Добролюбова и скорее согласились с Писаревым. Они отказались признать Катерину воплощением передовых женщин шестидесятих годов и с сегодняшних позиций осудили ее самоубийство. Никакие ссылки на среду, воспитание, жизненные условия геро-

ини Островского их не убедили. Была высказана и другая точка зрения. Урок превратился в диспут. Примерно то же произошло и в классах Панкратовой, в 33-й школе.

Не знаю, как вам, а мне, хотя я и диссертацию защитила об Островском, и о «Грозе» написала работу, это понравилось. Пройдет время, и ребята, сейчас осуждавшие Катерину, поймут, что порой жизнь не прямо отражается в литературе. И то, что ребята не преклоняются перед признанными канонами и авторитетами, судят обо всем по-своему, по-современному, думают, — право же, хорошо. Ни Островского, ни Добролюбова не убедит от того, что школьники с ним не согласны. А обществу очень вредит, когда школы выпускают схоластов, начетчиков, цитатчиков.

В 138-й школе меня огорчила одна пятерка, поставленная на уроке литературы, — другим учителем. Девочка сказала, что уже в XVIII веке наша литература была самой передовой литературой мира, потому что и тогда у нас был самый передовой рабочий класс, а западная литература от нее отставала, потому что в Европе тогда господствовал оппортунизм. Ее ответ свидетельствовал не просто о незнании литературы — зарубежную в нашей школе почти и не изучают, — но и о неумении исторически мыслить, именно мыслить. На уроке зарубежной истории эта девочка не стала бы отрицать Великую французскую революцию, происшедшую, кстати сказать, в том же XVIII столетии, когда в Европе якобы «господствовал оппортунизм». И на уроках русской истории она, когда речь шла об этом веке, наверняка говорила о Пугачевском восстании и о Радищеве, а о революционном рабочем движении — значительно позже. И потом, как правильно шепнула мне учительница, вместе со мной посетившая урок своего коллеги, — зачем унижать западную литературу, чтобы возвеличить русскую, в этом не нуждающуюся? Это явная отрыжка того времени, когда России полагалось считать «родиной слонов». Откуда она у шестнадцатилетней девочки?

А может быть, этот ответ вовсе и не выражает ее общественного мировоззрения? К сожалению, часто случается в наших школах, что литература, которая должна воспитывать гражданственность в самом широком смысле слова, проходит по касательной к политическому, общественному, моральному воспитанию ребят и к эстетическому тоже.

Без ремонта не только в прямом, но и в переносном смысле даже лучшие школы обойтись пока не могут. Нужен «ремонт» и программ и учебников, и не по одной литературе. Новые программы по литературе обсуждаются. Какими-то они будут? И как сделать, чтобы все учителя были на уровне современной политики, философии и науки!

ДОБРЫЙ ДРУГ УЧИТЕЛЕЙ

Сорон лет назад в нескольких тесных комнатах в здании Наркомпроса разместилась справочная библиотека. Несколько сотен справочных изданий, информационных и методических писем составили ее фонд, а сотрудники Наркомата стали первыми читателями.

А сейчас на полках хранилищ ее преемницы — государственной библиотеки по народному образованию — более миллиона ста ты-

сяч книг и журналов, а число постоянных читателей перевалило за 8 тысяч человек.

Библиотека росла и развивалась вместе с развитием системы народного образования в нашей стране. Все эти годы она была верным другом многих и многих наших ученых, помогала им. И не только москвичам — через межобластную абонемент посылались читателям книги в самые отдаленные уголки Советского Союза.

Сейчас в фондах библиотеки

собрано все лучшее, что издано в нашей стране и за рубежом по педагогическим наукам и народному образованию. Каждая из тысяч и тысяч книг должна найти своего читателя, помочь ему. В ближайшее время библиотека предполагает значительно увеличить выпуск пособий в области педагогической библиографии — информационной, рекомендательной, референтивной; она должна стать постоянным методическим центром для десятков и сотен педагогических библиотек страны.

Дорогой товарищ!

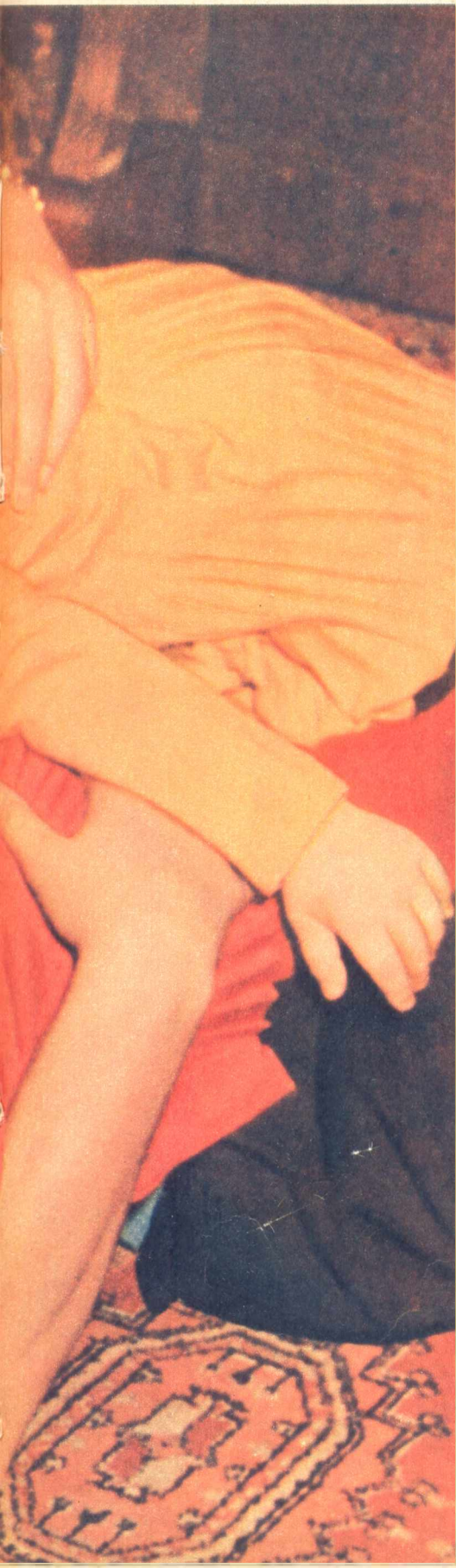
Редакция „Семьи и школы“ весьма признательна Вам за то, что Вы являетесь подписчиком журнала. Надеемся, что он оказывает Вам некоторую помощь в таком сложном и трудном деле, как воспитание детей в семье. Наша признательность была бы еще большей, если бы Вы позаботились и о том, чтобы читателями нашего журнала стали также и Ваши товарищи по работе, соседи, друзья.

Просим вас замолвить перед ними доброе слово о журнале, рассказать о нем. Чтобы это Вам было проще сделать, постарайтесь аккуратно вынуть из номера этот небольшой плакат и вывесить его у себя на работе, в клубе, в школе, в красном уголке — всюду, где это удобно.

Благодарны Вам

Редакция „Семьи и школы“

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН СО СВОИМИ ДОЧЕРЬМИ

**В воспитании
ваших детей
вам поможет
журнал
„СЕМЬЯ И ШКОЛА“**

*Выписать журнал
на год стоит 3 рубля*

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“—ЭТО:

советы родителям,
очерки о семье и школе,
научно-популярные педагогические статьи,
рассказы и стихотворения,
письма читателей,
заметки о досуге и быте семьи

„СЕМЬЮ И ШКОЛУ“ — В КАЖДУЮ СЕМЬЮ, ГДЕ ЕСТЬ ДЕТИ!

Благодаря и вступлению

Заметки писателя

Илья ЗВЕРЕВ

Чтобы ясно было, про что этот разговор, я позволю себе привести несколько мест из моей же статьи, уже опубликованной в «Комсомольской правде». Именно благодаря этим заметкам и возникла задевшая многих дискуссия, появилась на свет целая гора читательских писем, на которые мне захотелось ответить, в связи с которыми понадобилось снова порассуждать.

Года полтора назад случай привел меня в литературный клуб знаменитого Дворца пионеров на Ленинских горах. Там должен был выступать мой товарищ, детский писатель, но он заболел, и пришлось мне по дружбе «подменять».

Тогда клуб только формировался. В зале собралось человек сорок-пятьдесят — все старшенклассники, в большинстве народ думающий, увлеченный, но, конечно, и иронический, как положено шестнадцатилетним.

Одна девочка прочитала для начала умилительный рассказик про то, как школьники пришли на практику в цех швейной фабрики и «как сияли наши глаза радостным сознанием своего трудового вклада». И «немного усталые, но счастливые, расходились мы после того, как мастер с доброй усмешкой из-под усов по-отечески сказал нам: «Молодцы вы, юная смена наша, помощники...»

Все было вроде правильно. И практика на швейфабрике — прекрасное дело, и «суровый, но ласковый мастер, глаза которого смеялись», — наверное, отличный производственный. Но все-таки ощущалась легкая тошнота, неизменная при встрече с фальшивкой. Видимо, все дело было в том, как написано.

Ребята, как молодые коршуны, кинулись на бедную сочинительницу. Они говорили (если нужно точно: кричали), что так нельзя, что написано «на пятерку», не по жизни, не «от себя».

— Написано все, как полагается, — сказал один умный человек, ученик 7-го класса.

— Где, собственно, полагается?

— В школе, — последовал ответ (уже хором). — Тут еще из нас надо школу выбить.

Эти страшные слова, сказанные, повторяю, хором, ни у кого из пятидесяти учредителей клуба не вызвали возражений. Это было поразительно.

Но ничего не поделаешь. Это было, «имело место», как любят выражаться бюрократы.

Я потом подружился с этими ребятами и стал постоянным участником острого и бескомпромиссного их клуба. И еще много раз приходили новички и неизменно читали что-то, стилистически похожее на ту «швейковскую идиллию». И каждый раз, будучи дружно атакован критиками, новичок говорил:

— Ну, конечно, все было не так, но ведь это сочинение.

А в конце концов потрясенным голосом человека, столкнувшегося с великим открытием и не смеющего в него поверить, переспрашивал: «Значит, писать, как есть?»

Естественно, пятнадцати-шестнадцатилетние литераторы из Дворца пионеров предпочитали для своих рассказов школьные сюжеты. И вскоре у меня составилось довольно широкое и чрезвычайно грустное представление о том, что такое в некоторых школах «литература как предмет». По долгу старшего меня иногда так и подмывало прекратить поток обличений, объяснить юным авторам, что их писания нетипичны, или, скажем, имеют очернительный характер...

Но в зале клуба сидели десятки слушателей, и все они были в школьных делах намного более компетентны, чем я. Мои возражения прозвучали бы просто глупо.

Авторы рассказов не состояли в Союзе писателей, не изучали жизнь, выбирая светлые или же, напротив, темные стороны... Они просто учились в седьмых, восьмых, девятых классах и были сами собственными героями, участниками (иногда жертвами) конфликтов, ими описанных. Оставалось предположить, что и действительно что-то неладно в самом духе, в самом принципе преподавания литературы.

...Необходимо приглядеться, что за влияния оказывают школьные сочинения на художественный вкус, индивидуальность, искренность наших ребят. Ведь даются они и с воспитательной целью, а не единственно для упражнения в правописании...

Одна весьма уважаемая мной шестиклассница рассказала об удивительном опыте своей учительницы. После чтения отрывков из произведений классиков (гоголевский «Чуден Днепр», толстовский пейзаж из «Отрочества», тургеневский — из «Бежины луга» и др.) учительница раздала ребятам открытки — кому достались березки Левитана, кому — мишки Шишкина — и сказала:

— Вы опишите это стилем Гоголя, а вы — стилем Толстого.

При всем моем уважении к собеседнице из 6-го «А» я не посмел ей поверить. Но она, порывшись в тетрадь, нашла даже запись, сделанную, очевидно, под диктовку: «Стиль Гоголя — пышн. восхищен.», «Стиль Л. Толстого — через свое воспр.». Еще чей-то (кажется, Пушкина) — «динамич. пейзаж».

— А в сочинениях наша А. Ф. требует только, чтобы было без ошибок и чтобы красивее, поторжественнее и еще чтобы без отсебятины, как у всех.

Если, скажем, сочинение о мечте, то надо писать обязательно про свое стремление в космос, в тайгу и на целину. И еще про мир во всем мире. А когда один мальчик написал, что мечтает увидеть папу здоровым (у него тяжело болен отец), то было сказано, что это очень хорошая мечта, но индивидуальная. Таким образом, выстраданное, кровью написанное сочинение было признано менее стоящим, чем барабанное громкословие других, которые-де заботились не о чем-то там личном, а о мире во всем мире.

— Пишем просто так, для отметки, — сказала моя собеседница и вздохнула. — Вот Ж. сочиняет чудные рассказы, мы все смеемся и переживаем, когда слушаем. А прочитали бы ее классные сочинения — один треск, халтура...

Халтура — это скверно. Но дело не только в ней, и не только в нивелировке ребячьего стиля и взгляда на мир. Ведь так создается какой-то двойной счет мыслей и чувств: «для себя — одно, для школы — другое». А это уже большая беда, тягчайший урон не для предмета, а для личности, для юного человека, которому предстоит стать взрослым.

Может быть, я говорю о вещах «побочных», об отношении школы к специально творческой работе ребят. А главное, по всей видимости, — «овладение современницей русской и мировой литературы». Но ведь убеждение, приземление, обезличивание творческого начала в ребятах в конечном счете вызывает перенос и в восприя-

тии большой литературы, приводит к штампу мысли, к стремлению ответить «что положено».

У меня нет ни права, ни желания возводить поклеп на наших педагогов-литераторов. Среди них, конечно, много людей, влюбленных в свой предмет, понимающих самое это слово «предмет», как понимали его в прошлом веке, прилагая даже к любимой. Но я все-таки пишу по долгу человека, натолкнувшегося на серьезное неблагополучие. Ведь все, о чем сказано выше (и многое в том же роде, просто оставшееся за рамками статьи), — симптомы тревожные. Укло-

няться от их анализа, от честного размышления и выводов — преступление. Преступление перед литературой и перед ребятами.

Представьте себе, что чувствует автор, оставшись наедине с толстой пачкой писем, вызванных его заметками. Множество людей, незнакомых, разных, оказались задетыми, обрадовались или разгневались, почувствовали желание порассуждать и поспорить. «Семья и школа» кажется мне идеальным местом для продолжения этого совсем не идиллического разговора. Мне прислали всю почту, связанную со статьей «Литература как предмет». Прочитав почту, я пришел к убеждению, что гораздо интереснее дать вам услышать живые голоса людей, приславших письма.

Я чувствую себя обязанным прежде всего рассказать обо всем, что было в письмах критического и неодобрительного по моему адресу. Начну с самого «ругательного» письма.

Тов. Муромцев решительно заявил, что прекратил подписку на «Комсомольскую правду», ставшую не боевой, серой и распространяющую «стиль» (это слово он взял в кавычки), свойственный моей статье. Я внимательно несколько раз прочитал письмо, доискиваясь до сути этих обвинений. Суть оказалась вот в чем: «неправильное восприятие действительности», «поклеп на славную армию наших педагогов», «сведение воспитательной работы педагогов к какому-то предмету». И, наконец, самое тяжкое: «неискренность свойственна тов. Звереву Илье: выражение школьника о том, что для настоящих искренних сочинений «из нас надо сначала школу вышибать», приводит автора к таким гротескным выводам, как «страшно», «поразительно», автор «потрясен», у него чувство тревожности, ему грустно и т. д.».

Да, действительно, мне было тревожно и грустно, когда я услышал это ребячье пожелание. И, судя по всему, оно показалось тревожным и, отнюдь не случайно, подавляющему большинству откликнувшихся на статью. Мне кажется, что именно эти люди, всем сердцем воспринявшие неблагополучия и беды, переживаемые нашей школой, почувствовавшие себя обязанными думать, спорить, искать, — большие друзья наших ребят, чем тов. Муромцев с его громкой инструкцией-декларацией: «Надо и дальше бороться... требовать и добиваться, чтобы жизнь описывалась правильно... Чтобы юные строители коммунизма, отражая правильную жизнь, страстно добивались искоренения недостатков и активно участвовали в строительстве нового...».

Ведь, кроме таких трескучих слов, сказанных «вообще», в письме ровно ничего.

По-моему, как раз авторы иных писем, те, которым по душе резкая критика, «травля негодного» (это ленинское выражение), «страстно добиваются» нового не на словах, а на деле. Пусть они говорят.

Вот письмо десятиклассницы из Южно-Сахалинска Тани Ли: «Я очень люблю литературу. Не школьные уроки, а просто художественную литературу. Самое главное и самое печальное — мы учимся не любить литературу, а характеризовать, разбирать, оценивать образы, картины, общественные слои, историческую

обстановку. Школьные уроки — это просто издевательство над художественной литературой — шаблон, схема, набор трескучих пустых фраз».

Вот ее сверстница Клара Реденская из Одессы: «Читают литературу у нас посредственно. Я удивляюсь, как сумела ее полюбить. Мы «проходили» литературу. Я специально написала «проходили». Ведь то, что нам читают, не назывешь изучением. ...Сочинения и ответы строятся по принципу: «Всё, как в учебнике, и лишь бы получить отметку».

И еще одно письмо, из Черкасской области, из города Смелы. Снова десятиклассник — Саша Артеменко: «Правильный, нужный разговор по поводу преподавания литературы в школе. Ведь мы, школьники (сейчас мое письмо отложат), не можем во весь голос говорить об этом. Мы маленькие. Ведь кто по-настоящему

любит литературу, может потерять к ней интерес именно из-за такого отношения: для себя одно, для школы — другое».

Московская десятиклассница Н. Жукова сетует на «казенщину», восьмиклассник Моцян Оганесян сокрушается: «Хочешь — не хочешь, пиши схематичный разбор». Целая группа московских восьмиклассников с печальным сарказмом цитирует свою учительницу: «Ребята, для чего мы изучаем классиков? Для того, чтобы учиться у них писать сочинения».

Эта фраза показалась мне анекдотичной, но не верить таким вещам я теперь уже как-то не смею. В статье я упоминал чудовищный, совершенно пародийный разбор горьковской «Песни о Буревестнике», вставленный мною в один из рассказов. Авторы некоторых писем даже упресли меня в том, что я как-то перехлестнул, перебрал в «художественном вымысле».

Признаюсь, я и сам был поражен, получивши из Киева от восьмиклассницы Руфины Коган вот такую выдержку из ее учебника по литературе, изданного в Киеве «Радянської школою»: «Ветер, тучи, гром — аллегорические образы реакционных сил: полиции, жандармерии, предателей, шпионов, которые стараются подавить революционное движение народных масс. Чайки, гагары, пингвины — символические образы буржуазно-мещанских слоев общества» (стр. 81). Вот так-то обстоит дело с поклоном...

Видимо, насущно необходимо сейчас же, не откладывая, разобраться, почему же ребята просят «школу из них вышибать», почему они удивляются, что, несмотря на школьные уроки, некоторые все-таки не испытывают отвращения ко всей литературе.

Может быть, все дело сводится к обычным ребячьим обидам на строгих и нелюбимых учителей? Может, это все частности, не отражающие общей картины? Давайте послушаем взрослых.

Пишет Александр Гулимов из Мурманска: «Школьная литература... зачастую отбивает вкус к литературе настоящей. Это кажется невероятным, но это факт. Факт то, что ни к одному предмету нет такого скептического отношения, как к литературе». Пишет С. Маркина, педагог 330-й школы, видимо, московской: «Я целиком согласна с автором статьи, что преподавание литературы надо полностью менять». А вот В. Мамушин, старший преподаватель Владимирского пединститута: «Статья — это «крик души болеющей», фиксация того, что, к сожалению, есть в нашей школе. Хотелось бы поговорить о причинах, обусловивших

такое положение вещей, и сделать какие-то выводы: как же должно быть?»

Я надеюсь, читатель поверит мне, что в подавляющем большинстве писем положение с литературой в школе признается решительно неблагополучным, внушающим опасение за многие жизненно важные вещи, гораздо более широкие, чем знание или незнание школьного курса.

Передо мной замечательное, на мой взгляд, письмо на 10 страницах, присланное Михаилом Тимофеевичем Воронинным, учителем-словесником из с. Орловка Чуйского района Киргизской ССР. Оно не констатирующее — оно воинствующее и конструктивное. Оно касается тех самых причин...

«Прочитал статью и еще более грустно стало. Грустно не потому, что это поклев, который распространила редакция в миллионах экземпляров. Нет. Я не хочу говорить, что написанное неправда, сгущение красок. Все это верно, тысячу раз верно. И все же не вся правда».

Серьезно и доказательно, привлекая многочисленные документы и методические источники, Михаил Тимофеевич доказывает, что корень зла не в учителях, а прежде всего в самой формальной системе сшивки и перелицовки чужих слов, в схематичных картонных «образах», сделанных из живых, полнокровных, страдающих и сражающихся героев. Беда в шаблоне, директивно насаждаемом нашими органами просвещения, нашей педагогической наукой.

Я не удержусь и процитирую приведенные в письме образчики, взятые из учебника «Русская советская литература» А. Дементьева, Е. Наумова, Л. Плоткина: а) страница 51: «Широта политического кругозора, талант организатора масс, бесстрашие и отвага, готовность к самопожертвованию...»; б) страница 254: «...органическая связь с массами... руководитель и организатор народных масс...»; в) стр. 396: «...организатор и воспитатель масс...» Одни и те же слова. Чем же отличаются друг от друга Давыдов, Павел Власов, Лютиков, люди разных эпох, характеров, мыслей?

Деловые раздумья над путями превращения «школьной литературы» из постылого предмета в нечто живое, полнокровное есть и в письме учительницы Дмитриевой. Она считает необходимым разгрузить программу, вместо нынешнего метода «галопом по писателям» ввести более подробный «крупнопланный» разговор о произведениях, могущих захватить мыслью и чувством. Пусть человек полюбит писателя, разбравшись хотя бы в одном его произведении, постигнет его прелесть, про-

никнется его чувствами и мыслями. Тогда этот юный человек, наверно, захочет читать еще и еще, узнать о писателе, о литературе, о жизни во сто крат больше, чем узнал, «пройдя» чохом десять произведений писателя и отбарабанив назубок сто «образов».

Вот что пишет какая-то остроумная девятиклассница из Киева (я, к сожалению, не сумел расшифровать ее подпись):

«Вы бы согласились, чтобы вас разорвали или разобрали по частям: руки, ноги, голова и т. д.? (Не бросайте мое письмо, дочитайте до конца, пожалуйста). Представьте себе, что вы — герой романа, а роман проходят в школе. Вы — образ! Помните, образ!»

До тех пор, пока в школе не проходили «Как закалялась сталь», Павка был моим другом, товарищем, живым человеком. Если бил он кого-то, за правду боролся, я — рядом с ним. Но после я узнаю на уроке литературы, что Павка — это образ молодого комсомольца таких-то годов, который воплощает лучшие черты... Хочется крикнуть: «Эй, кто есть жив человек!» Но кричи — не кричи, Марья Павловна не услышит. А надобно бы, наконец, крикнуть, чтобы услышала. Мы — люди, живые человеки, и герои романов тоже живые. А у живых — живые сердца, живые мысли. Их нельзя втиснуть в пункты а, б, в, г, нельзя искусственно склеить, пусть самым лучшим клеем Большой химии. Обычно пишут в конце письма: «может быть, я не права». Я этого не напишу...

Я тоже этого не напишу. По-моему, девятиклассница, что называется, кругом права. Есть, однако, на сей счет, по-научному говоря, другая концепция. Тов. Н. Пыльников, судя по всему, учитель, так определяет ее: «Говорят, что задача преподавания — научить школьников анализировать художественные произведения».

Вот что говорят наши оппоненты. Е. Е. Слижикова, педагог Химкинской школы Московской области (шутливо написавшая о себе: «Я пожилая учительница, вроде тех бездушных ханжей, которых любят изображать в кинофильмах»), — заявля-

ет: «Неизбежно то, что презрительно называют сухим анатомиранием произведения. Но ведь без анатомии нет ни рисунков, ни скульптуры, ни балета. Вы скажете: «Зрителям не нужно знать упражнения у станка, чтобы восхищаться Плисецкой!» Чтобы изучать — надо, но не только анатомии и не прежде всего анатомии».

Однако из всего, что написано в письме дальше, у меня все-таки возникло ощущение преувеличенной приверженности тов. Слижиковой вот именно к такой анатомии. Она считает, в частности, что после прочтения отрывка из «Молодой гвар-

Рисунки В. Сидура

дии» пункт плана к школьному сочинению «Руки» оказывается уместным и даже ценным. А мне кажется, это заблуждение, и дорогостоящее. Обратит внимание ребят на то, как у Фадеева описаны руки матери, конечно, можно. Но расписывать будущее сочинение своих учеников по жестким графам: «руки, волосы, работа, домашние занятия, за что я люблю свою маму» и т. п. — представляется мне вульгаризацией, превращением волшебства в убогое ремесло.

Мне представляется во много раз более верной и плодотворной пози-

ция учителя Киевской школы Карпа Васильевича, о котором влюбленно рассказал в своем письме Василий Мельник, студент-технолог:

«Однажды была у нас такая тема: «Путешествие из школы домой». Лена жил совсем рядом со школой. О каком путешествии может быть речь? И он написал так: «Хлопнул калиткой в школьном заборе, и покамест она там повизгивает и попискивает, я доедаю вторую миску супа! Вот и все мое путешествие».

Ребята ждали скандала. Автор письма, тогдашний член комсомольского бюро школы, уже готовился к разгромной речи. Двойка казалась неизбежной. А Карп Васильевич поставил Лене «5». За видимым легкомыслием и, если хотите, дерзостью, — пишет В. Мельник, — он увидел нечто другое». Учитель увидел, что мальчик не захотел врать, что он постарался найти какую-то крепкую литературную форму для изображения того, что было на самом деле. И он высоко оценил искренность и самостоятельность.

Во многих письмах люди настойчиво подчеркивают морально-этическую и воспитательную сторону «школьной литературы». Двойной счет («думаю — одно, пишу — другое») калечит душу. И такая растлевающая «двойная бухгалтерия» неизбежно сопряжена с недоверием, с желанием подавить живую мысль, заглушить всякий спор, загнать все в рамки «что положено».

Иван Петров из Северо-Уральска написал: «Прекрасно, что молодежь и наши школьники не потеряли здравого взгляда на действительность, что есть учащиеся, болезненно воспринимające трескотню и горячо встречающие живую струю жизни».

Это верно. Но наш долг разобратся, что в этих ребятах хорошо благодаря школе, а что вопреки...

«Статья сводит воспитательную работу педагогов к какому-то предмету», — сердится М. Муромцев, а Владимир Прокопович из Нежина как бы отвечает ему: «Вопрос преподавания литературы в школе не узкоспецифический. Здесь — проблема воспитания молодежи».

Мне кажется, этим объясняется горячность и тревога участников нашей заочной дискуссии.

Но, конечно, проблема не в одной литературе и не в одной лишь постановке школьного дела...

Уважение к самостоятельности и смелости ребячьей мысли, доверие к уму и сердцу юных, поддержание творческого начала, самых нежных, самых робких его первых ростков — это ведь долг всего общества, а не только школы. И никто не свободен от этого долга. И тем более те, у кого растут дети...

ребенок приходит в школу...

С. ФАЙНБЕРГ,

кандидат медицинских наук

Совсем недавно многие из вас впервые провожали своих ребят в школу. Радостно было смотреть, как деловито, немножко даже важничая, гордясь своим новым «общественным положением», шли по улицам недавние дошколята. А у меня, как всегда бывает в этот день, не только радость на душе, но и тревога. Как начнется их новая жизнь? Не принесет ли она неожиданно вместо успехов — неудачи, вместо радости — огорчения? Необоснованная тревога, скажете вы. Нет, к сожалению, обоснованная. Мне, детскому врачу-психоневрологу, приходится нередко видеть, какими мучительными оказываются для ребенка новые его обязанности, новый уклад его жизни.

Почти половина наших пациентов — дети младшего школьного возраста. А ведь в общем числе ребят они составляют всего одну четверть. И чаще всего нервная травма связана со школьными делами и заботами ребят.

Почему же так?! Кажется, приход в школу — естественный, закономерный этап в жизни ребенка. Понимая это, мы порой все же не задумываемся по-настоящему, насколько серьезны изменения, происходящие в его жизни, и главное — не готовим его к этим переменам.

«Можно» и «нельзя» — эти два слова чаще всего регулировали жизнь малыша-дошкольника. Причем «нельзя» звучало обычно в тех случаях, когда ребенок чересчур уж докучал окружающим или его игра становилась небезопасной для него самого. С приходом в школу главным становится слово «нужно». Нужно быть сосредоточенным и внимательным на уроках, нужно выполнять домашние задания, нужно не опаздывать... Много «нужно»!

Но почему все это нужно? Для нас такой вопрос кажется странным, даже диким. Но ведь ребенок мыслит чрезвычайно конкретно, и для него естественно стремление связать свои новые обязанности с привычной для него деятельностью.

Я вспоминаю один случай из моей практики, случай не совсем обычный.

Первоклассница Рита заявила матери, что она не хочет учиться, что ей это не нужно. Никаких конфликтов в школе у нее не произошло, способности у нее средние, девочка спокойная, рассудительная, в домашних делах трудолюбивая; она видит, как работают ее мать и соседи, понимает, что это нужно, что, как она сама говорит, «без этого нельзя». Однако ни мать, ни соседи почему-то не пишут палочек или букв, не декламируют басен, не решают примеров. Рита считала, что все это не нужно, что только детей заставляют этим заниматься, а рассуждения взрослых о пользе образования казались восьмилетней девочке неискренними, она просто им не верила.

Как следовало поступить? Конечно, можно было заставить Риту заниматься, хочет она этого или нет, но это был бы не лучший путь. Мы избрали другой. Мы посоветовали матери так организовать жизнь дома, чтобы девочка могла убедиться на собственном опыте, что знания, получаемые ею в школе, необходимы и пригодятся ей не только в далеком будущем, но и теперь. Мать, уходя на работу, стала оставлять ей записки, из которых Рита, приходя из школы, узнавала, где найти еду, что нужно сделать по дому; девочке стало понятно, что уметь читать все-таки надо. На повседневных жизненных примерах мать показывала дочери, для чего ей нужны знания, при-

обретаемые в школе. Вскоре Рита уже ходила в школу без всякого принуждения.

Я вспомнил об этом случае, чтобы показать, что убедительное для ребенка обоснование необходимости его новых обязанностей — вещь немаловажная. Я уверен, что если не точно такие, то схожие мысли бродят в головах у многих ребят. Только не всегда они их высказывают вслух.

Очень важно и заранее воспитывать у ребят умение жить в коллективе. До школы отношения малыша с его сверстниками регулировались в основном его доброй волей: с одними он мог дружить, с другими — совсем не общаться. Не то в школе. Его одноклассники — это сотоварищи по общему труду. Он вправе рассчитывать на их помощь; но и они вправе требовать, чтобы он принимал участие в делах класса, помогал товарищам, подчинялся установленному распорядку. В этих случаях одинаково опасны и чрезмерный эгоцентризм и чрезмерная замкнутость. Для ребенка, привыкшего к тому, что его «я» всегда в центре внимания, неожиданно резкий (но справедливый) отпор товарищей может обернуться настоящей психической травмой. С другой стороны, застенчивым и замкнутым ребятам так же трудно бывает войти в коллектив, найти в нем свое место. И к этому их нужно обязательно готовить заранее.

Об учебной подготовке дошкольника. Я очень рад, что уходит в прошлое бытовавшая одно время точка зрения, будто малыша не нужно ничему учить до школы: иначе, мол, ему будет скучно первое время. Нет, ребенка надо учить считать и читать еще до поступления в первый класс. И не только потому, что у нормально развитого пяти-шестилетнего малыша есть и желание и возможности усвоить эти навыки, не только потому, что полезно своевременно тренировать умственную его деятельность. Ребенок, ничему не обученный до школы, рядом с более подготовленными товарищами невольно и себе и другим будет казаться глупее и неполноценнее их. Особенно опасно, если без подготовки идут в школу дети робкие, застенчивые, неуверенные в себе. В таких случаях иногда лучше даже задержать на год поступление ребенка в школу, с тем чтобы использовать это время на его подготовку.

Напротив, подготовленные ребята с первого дня занятий чувствуют себя уверенно, легко входят в ритм школьной жизни, успешно справляются со всеми новыми обязанностями.

Обучая дошкольника грамоте и счету, надо постепенно воспитывать у него и умение не отвлекаться, не

заниматься посторонними делами, быть внимательным. Поэтому очень хорошо, если ваши занятия с малышом будут продолжаться 35—45 минут, то есть столько же, сколько школьный урок.

На первых порах в школе самым трудным, особенно для детей с возбудимым типом нервной системы, является необходимость тормозить проявления своей активности во время урока. Поэтому так важно дать первоклассникам (да и не только им) возможность разрядить свою энергию хотя бы во время перемены.

К сожалению, в иных школах это разумное соображение приносится в жертву «порядку». На каждом шагу только и слышишь: «не бегай!», «не шуми!», «иди потише!», «сядь и посиди спокойно». Ребята, не успев на перемене выплеснуть естественный избыток двигательной энергии, на уроках отвлекаются, не могут усидеть на месте. Да и сами замечания, если их повторяют постоянно, превращаются в своего рода звуковой фон школьной жизни — ребята к ним привыкают и поэтому никак не реагируют на них. Запрещать что-либо

или ограничивать свободу ребенка можно лишь, когда это абсолютно необходимо и если у вас есть время и возможность добиться неукоснительного выполнения своего указания. На вопрос родителей или учителей, что же мы считаем нужным запрещать детям, я (как это ни звучит парадоксально) обычно говорю, что в принципе надо запрещать (и запрещать категорически) лишь те поступки, за которые взрослые привлекаются к общественной, административной или судебной ответственности. Разве мы привлекаем к ответственности взрослого, размахивающего на ходу портфелем, не доевшего свой завтрак или разговаривающего во время обеда? Вы, возможно, возразите: что же, значит, вовсе не нужно приучать детей к порядку? Нет, нужно, но самое верное — действовать не приказом и наказанием, а просьбой, советом (а еще лучше — примером). А вот если школьник убежит с урока, ударит соседку по парте или возьмет чужие деньги, этого нельзя прощать, он должен ответить за свои действия. При таком подхо-

Фото А. Коноплева

де ребенок поймет справедливость и законность требований (и наказания — при их невыполнении) и, не давая нервных срывов, привыкнет никогда не совершать нетерпимых в нашем обществе проступков.

Наказание не должно быть повседневным явлением, оно должно применяться к детям не чаще, чем применяется к взрослым осуждение по суду или хотя бы выговор в приказе. Частое применение наказаний, особенно связанных с лишением свободы и активности (поставить в угол, не пустить гулять и т. п.), истязая и без того хрупкий у ребенка тормозной процесс, лишь повышает его возбудимость. Может быть, мое сравнение покажется грубоватым, но, честное слово, надежда добиться спокойного и упорядоченного поведения ребенка такими средствами не более разумна, чем попытка сделать собаку послушной и доброй, сажая ее на цепь в наказание за то, что она кусается или хватается за мясо со стола.

Теперь — об отметках первоклассников, точнее — о плохих отметках. Конечно, учитель имеет формальное и моральное право, если школьник не справился с заданием, не приготовил урока, аттестовать его двойкой. Но не слишком ли легко и бездумно мы порой к ним относимся? Не считаем ли мы иногда, что двойка — чуть ли не лучшее средство заставить ученика подтянуться? Особенно злоупотребляют двойкой преподаватели начальных классов, порой ставя ее даже формально неправильно; например, оценивают двойкой по арифметике верно решенный пример лишь за то, что он написан грязно, небрежно, с помарками.

Когда родители спрашивают меня, как им поступить, если ребенок (особенно первоклассник) получил плохую отметку за ошибку при выполнении домашнего задания, неудачный ответ у доски, случайную помарку или небрежность, я, по совести говоря, не знаю часто, что им посоветовать. Если за каждую, сплошь и рядом полученную не по злой воле, двойку сурово отчитывать и наказывать ребенка, у него разовьется страх перед школой, занятия, о которых он так мечтал недавно, станут ненавистными — ведь случайная ошибка всегда грозит карой. Маленький школьник становится запуганным невостановком. Если же относиться к полученной отметке хладнокровно, не рассматривая ее как совершенно нетерпимое явление, — будет еще хуже: ребенок привыкает к двойкам, они его уже не пугают, и он не пытается избежать их и в дальнейшем. Он становится разболтанным лентяем.

На мой взгляд, каждая двойка для ученика с первого же класса должна быть исключительным событием,

чрезвычайным происшествием, по своей значимости не менее существенным и редким, чем, например, партийное взыскание или выговор в приказе для взрослого человека.

Кстати, о поощрениях за хорошие и наказаниях за плохие отметки. Вопрос этот гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Казалось бы, достаточно желанная награда за успешную учебу и достаточно суровое наказание за плохие оценки должны стимулировать ребенка к повышению своей школьной успеваемости. Но это не так. Труд, требующий тонкой дифференциации (а учебный процесс относится, конечно, к такому виду деятельности), не может проходить успешно при резких стимулирующих воздействиях. Если вы пригрозите ребенку, идущему в школу: «Посмей мне только явиться с двойкой!», — вы этим самым создадите все предпосылки именно к тому, чтобы он разволновался, испугался, растерялся при ответе и получил двойку.

И точно так же будет волноваться ребенок, которому обещана особенно желанная награда за хорошую отметку. Да и результат ответа будет не лучше. Школьник должен знать, что надо спокойно, в меру своих сил и понимания отвечать у доски или выполнять контрольную работу, не испытывая страха за исход проверки.

Если ребенок, поступив в школу, не справляется с программой, надо внимательно разобраться, в чем здесь дело: умственная ли это неполноценность, требующая перевода во вспомогательную школу, или известная незрелость (тогда надо, не мучая ребенка, взять его из школы до следующего учебного года), или просто нежелание учиться (тогда надо выяснить, чем оно вызвано), или другая какая-нибудь причина. И уж во всяком случае не выносить сразу окончательный приговор его возможностям и умственным способностям. А ведь как часто по первым неудачам родители или учителя решают, что из сына или дочери «ничего не получится». И весь дальнейший путь школьника проходит под знаком этого несправедливого приговора.

Я высказал некоторые из соображений, возникающих у психоневролога, когда к нему приводят на консультацию первоклассников. Может быть, кое-что в этих замечках покажется спорным, односторонним, слишком резким. Но, честное слово, по-человечески больно, когда мы по неумению, невнимательности, торопливости превращаем одну из самых больших радостей в жизни ребенка — радость встречи со школой — в муку для него, а потом и для нас самих,

В. КОМАРОВ,

райбор

Однажды инспектор детской комнаты милиции — отделение находится рядом с нашим заводом — рассказала мне немало печальных историй из жизни детей, которых родители только портили своим неправильным воспитанием. Признаться, я очень удивился, узнав, что к числу таких ребят относится и сын полировщицы нашего цеха Валентины Ш. Удивляться было чему. За многие годы работы в цехе я знал Валентину только как хорошую производственницу и активную общественницу. Вот как получается: наш цех борется за звание коллектива коммунистического труда, а у одного из наших товарищей ребенок на учете в милиции! Рассказал я об этом в цехе. А начальник цеха, С. А. Константинов, заявил мне: «Валентина сама виновата в том, что сын отбился от рук. Глядя на безобразное поведение матери в быту, он и не мог быть иным». Возможно, начальник цеха прав. Но может ли коллектив оставаться равнодушным и не протянуть товарищу руку помощи?

Если бы это был единственный случай, я, может быть, и не писал бы о нем. К сожалению, это не так.

Недавно я обратился к заместителю секретаря партийной организации нашего цеха, члену заводского комитета содействия семье и школе Марии Хромовой и председателю цехового комитета Галине Леонович с просьбой поговорить с Елизаветой К. В последнее время она совсем не обращает внимания на свою дочь, первоклассницу Таню, пьянствует.

— Не может этого быть! — удивленно воскликнули женщины. — Мы не один год работаем с Лизой и знаем ее только с хорошей стороны...

— Вы побывайте у нее дома, тогда убедитесь, — посоветовал я.

Обе женщины наотрез отказались. А как легко было сделать это — ведь Мария Хромова живет всего в пяти минутах ходьбы от дома Лизы. За цеховую общественность сделали это другие люди: соседи по квартире, школьная учительница Тани, уполно-

И ДЕТИ

Рисунок К. Соколова

моченный отделения милиции. И вмешательство их принесло пользу: Елизавета К. сейчас совсем иначе ведет себя в быту, к дочери относится более внимательно.

Все это наводит на размышления. Если бы Валентина Ш. и Елизавета К. стали небрежно работать и сдавать бракованную продукцию — как бурно реагировал бы коллектив! Начались бы «проработки» на собраниях, появились бы заметки, а то и карикатуры в стенгазетах. Разумеется, не было бы забыто и возмещение убытков за брак. Слов нет, надо ругать бракоделов и взыскивать с них за погубленные материалы. Но если у Валентины Ш. и Елизаветы К. нет брака на производстве, то в воспитании своих детей они совершают промахи куда более опасные. Производственный брак можно иногда быстро исправить, а вот брак человеческого порой в течение многих лет не могут исправить ни сами родители, ни школа, ни милиция, ни суды.

Конечно, дело не только в «проработках» провинившихся родителей. Некоторые из них просто не умеют правильно воспитать своего ребенка. Таким нужно оказывать практическую помощь. А ее-то и нет. Давно я работаю, но не приходилось мне еще видеть в цехе школьного учителя, инспектора детской комнаты милиции, воспитателей школ-интернатов...

...Вместе с председателем заводского комитета содействия семье и школе Анатолием Семеновичем Фуртовым поговорили с Валентиной Ш.

— В прошлом году я хотела оставить Виталия в пионерском лагере на вторую смену, — рассказывала женщина, — но его не приняли за плохое поведение, а меня отругали в завкоме и в цехе.

Следовательно, «трудных» ребят надо изолировать от хороших? А верно ли это? Если одинокая мать не в силах справиться с отбившимся от рук сыном, то кому, как не цеховой общественности, помочь ей в этом! Нужно делать так, чтобы «трудные» дети во время летних каникул находились бы дольше в пионерских

лагерях, а не были бы предоставлены самим себе. А то ведь как нелепо получилось: Валентина, напуганная прошлогодней «проработкой» за провинившегося в лагере сына и получившая отказ в путевке для него на вторую смену, в нынешнем году решила вообще не подавать заявления. А цеховую общественность это нисколько не взволновало. И лишь когда А. С. Фуртов поговорил с Валентиной, она подала все-таки заявление; ее сын попал в лагерь.

Но есть на нашем заводе и люди (правда, их пока немного), которых по-настоящему волнуют судьбы детей. В меру своих сил и возможностей, там, где это нужно, конечно, они пытаются влиять на их воспитание, учебу в школе, стараются содержательным и интересным сделать досуг ребят.

На заводе создан комитет содействия семье и школе. Члены комитета установили тесный контакт с ближайшими от завода школами и детской комнатой отделения милиции. Комитет взял на учет всех детей работников нашего завода. Члены комитета знают, как учатся эти дети и каково отношение к ним в семье. Все тревожные сигналы о поведении и успеваемости школьников разбираются на заседаниях комитета содействия.

В цехах можно видеть сейчас своеобразные доски почета с фотографиями передовиков производства

и их детей, которые хорошо учатся и ведут себя.

Члены содействия семье и школе берут и индивидуальное шефство над школьниками. Так, например, пенсионер В. Д. Никольский, по профессии инженер-электрик, помогал неуспевающему ученику 4-го класса 435-й школы Борису Ильичеву. Инженер нашего завода Р. Н. Батаева на добровольных началах раз в неделю проводила с ребятами-восемиклассниками из 409-й школы дополнительные занятия по математике. Она заинтересовала ребят и изучением истории нашего завода. Мастер бригады коммунистического труда Е. А. Седова — у нее самой четверо, да и от завода она далеко живет — нашла время для одного из «трудных» учеников 8-го класса «А» 410-й школы Юры Кидина.

Но, к сожалению, все это — пока еще единичные случаи.

Руководство завода не интересуется работой с детьми. Его внимание занимает только одно — производство, его экономический эффект.

В стороне от этого важного дела оказались почему-то партийная и комсомольская организации. И никто не задумывается над тем, что у воспитательной работы с детьми есть свой эффект, который нельзя учесть в рублях, в процентах выработки продукции, в экономии материала, — это эффект борьбы за нового человека.

В 1966 году „Семья и школа“ будет из номера в номер вести рубрику „В помощь педагогическому всеобучу“.

В разделе: ♦ Как воспитать у ребенка общительность? ♦ Решился паренек доверить душу учителю... ♦ Беречь детскую психику! Я бросил пить ♦ Ольга Кушвенкова живет в Мстиславе.

● ОТВЕЧАЕМ РОДИТЕЛЯМ

ЗАСТЕНЧИВЫЙ МАЛЫШ

Дорогая редакция! Моему сыну уже 3 года и 5 месяцев. Он очень развит, знает много стихов, сказок, загадок. Слов в его лексиконе не меньше, чем у взрослых, но... на людях он молчит. Невозможно даже добиться от него, чтобы он сказал «здравствуйте».

Посоветуйте, пожалуйста, как воспитать у него общительность? Он, правда, не ходит в детский сад, но у моей подруги дочь с первого месяца жизни в детских яслях, а с ней та же история.

Прошу, посоветуйте, что же делать с таким ребенком?

А. ИВАНОВА

На это письмо отвечает педагог, аспирант Института дошкольного воспитания АПН РСФСР В. ГЕРБОВА.

Уважаемая товарищ Иванова!

Ваша тревога очень своевременна. К сожалению, нередко у многих родителей (да и воспитателей) не вызывают беспокойства такие качества ребят, как робость, застенчивость, замкнутость. В самом деле, кажется, что с такими детьми меньше хлопот. Они, как правило, не шалят, не изобретают ничего такого, что заставляет взрослых «хвататься за голову», не кидаются в драку, даже если у них что-то отнимают; словом, это очень спокойные, послушные и милые существа.

И мы не останавливаемся, не задумываемся: а не обманчиво ли это благополучие?

Подрастает ребенок, и взрослые с удивлением замечают, что к его былой застенчивости, замкнутости прибавились еще вялость, нерешительность, безынициативность, а порой и равнодушие ко всему происходящему.

Как видите, такие качества ребенка, как робость и

замкнутость, далеко не столь безобидны и безвредны, как могло бы показаться на первый взгляд. Как же помочь таким детям? Что делать, если ребенок не хочет здороваться, прощаться, отвечать на расспросы, словом, не намерен вступать ни в какие контакты с посторонними?

Не хочет?

Однажды я была потрясена, увидев и услышав, как наша четырехлетняя воспитанница, гневно встряхивая «свою дочку», выговаривала ей: «Бесстыдница! Такая большая, а здороваться до сих пор не умеешь. Сиди тогда дома, чтобы мне за тебя краснеть не приходилось...» А потом, крепко-крепко прижав свое «детище» к груди, задумалась совсем по-взрослому и, вздохнув, прошептала, то ли успокаивая куклу, то ли жалея и ее, и себя: «И у меня самой... не получается».

Думается нам, дело не только в том, что ребенок не хочет, сколько в том, что он не умеет.

Мы помогаем ребенку учиться самостоятельно ходить, держать ложку, одеваться. Учат этому малыша настойчиво, долго. А вот о том, что надо так же терпеливо учить ребенка, например, здороваться, как-то частенько забывают.

Хочется отметить, что, если Вы хотите выработать у ребенка те или иные навыки поведения, Вы сами должны вести себя так же. Если Вы всегда вежливы, спокойны, доброжелательны, внимательны к другим, то и ребенок будет вести себя или, по крайней мере, будет стараться вести себя так же.

Иногда полезно показать ребенку, что и у взрослых не всегда все сразу получается, но они не отступают, добиваются нужного результата.

Помню, я очень волновалась перед каким-то экзаменом, решала вслух: «Идти сегодня или не идти?» Пятилетний Вовка переживал вместе со мной.

Когда я вернулась, он первым рванул ко мне: «Сдала? Как?»

— Знаешь, Володька, очень страшно было. Я долго-долго у двери стояла, один раз даже уходила. А потом стыдно стало: «Такая трусиха!» Я и пошла.

А дня через три наш трусливый Вовка решил выступить на детской елке во Дворце культуры. Правда, при этом он все время крепко держал за палец... маму. А дома «по секрету» сообщил мне: «А знаешь, почему я... не трусился? Тебе же тогда, на экзамене, тоже страшно было, а ты ведь не ушла, хотя и хотела сбежать». И, хитро щуря свои счастливые от первого успеха глаза, закончил: «Я сбежать не хотел, вот! Я тебя... храбрее».

Однако как ни велико влияние примера окружающих, оно всего не исчерпывает. В положительных поступках и действиях ребенка надо активно упражнять. Только в процессе активной деятельности создаются и закрепляются необходимые навыки, привычки и чувства ребенка, обогащается его опыт.

Точно так же и общительность ребенка будет развиваться только в постоянном общении с самыми разными людьми — близкими и незнакомыми, сверстниками и старшими.

Но здесь, естественно, возникает вот какое осложнение. Именно потому, что опыта общения у малыша нет, оно затруднительно для него и требует значительного напряжения; он боится показать, что чего-то не умеет, не знает, — и поэтому неохотно вступает в контакт, особенно с незнакомыми людьми. Значит, очень важно, чтобы общение ребенка со взрослыми и сверстниками доставляло ему радость, удовлетворение, создавало уверенность в своих силах и возможностях.

Каждый ребенок чем-то хорош, и нередко это его личное, хорошее выгодно отличает малыша от сверстников. Одни знают много стихов и неплохо их декламируют, другие возводят из кубиков отличные постройки, рисуют, конструируют и т. п.

Вот и надо, опираясь на это хорошее, помочь застенчивому, малообщительному ребенку почувствовать себя равным среди сверстников.

В детском саду это сделать проще: здесь ребенок живет в коллективе. Найдется много поводов, которые помогут детям разглядеть в нашем «молчуне» это хорошее, предложить ему дружбу. Но, конечно, воспитатели должны быть особенно внимательны к таким детям и не допускать, чтобы они оставались в стороне от ребячьих игр и дел.

Труднее, если ребенок большую часть времени проводит в обществе бабушки или мамы. В этом случае мы советуем почаще приглашать к вашему малышу других детей. Ребенку всегда приятно, если вы приветливы с его друзьями, и вдвойне приятно видеть их у себя в гостях. Хорошо, если среди них будут дети побойчее, умеющие и игру организовать, и рассказать, увлечь чем-нибудь.

Конечно, вам самим придется не раз и не два по-

играть с малышами, почитать им, помочь что-нибудь смастерить. Можно предложить детям такую игру, в которой ваш ребенок наверняка будет активно действовать, а не только наблюдать (если он знает много стихов — поиграть в «концерт», хорошо рисует — в «ателье», где предстоит вырезать и разрисовать кукол платья). Полезно также застенчивым, замкнутым детям давать поручения, которые выведут их из привычного круга взаимоотношений в семье. Поводов для подобных поручений найдется сколько угодно (попросить что-нибудь у соседки, пригласить ее на чашку чая, показать госте свои игрушки, предложить прокатиться на велосипеде младшему по возрасту ребенку и пр.).

Будет очень хорошо, если на первых порах вы договоритесь с соседкой, чтобы та, когда придет малыш, встретила его приветливо, ласково, пригласила зайти еще раз. Все это вызовет у ребенка интерес к подобным поручениям.

Итак, повторим еще раз: умение родителей организовать широкий контакт малыша с окружающими, создать у него уверенность в своих силах и возможностях, помочь ему почувствовать радость общения с людьми — вот то главное, что может победить застенчивость, робость, замкнутость малыша.

ПИСЬМА НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

НЕПРОЗВУЧАВШАЯ ИСПОВЕДЬ

Я знаю одну семью. Живут они не очень обеспеченно. Однако работал почти всегда лишь отец семейства. Стоило матери пойти на производство, как начинались ссоры. Муж безосновательно ревновал жену, заводил скандалы при детях — старшему сыну Володе было четырнадцать, младшему шесть лет, — и она всякий раз оставляла работу. К тому же отец часто пил. Почему? Он и сам не знал. То «налево» подработал, то получка, то аванс, то товарищи «сообразили» — отказать от компании не хватало смелости. А дома были скандалы, драки. Дети сначала пугались, потом привыкли — сами стали помогать матери обороняться. Младшему даже было забавно запустить в пьяного отца ботинком. Старший хмурился, мрачнел. Учился плохо. Классный руководитель то и дело писал матери тревожные записки, потом пришел в семью. Были здесь и члены учкома и пионерская делегация. Все пытались выяснить, кто или что мешает Володе учиться. Отец молчал, мать — тоже: знала, что пионеры ее беде не помогут.

На классные собрания ходила мать. Краснела от стыда, плакала. Отец совсем не ходил в школу. Он просто боялся.

— Иди, послушай, до чего ты довел сына!

— Кто довел? Я?

— А разве я? Твоя водка!

— Ты не работаешь — сыны твоя забота.

И снова бой! Мирно говорить они уже не могли.

Все же «нолы» в дневнике сына вынудили отца пойти в школу. Ему там было не лучше, чем Иисусу на Голгофе. Он снова напился, теперь уже «с горя».

Волода поддружился с девочкой-одноклассницей. Это заметили, обе матери округлили глаза и вытянули

шеи: «Как так? С таких лет?» И юная дружба была разорвана. Володя стал еще более мрачным, совсем замкнулся.

И снова на очередном родительском собрании родителям здорово досталось за сына.

Тогда мать, доведенная до отчаяния, хватала сына за ворот, усаживала за стол и требовала читать немецкий текст. Сын строчил — от зубов отлетало. Знает, думала мать. А в дневнике — опять двойки. Оказывалось, Володя обманывал мать, просто болтал ей набор зазубренных немецких слов.

Володя легко давал обещания учиться и не выполнял их. Ему вообще стало нипочем обмануть. Стащит у товарища авторучку, а когда его разоблачат — извинится перед классом, скажет, что больше такого не будет, и... стащит автоматический карандаш.

— Ты же обещал! Ты же слово давал! Как тебе не стыдно! — возмущается весь класс.

— Я же обещал авторучку не брать. Ну, а теперь не возьму и карандаш.

И вдруг по литературе сочинение! Не по Гоголю, и не по Чехову, и даже не по Маяковскому, а просто по русской поговорке «Береги честь смолоду».

И тут Володя задумался. Сочинение было домашнее. Какое-то рай- или крайню пошло в самую точку, именно в ту, куда не могли попасть родители. Уже половина класса сдала сочинение, а Володя еще и не писал. Учительница пригрозила:

— Не сдашь в срок — поставлю двойку.

А Володе нужно было с кем-то посоветоваться, сказать о том, что мучило его последнее время. Но кому? Случай вдруг представился. В командировку приехал знакомый отец. Остановился у них. Володя хотел по-

говорить с дядей Васей, но никак не мог решиться. И вот уже перед самым его отъездом — была не была! — сказал:

— Дядя Вася, нам задали сочинение на тему «Береги честь смолоду», все уже сдали, а я не писал. Опять двойку поставят.

— Почему же ты не написал?

— Не знаю, — пожал плечами Володя.

— Что, трудная тема?

— И не трудная — а не могу. Ну как мне писать о чести, когда я ее с детства не берегу?

— А почему ты ее не бережешь? Кто тебе мешает?

И дядя Вася посоветовал Володе написать сочинение именно о себе, о своей жизни дома, об отце.

Володя написал. С каким нетерпением и тревогой ждал он урока, на котором учительница будет разбирать работы... И вот она вошла в класс... Выбрала из толстой папки одну, другую тетрадь. Прочла. Володиной тетради не было. Исповедь перед товарищами не прозвучала.

После урока учительница подзвала Володю и тихо сказала ему, подавая тетрадь:

— Возьми и перепиши. Двойки я тебе не поставлю: ты все-таки старался. Нужно писать о космонавтах, о целинниках, о героях, а ты про какого-то пьяницу написал, про драки, про воровство. Разве в нашем обществе место таким людям?

Володя снова написал сочинение. Поставили ему тройку.

Написал он письмо и дяде Васе: «...Сочинение мы с Вами не так сочинили, как надо. Я переписал его. Материал брал из газет, журналов. Написал, как двое парней на целине спасли хлеб от пожара, как летал Гагарин, про олимпийцев в Тонио... Тройку получил. А то сочинение — про себя — у меня дома лежит».

Вот и вся история. Решился паренек доверить свою душу учителю. Может быть, впервые посмотрел на него открытыми глазами. Но увы... учитель не заметил этих глаз.

Только ли этих!..

Н. Г.
(г. Приморско-Ахтарск
Краснодарского края)

„Мне теперь ничего не страшно...“

Мы пытаемся не разрешать детям до 16 лет смотреть фильмы, где есть хоть небольшая доля эротического содержания, даже если эти фильмы высокохудожественны и жизненно правдивы.

Но есть еще одна сторона жизни, совершенно недопустимая для показа детям, — это ужасы, бесчеловечная жестокость. На мой взгляд, фильмы с таким содержанием тоже должны быть запрещены для детей.

Впечатлительность ребенка значительно выше впечатлительности взрослого человека, а нервная система еще слаба. Когда ребенок видит в жизни или на экране или же читает в книгах о пытках, казнях и других ужасных сторонах жизни человеческого общества, то сначала это производит на него потрясающее впечатление, а затем острота восприятия притупляется, появляется безразличие.

Смотрела я как-то фильм «Шаги в ночи». Фильм этот сделан по документам о групповом побеге из фашистского лагеря смерти в Каунасе. Недалеко от меня сидели несколько

мальчишек. Они слабо реагировали на ужасное содержание фильма. Гораздо больше эмоций вызвал финал фильма, побег из девятого форта и возможная удача или неудача этого побега.

По ходу действия фильма один из заключенных, предельно истощенный человек, объявляет голодовку. И вот до меня доносится иронический шепот: «Вот дурень, такой худой, а от еды отказывается». Что понял этот ребенок из происшедшего? Да ничего. Вернее, он инстинктивно, из чувства самосохранения не хотел понимать.

А если и дальше, уже привычно, он будет отталкивать от себя все, что может нарушить его душевное равновесие, человек получится из него черствый и эгоистичный, может быть даже жестокий, неспособный отзываться на чужую беду.

А бывает, что у детей с повышенной нервной в результате увиденных жестокостей начинают развиваться неврозы.

Одному десятилетнему мальчугану я сказала: «Не надо тебе смотреть

этот фильм, уж очень он страшный». Тот посмотрел на меня взглядом, в котором странно переплелись печаль и удайство, и ответил: «Я видел фильм о Бухенвальде и Майда-неке, и теперь мне ничего не страшно».

Для чего же младшим школьникам показывать такой фильм?

Это, конечно, не значит, что ребенка вообще нельзя знакомить с героической борьбой людей против злых сил и с трагедиями, связанными с этой борьбой.

Можно и должно.

Вспомним книги Гайдара. Это книги о героях. Они написаны очень серьезно и правдиво и вместе с тем очень осторожно, без «шумовых эффектов». Они написаны для детей.

Гайдар понимал, что бесчеловечная жестокость во всей ее обнаженности непосильна для детской психики, что должен быть какой-то переход от зайчиков, мишек и прочих персонажей детского мира к ужасам реальной жизни, именно потому, что эти ужасы — правда, которую взрослые люди должны узнать, чувствовать и никогда не забывать. А надломленная с детства психика может породить равнодушие, и тогда человек потеряет правильную ориентировку в жизни.

А. БУРЕНКОВА
(Москва)

● ЧИТАТЕЛЬ ОТКЛИКАЕТСЯ

„Оля из Мстиславля“

Мне хочется написать о том, что Оля Кушенкова, которую описал М. Златогоров в № 5 «Семьи и школы», — жива! Поместите мое письмо в журнал, ведь читателям тоже будет интересно узнать, где сейчас те, кто в трудные дни войны боролись за нашу жизнь.

Оле было шестнадцать лет, когда в город пришли фашисты. Чтобы скрыться от этих извергов, Оля пошла работать в поле.

На работу Оля всегда приносила листовки, и все читали их. И когда она долго не появлялась среди нас, мы волновались, не случилась ли с ней беда. Оля всегда была такой жизнерадостной, веселой, что с ней забывались все наши горести.

Оля окончила школу, потом поступила в пединститут. Сейчас она работает в школе. Ее очень любят ученики. Ей есть о чем рассказать. Очень любит художественную самодеятельность, часто выступает вместе с другими учителями с концертами в колхозах района.

У Оли хорошая семья. Есть дети. Муж работает директором школы глухонемых в Мстиславле. Он очень хороший, душевный человек.

А. РАЕВСКАЯ
(деревня Резанцы Мстиславского района
Могилевской области Белорусской ССР)

Победа над собой

В № 6 «Семьи и школы» я прочел статью С. Газаряна «Борьба или покровительство?» Считаю своим долгом откликнуться на нее, так как сам был алкоголиком.

Мне 38 лет, из них около 20 лет я пил, был на краю

гибели. Жизнь моя, можно сказать, началась пять лет назад, когда я решил бросить водку.

Водка отняла у меня интерес к жизни, дважды привела на скамью подсудимых. Чуть не потерял семью, а ведь у меня двое детей. Я испытал самое страшное — когда дети боялись возвращения отца с работы, прячутся от него. У них нет улыбки на лице, когда они видят отца, в глазах — одна тревога.

И великому счастью, все страшное позади.

Ясно представляю ужасы той семьи, где отец — пьяница. В такой семье каждый день приносит несчастье. Дети ждут отца, а он идет «готовым»... Но ведь этот человек работает на производстве, в коллентиве, в своей бригаде. И неужели товарищам по работе все равно, куда пошел он после работы — домой или в «забегаловку»? А ведь не секрет, что бывает и так: придет пьяный на работу — пошлют домой. Проспится — вызовет начальник, пожурит и снажет: «Ну, смотри у меня... иди работай». Вот и вся филантинка.

И еще вопрос: на какие деньги покупает водку пьяница, если у него семья и заработок небольшой? Товарищи дают взаймы. Но как ты смеешь давать деньги, если знаешь, что они пойдут на водку! Если ты дал товарищу на водку, значит, ты больше виноват, чем он. У киоска со спиртным собираются твои товарищи — выпить «на троих». Ты знаешь, что их дома ждут. Но вместо того чтобы разбить такой «союз», ты проходишь мимо...

С алкоголем, этим страшным злом, нужно бороться всем, и прежде всего общественности.

Надо понять и самим алкоголикам, что жизнь с водкой бесцельна.

Ш. КАРИМОВ,
рабочий
(г. Уральск Западно-Казахстанской области Казахской ССР)

ЧТО ЗА ПЯТЕРКОЙ?

Задание было сформулировано четко: «положительный» очерк о семье. Письмо Павла Ивановича Петрова лежало у меня в кармане. Все описано достаточно ясно, оставалось только кое-что увидеть своими глазами, понаблюдать. По дороге обдумывал план очерка, композицию, перебирал варианты заголовка.

Приехал — и все полетело вверх тормашками.

Есть такая неприятная штука — формализм. Бывает формализм в искусстве, в исполнении служебных обязанностей, в соревновании. А тут столкнулся с еще одним проявлением формализма — в воспитании детей. Правда, корни его не в черствости, не в равнодушии, а просто в неверном толковании сущности воспитания.

Со стороны все выглядит вполне благополучно. Вы, Павел Иванович, искренне хотите, чтобы сыновья ваши выросли добрыми, честными, трудолюбивыми, и многое для этого делаете. Сережа и Вова — отличники. Четверка в тетрадях — редность, а в табеле — тем более. Мальчиков ставят за пример. О них пишет стенгазета. Ребята закалены, здоровы, занимаются спортом. Самостоятельны: можно оставить их дома одних, они и уроки делают, и вовремя лягут спать. Трудовое воспитание тоже на высоте: умеют приготовить обед, убрать квартиру, сходить в магазин.

Сейчас, когда в школах еще немало двоечников, лодырей, хулиганистых подростков, ваших детей можно назвать почти идеальными. Но что же такое это «почти»? Не разрастается ли оно со временем и не пробьют ли в будущем такую брешь в воспитании, которую очень трудно, а то и невозможно будет заделать?

Вы сказали мне как-то:

— Я твердо знаю, какими вырастут мои ребята. Действую по Макаренку. Всю его программу мы выполнили.

Макаренко не писал ни программ, ни инструкций. Да и не может быть никаких инструкций по воспитанию детей. Это не металл обрабатывать: есть чертеж, и у станка выстраиваются детали, с точностью до сотых долей миллиметра копирующие друг друга. Попробуйте представить себе миллионы людей с одинаковыми характерами, привычками, поступками. С тоски помереть можно.

Вам не приходилось встречать людей «шибко правильных» и в то же время неинтересных, скучных? Общение с ними быстро надоедает, как пресная пища. Всегда знаешь, что они скажут и как поступят в том или ином случае.

Мне кажется, по такому пути идет воспитание ваших сыновей. Вы как бы заранее составили список добродетелей, какими должны обладать Сережа и Вова, и теперь проставляете галочки: патриотизм — есть, честность — есть, вежливость — есть. И так далее. Вы говорите: общество должно получить полноценных граждан.

Но обществу служат по-разному. Один хорошо исполняет свои обязанности, и только. Его в любой момент можно заменить таким же добросовестным работником. А другой — вырви его из коллектива, и образуется прореха, которую ничем не затаешь.

Дети должны слушаться родителей. Прописная истина. Но послушание послушанию рознь. Вы сказали: «Они не смеют противоречить мне». Как в армии: приказ не подлежит обсуждению. Но то, что оправдано в казарме, не всегда хорошо в семье. Плохо, если сын привыкает все делать по команде свыше. «Учись только на отлично!» — учится. «Не водись с Петей!» — не водится. «Помоги Вове!» — помогает. Постепенно вырабатывается привычка каждый раз ждать указаний.

Бывают в жизни моменты, когда приказ бессилен, когда нужно глубокое личное убеждение. И тогда шаг вперед делают другие.

На родительских собраниях ваших сыновей всегда хвалят. Учителя по своему праву. У них в классе десятки детей. Конечно, тут деление на плохих и хороших учеников происходит чаще всего по внешним признакам — отметкам, поведению. Учителю трудно изучить до мельчайших нюансов характеры ребят и девчат, с которыми он видит четыре-пять часов в неделю. Это редкий дар — умение заглянуть в душу каждому своему ученику. Сколько бы мы ни говорили о том, что обучение и воспитание неразделимы, на практике пока получается иначе: школа больше обучает, чем воспитывает, а семья больше воспитывает, чем обучает.

Любому родителю приятно слушать, как хвалят его детей, приятно подписывать табель, где ровными рядами выстроились пятерки. Но это не должно усыплять бдительность. Если родитель — друг, он обязан знать, что стоит за пятеркой.

Сереже 14 лет. В этом возрасте читают Дюма, Гюго, Жюль Верна, Алексея Толстого. В мальчишеских грезах сверкают шпаги мушкетеров, по улицам Парижа шагает Гаврош, засунув руки в карманы и напевая веселую песенку, белоснежная яхта «Дункан» бороздит океаны в поисках капитана Гранта, улетает на Марс инженер Лось.

Потом будут другие книги, но эти первые, зачитанные до дыр, человек пронесет через всю жизнь.

А Сережа... Вы скажете ему: «Читай!» — он читает. Не скажете — обойдется и так. А надо, чтобы он раскрывал книгу не по вашему приказу, а потому, что она нужна ему как хлеб. Да, как хлеб. Политзаключенные объявляли голодовку, чтобы завоевать право на книгу.

Я спросил Вас, чем увлекается Сережа. Вы пожали плечами: «Спорт, телевизор. Вот и все, пожалуй».

У меня есть сосед — на год постар-

ше вашего Сережи. Он всегда чем-то увлечен. Одно время это была химия. Пробирики, колбы, реактивы. Бесконечные опыты. Однажды добыл хлор — чуть не задохнулся. Мечтал о штативе, чтобы не держать пробирку в руке: горячо от спиртовки. Штатив стоил дорого — не по мальчишескому карману. Отказался от школьных завтраков, копил деньги. Когда собралась нужная сумма, побегал в магазин чуть ли не с рассветом и часа два ждал открытия. Купил. Нес по улице, и казалось ему, что все прохожие смотрят и говорят: «Какой счастливый — он купил штатив!»

Потом увлекся астрономией. Сделал сам телескоп — труба из картона, две линзы, подставка. Чуть стемнеет, лез на крышу и смотрел в небо. Составил карту Луны, даже некоторым лунным кратерам дал свои названия.

Был у этого мальчика и конструкторский период, и авиамодельный, и строительный. Любому делу он отдавался страстно, забывал поесть, порой недосыпал ночами.

Выпало ему большое счастье в жизни — хороший друг, который не ругал за тройку по английскому, который понимал, что прожженные кислотой штаны — не самое страшное, что иногда можно нарушить режим и просидеть на крыше до полуночи.

Этим другом был отец мальчишки.

А вы наказываете детей не только за тройку, но и за четверку. Любой ценой — пятерку. Во всем, мол, должен быть порядок — в учебе и поведении. Когда мальчики боролись в комнате и нечаянно разбили стекло, вы пустили в ход ремень.

И вообще в жертву внешнему порядку вы приносите многое. «Мои дети никогда не ломали игрушки». Вы сказали это с гордостью. По-моему, гордиться тут нечем. Наверняка Вове и Сереже хотелось распотрошить заводной автомобиль, выдрать мотор, разобрать его, прикоснуться к шестеренкам и пружинкам. Ребенку надо узнать, что внутри. И узнать самому, а не с чужих слов. С этого начинается любознательность — прекрасная человеческая черта.

Но есть приказ: «Игрушек не ломать!» — и все эти машины, паровозы, самолеты аккуратно складываются в угол. Вопрос «что внутри?» остается невыясненным. Ни сегодня, ни завтра. А послезавтра он и не будет задан.

Соседский мальчишка, о котором я рассказывал, мог не добывать хлор, рискуя попортить себе легкие, мог не составлять карту Луны. Это было сделано до него, и гораздо лучше. Зачем изобретать велосипед, если можно купить его в магазине?

Но где-то он будет первым, этот ясноглазый мальчуган. Именно такие движут науку, прокладывают дороги в тайге, строят новые города.

Вы, Павел Иванович, взяли на себя главную роль в воспитании сыновей. Вы ни разу не сказали: «Мы с женой», — хотя, я уверен, в ваших детях много хорошего от матери.

Главная роль — это и главная ответственность. Ваши слова: «Я твердо знаю, какими вырастут мои дети» — означают, что все тревоги и сомнения за судьбы Сережи и Вовы для вас позади. А зря. Самое время серьезно встревожиться. Чтобы выросли не просто обладатели набора положительных качеств, а настоящие люди.

С. ГАЗАРЯН,
специальный корреспондент
«Семья и школа»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ?

Заметки о детской
приключенческой литературе

С. СИВОКОНЬ

Для какого возраста пишутся детские приключенческие повести? Как правило, для подросткового. И это хорошо: ведь именно для подростка приключенческие книги являются самым необходимым, самым насущным «хлебом». В подростке живут два человека: ребенок и взрослый. Детская непосредственность, жажда и радость познания мира уживаются в нем с качествами взрослого: способностью анализировать жизненные факты, желанием определить свое место в мире, уловить важнейшие закономерности мира, выяснить, почему, как и для чего живут люди.

Стоящий на пороге взрослости, подросток хочет получить правдивые и серьезные сведения о жизни; еще не расставшийся с детством, он хочет получить эти сведения в яркой, необычной, действенной и притом конкретной форме. Потому-то он так не любит голого анализаторства, не признает статичных, застывших положений. Читая книгу, он пропущает описания природы: по его мнению, они тормозят действие. Это не значит, что подросток не признает никаких описаний, но он требует, чтобы описания эти до предела были насыщены действием.

«Это произведение увлекло меня прекрасным языком, красочностью описаний и интересностью эпизодов», — пишет 12-летний А. Белоусов о романе В. Скотта «Айвенго». — Из книги я особенно запомнил турнир в Ашби. Когда я читал это место, я ничего не замечал вокруг себя. Рыцари, герольды и все участники турнира предстали предо мной как живые. Мне кажется, что я сам сражался с доблестным Айвенго, сам переживал за зрителей».

И тот же мальчик пишет о романе Ж. Верна «20 000 лье под водой»: «Книга не понравилась мне тягучим, скучным языком и неинтересными эпизодами». Если бы мы не читали первого высказывания, мы, возможно, просто отбросили бы второе. Но сейчас мы вынуждены задуматься. Почему А. Белоусов не понял книги Жюль Верна? Видимо, потому, что интересность этой книги лежит глубже, чем у первой. И подросток, еще не обладая достаточной силой читательского зренья, не смог проникнуть в эту глубину. Роман Ж. Верна показался ему чисто описательным, он не разглядел в нем внутренней силы, наполненности действием.

Мы видим теперь, что в детских приключенческих книжках, как ни в каких других, важен острый, захватывающий сюжет, насыщенность действием. Иначе говоря, пусть это звучит банально, — в детских приключенческих книжках должны быть настоящие приключения. Есть ли они в книжках последних двух лет? Судя по названиям книг — «Берег трех тайн», «Икс, Игрек, Зет», «Жертва детектива», «Тайна Золотой долины», «Пираты неизвестного моря», — как будто есть, и с избытком. Но с выводами лучше не спешить. Загляните хотя бы в первую книжку, принадлежащую перу В. Ющенко. Еще не дочитав ее до конца, вы просто руками разведете: ну и приключения, ну и тайны!

...Отряд сельских пионеров сегодня ночью выходит в поход по реке на колхозных лодках. Все готовы, ждут только сигнала. И вдруг — непредвиденное: председатель уехал, а заменяющий его бухгалтер лодок не дает. Старший пионервожатый принимает трудное, но «романтическое» решение: лодки — украсть. Сторожа для виду связать, чтоб не понес ответственности.

Сказано — сделано. Перебудили половину поселка, деда-сторожа связали, лодки увели; жители поселка вдвойне обеспокоены: куда делись дети и куда делись лодки? «Несознательный» бухгалтер вызывает милицию, деда сажают под арест, таскают на допросы.

Что же выясняется? Председатель уехал... нарочно: пионервожатый заранее договорился с ним, чтобы провернуть сию операцию. А ребята тащили в поход для того, чтобы... привезти с дальнего поля в колхоз три копы сена. Ничего не скажешь — романтика!

«В некоторых отрядах... царит скука, — говорится в аннотации, предпосланной книге. — А ведь можно жить совсем иначе».

Автор аннотации явно намекает, что жить надо так, как пионеры из книги В. Ющенко... Нет уж, увольте! Мы не решились бы не только пропагандировать, но и хотя бы повторить такой «опыт».

И это — приключенческая повесть!

Впрочем, даже если книжка «доверху» набита самыми экстравагантными приключениями, это далеко не всегда свидетельствует о ее высоких достоинствах. Лучше всего видно это на примере повести Я. Вилькина «Необыкновенные приключения Геннадия Диогенова» (правда, она не чисто приключенческая, но в данном случае это неважно). Где только не побывал ее герой! С помощью чудесных «диогеновых часов» он увидел Землю в мезозойскую и палеозойскую эру, заглянул в ледниковый период, оттуда махнул напрямик... в коммунизм, где слегка пристыдил самого себя («А он? Что сделал он, чтобы приблизить светлую эру коммунизма?»), потом «по нечаянности» слетал на Марс, затем завернул в дореволюционный Минск, дабы воочию убедиться, что ученье — свет, а неученье — тьма, и наконец вернулся домой... Для книжки в 132 страницы приключений более чем достаточно. Только вот стоило ли ради этого совершать столь длительный и сложный вояж? Как сказал бы А. С. Грибоедов, «зачем ума искать и ездить так далеко?»

В любом, даже самом замысловатом приключенческом романе нельзя забывать простейших законов логики — хотя бы формальной. К сожалению, это усло-

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

В разделе: ♦ Пришла пора предъявить высокие требования к нашей приключенческой литературе ♦ Новая книга В. А. Наверина ♦ Коротко о книгах ♦ Тема важная, фильм неважный...

вие, как оно ни элементарно, в детских приключенческих книжках нарушается очень часто.

Почти во всех произведениях такого рода дети действуют изолированно от взрослых — это уже сильно покачивает весы логики. Иногда же, разумеется по воле автора, дети вступают со взрослыми в состязание и — такова уж традиция приключенческих романов и повестей! — взрослые почти всегда оказываются в этом состязании посрамленными.

Заглянем в повесть В. Клепова «Тайна Золотой долины».

...Тройка бравых шестиклассников (двоечников, заметьте!) — Васька Молокоедов, Димка Кожедубов и Левка Гомзин — в 1942 году, в разгар войны, не только без помощи взрослых, но и потихоньку от них отправляются в «золотой поход» по Уралу — добывать золото, а на золото покупать танки для Красной Армии. И что бы вы думали? Многодневный и многокилометровый поход, проведенный по всем канонам клондайкской золотоискательской традиции, увенчался полным успехом. Золота, правда, не нашли, но зато обнаружили богатейшие залежи медной руды. Да еще мимоходом прихватили двух шпионов. С одним сами справились, другого помогли поймать работникам контрразведки. Особенно отличился руководитель и главный инициатор похода, он же автор записок, на века запечатлевший сие небывалое событие, — Васька Молокоедов. Он прямо чудеса творил. Не угодно ли заглянуть на минутку в кабинет следователя НКВД капитана Любомира, где он вместе с Васькой допрашивает немецкого шпиона?

Пока что вопрос задает следователь-профессионал: «Значит, вы, Белотелов, утверждаете, что вас зовут не Генрихом, а Пантелеймоном и что никакого старика у вас в Золотой долине нет?

— Утверждаю, — поднял на него бесстыжие глаза Пантюха. — И надену, скоро сами поймете, что нельзя верить показаниям несовершеннолетнего мальчишки.

— Одну минутку, товарищ капитан, — попросил я. — Разрешите мне съездить к кастелянше. (Дело было в больнице. — С. С.)

Меня сводили в кастелянше, я достал из кармана пальто кашне и положил на стол перед Белотеловым.

— Вам неизвестно это кашне?

Белотелов вскочил и закричал:

— Товарищ капитан! Кто здесь следователь, вы или этот молокосос?

Хоть мы и не сочувствуем «Пантюхе», вопрос его, надо сказать, не лишен оснований. Определить, кто здесь следователь, действительно становится трудно.

«Капитан успокоил Белотелова и потом с недоумением посмотрел на меня и пожал плечами: он не понимал, зачем это кашне. Тогда я попросил, чтобы Белотелова пока вывели из кабинета, и рассказал, где и при каких обстоятельствах подобрал этот шарф. И еще спросил капитана, зачем он возится с Белотеловым, когда ясно, что тот враг».

Великолепный следователь этот Васька! Даже профессиональный коллега бессилен его понять. Когда же Васька подробно все разъясняет, капитан, не в силах скрыть восторга, обращается к сестре-хозяйке:

— Сестра, будьте любезны, заварите чайку покрепче, нам с Васей подкрепиться надо.

«Нам с Васей!» Два равноправных следователя. Вроде как на брудершафт пьют...

Но поверят ли всему этому подростки-читатели? Они уже не маленькие, их на мякине не проведешь.

Несколько слов о языке приключенческих книжек. К сожалению, многие авторы плетутся в хвосте у своих героев, притом самых разбитных, самых невоздержанных на язык, а то и «соревнуются» с ними в «бой-

кости» речи. Подлинным рекордом в этом роде оказывается повесть Ю. Воищева и А. Иванова «Пираты неизвестного моря». Здесь жаргонные фразы и словечки сыплются как из рога изобилия. А чтобы читателям-подросткам легче их запоминать было, наиболее «сочные» выражения сведены в специальный список и даже пронумерованы. Вот полюбуемся:

1. Каррамба — («черт поberi!» — по-мексикански).

2. Шкет — (маленький мальчик).

3. Ошара — (от слова «отара» — ну, значит, несколько человек).

4. Законно — (это каждому ясно)».

Вам тоже, по-видимому, все ясно, так что дальше можно не продолжать. Ну, а тот, кто хочет еще больше расширить свой лексикон, может заглянуть в книжку — прочитать список до конца. Правда, это все именуется словами-паразитами, от которых надо избавляться, но мы сильно сомневаемся, что юные читатели последуют совету автора, ибо лучшей пропаганды для этих слов и не придумаешь. Да и сами герои повести стараются скорее щегольнуть такими словечками, нежели избавляться от них...

Но пора уже сказать о том главном, что определяет ценность приключенческой книжки, — о масштабности героев и всей обстановки, их окружающей.

Недавно я не без удовольствия перечитал переизданную в Ярославле повесть П. Бляхина «Красные дьяволы» (более известную по одноименному фильму). Что привлекает нас в этой немудреной книжечке, написанной в 1921 году в вагоне-теплушке, по дороге из Костромы в Баку? И язык ее не ахти уж какой — много казенных фраз, банальных эпитетов, и юмор далеко не высшего сорта, и сюжет не слишком стройный. Но на ее страницы врывается гул кровопролитнейших боев в защиту революции. Юные герои повести вместе со взрослыми сражаются за огромное, всенародное дело, и мы всей душой сочувствуем им, переживаем за них. Двое юношей и девушка, почти подростки, у нас на глазах вырастают в больших, настоящих героев революции.

А что видим мы в приключенческих книжках последних лет?

Привезли в колхоз три копны сена («Берег трех тайн»); построили коляску для больного мальчишка (повесть Ю. Третьякова «Приключения Мишки Мочалкина»); построили лодку и отправились осматривать окрестности («Таежные звездочки» А. Шастина)... Разве это настоящие приключения?

Мелкие события, мелкие герои, запоминающиеся разве что своими проказами, мелкая философия, мелкий, грубоватый юмор... В этом случае приключения перестают быть приключениями, они становятся похожедниями. Мудрено ли, что детские приключенческие повести последних лет оттесняются на второй план повестями фантастическими — в них ведь события масштабней, да и герои крупней, значительней. А хочется ребятам почитать про «чистые» приключения — они берутся за классиков.

Но ведь есть же и в советской детской литературе настоящие приключенческие книги, выдерживающие экзамен по самому большому счету! Не таковы разве катаевский «Белеет парус одинокий» или роман В. Каверина «Два капитана»? И если эти вещи некоторые литературоведы и критики «стесняются» причислять к приключенческому жанру, так потому только, что репутация приключенческих книг, особенно детских, у нас еще очень низка...

Пришла пора предъявить высокие требования к нашей приключенческой литературе. Не менее высокие, чем те, что мы предъявляем к художественному произведению. Только тогда можно рассчитывать на серьезный сдвиг в развитии приключенческого жанра.

Писатель работает над книгой

Встреча с автором „Двух капитанов“

В. А. КАВЕРИН

Не так давно «Литературная газета» сообщила о встрече Каверина с педагогами столицы. Вениамин Александрович рассказал, что задумал новый роман, который будет посвящен нашему юношеству. Мы попросили писателя рассказать подробнее о том, что побудило его обратиться к этой теме.

— Вы спрашиваете, как возник замысел книги... — Вениамин Александрович задумывается. — Побудительным толчком было следующее. Ко мне попали письма одной русской интеллигентной женщины. Она писала их своему другу. Письма охватывают период с 1910 по 1936 год. Это письма не только о любви. В них отразились поиски своего места в жизни, в искусстве — короче, они стали отражением большой и сложной судьбы. В этих письмах я встретился с женщиной необычайно глубокой душевной жизни, причем в них сразу угадывался прелестный и тонкий женский характер. Я заинтересовался, как отнеслась бы современная молодежь к истории этого человека. Мысль пошла дальше. Чтобы узнать и понять это, чтобы угадать, как облик предшественника может повлиять на юношу наших дней, в чем-то его, быть может, изменить, — для этого мне нужно было прежде всего познакомиться с нашей молодежью. Я побывал во многих школах, подолгу беседовал с учениками старших классов, — кстати сказать, с мальчиками и девочками порознь. Мне хотелось, чтобы они говорили со мной откровенно. Директор одной из московских школ не советовал мне читать школьные сочинения. Он сказал, что это не лучший путь для настоящего знакомства с внутренней жизнью ребят. Я побывал на уроках. В некоторых школах они ведутся, на мой взгляд, крайне скучно. Интереснее проходят те уроки литературы и истории, на которых ребята читают что-то вроде рефератов по заданной теме. Потом их товарищи обсуждают услышанное. Такое столкновение точек зрения приучает ребят мыслить самостоятельно. Я переписываюсь со школьниками. У меня есть несколько постоянных корреспондентов.

— Вероятно, какие-то черты нашего юношества особенно привлекли ваше внимание?

— Пожалуй, да. Не всегда сталкиваешься с молодежью

размышляющей, ищущей, у довольно взрослых ребят встречается поразительная незрелость. Многие разрешают самые сложные проблемы довольно просто, я бы сказал, — алгебраическим путем. А+В, А — В — вот их восприятие мира. И это в отношениях между мальчиками и девочками, в выборе своего пути, места в жизни. Но, конечно, есть и другие. Характерная их черта — жажда правды, стремление к искренности, порою неосознанное. Они не терпят фальши, яростно осуждают лицемерие и карьеризм. Заметно стремление к конкретности, к точности. Возможно, что они попросту устали от навязших в зубах наставлений и требований.

— Вероятно, в романе будут затронуты отношения двух поколений?

— Собственно, речь идет не о двух, а о трех поколениях: дедов, отцов и детей. Поколения, несомненно, довольно разные. Меня иногда просто удручает безразличие молодежи к судьбе и заслугам нашей интеллигенции. Многие молодые люди знают о ней крайне мало, да и не стремятся узнать больше. Нужно в увлекательной форме рассказать о богатом и трудном пути нашей интеллигенции. Например, интеллектуальный и художественный взлет двадцатых годов, обогативший, в частности, и европейское искусство, недостаточно известен многим нашим молодым людям и недооценивается ими. Но он должен быть показан.

— По-видимому, ваши наблюдения в школах, в разговорах и переписке с ребятами привели к определенному взгляду на задачи педагогической деятельности в нынешних условиях? Во всяком случае, к какому-то своему отношению к ней?

— Видите ли, я не педагог и боюсь высказать некомпетентные суждения. Мне кажется, что главным воспитателем является атмосфера — в обществе, школе, семье. По сути дела, воспитывает общая система отношений. Одна учительница рассказывала мне с горечью о своих питомцах, из которых в интернате десять лет старались вырастить настоящих людей, а потом, когда они вернулись в семьи, многое (это случилось, конечно, не со всеми) пошло насмарку. Необходимыми мне кажутся два момента. Во-первых, воспитание должно основываться на определенных и глубоких традициях. Во-вторых, необходимо, конечно, искать новые формы воспитания. Одними наставлениями и жесткими догмами ничего не добьешься, разве что противоположные результаты.

— Не хотели бы вы передать что-нибудь читателям нашего журнала?

— Эта книга будет для меня особенно трудной. Конечно, здесь мне в какой-то степени помогут воспоминания юности, но этого, как вы сами понимаете, далеко не достаточно. Работая над «Двумя капитанами», я воспользовался помощью двух-трех человек. Когда я писал «Открытую книгу», мне оказывали содействие люди науки. А теперь без помощи самых различных людей я едва ли смогу написать эту книгу. Я надеюсь, что мне будут помогать и педагоги и школьники. Меня интересует все: необычные истории — школьные и семейные, будни и праздники, обыкновенная и необыкновенная жизнь.

Если журнал «Семья и школа» тоже поможет мне в этой работе, я был бы счастлив. Такое внимание мне было бы очень дорого.

Экран

Вокруг да около...

«Мать и мачеха»... Название фильма настраивает на определенный лад. Думаешь о добрых матерях и злых мачехах или о злых матерях и добрых мачехах. Но во всяком случае надеешься увидеть драматическую историю, в которой «заговорают» живым языком искусства проблемы воспитания, семьи и морали.

...Автобус останавливается у онойлицы. Выходит молодая женщина. В глазах — растерянность. А в следующих кадрах, когда она стучится в дом и колхознице Лихачевой — здесь живет ее дочь Нюра, — догадываешься, что это — непутевая мать. Другое дело Лихачева. Утомленное лицо, умный взгляд, натруженные руки. В глазах уверенность. С первых же кадров перед нами предстают определенные образы.

Так вот он о чем, этот фильм, — не та мать, которая родила, а та, которая воспитала?

Да, это, видимо, и хотели сказать его создатели. Но «сказать» в искусстве — значит показать, раскрыть художественными средствами, убедить, заставить верить. Удалось ли это?

...Мать Нюры Катерина Овчаренно приехала к Лихачевой вечером. А когда на экране забрезжил рассвет, зри-

«Мать и мачеха». Сценарий Г. Радова, режиссер-постановщик Л. Пчелкин. Производство киностудии «Ленфильм».

теля заставляют забыть о драматической семейной ситуации. Возникает новый конфликт: Лихачева обнаруживает в кустах у колхозного поля мешки с удобрениями, которые почему-то не были рассыпаны на поля. Нет предела ее возмущению! И до судьбы ли тут девочки Нюры, если удобрения сгнили!

А затем мы видим собрание в правлении колхоза. Жаркий спор «неученого» председателя Журбенко с «ученым» его помощником Кругляковым, потом берет слово Лихачева...

Много сотен метров пленки прокрутили, пока снова зритель увидел в кадре мать, «мачеху» и Нюру! И зрителю приходится вспоминать все тонкости их первого разговора, чтобы как-то связать начало с продолжением.

Катерина хочет забрать Нюрку у Лихачевой. И она прямо и грубо говорит об этом «мачехе». Лихачева взволнована, взволнован должен быть и зритель. Но создатели фильма не хотят, что ли, «волновать» зрителя. И в следующем кадре Лихачева бодрим голосом спрашивает председателя: «Как там концентраты?..»

Беда не в том, что в фильме находят отражение «производственные моменты», — беда в том, что они постоянно тому, что делается в душах людей, не слиты органически с «личной жизнью» и только мешают главной теме. Поэтому-то герои фильма выглядят неубедительно.

Нет правды в образе Катерины Овчаренно. Авторы фильма хотят уверить зрителя, что в ней-де пробуждаются материнские чувства. Но это не так. Катерина предстает перед зрителями падшей, наглой женщиной. При первом же случае напивается в ресторане. И хотя в конце фильма его создатели заставляют Катерину «осознать» свое дурное поведение, зритель не может в это поверить, потому что для такого «перерождения» не было никаких предпосылок.

Лихачеву стараются показывать в фильме очень картинно. Много толкуют о ее доброте. Где что не так, где спор, где разобраться не могут, там появляется Лихачева и все в один миг решает правильно. А вот самое главное — ее взаимоотношения с приемной дочерью Нюрой — совершенно не показаны. Улыбки и поцелуи еще ни о чем не говорят. К сожалению, зритель не видит в Лихачевой матери, любви ее и Нюре. Как-то так выходит, что Нюра сама по себе, а она сама по себе...

Нельзя так несерьезно говорить о самом святом — о детской судьбе. Создатели фильма почему-то все время как бы извиняются перед зрителем, что взяли сделать фильм о семье. Поэтому-то и ввели они в фильм столько «производственных вопросов».

А тема семьи заслуживает того, чтобы говорить о ней в кинематографе во весь голос.

Г. ЮРЬЕВ

Коротко о книгах

М. Ланской. КОГДА В СЕРДЦЕ ТРЕВОГА. ПОВЕСТИ. Л., Лениздат, 1964.

Быть может, со временем психологи и историки смогут точнее определить, почему, несмотря на усиленную агитацию родителей и разъяснительную работу учителей, которая в целом сводится к тому, что надо дружить с хорошими мальчиками и не дружить с плохими, — все-таки для многих подростков весьма заманчивы как раз эти «плохие мальчики», их папироски и шепоток за углом. Но факт остается фактом: в глазах наиболее неразвитых ребят воровской мир окружен неким ореолом.

Согласитесь, что на мальчишескую душу могут подействовать и блатная песенка, и ядреные словечки жаргона, и рассказы о справедливости и верности воров.

Развевать эту легенду, показать истинную суть воровского мира, его волчьи законы — такую задачу поставил перед собой М. Ланской. Его книга состоит из двух повестей, объединенных образом Александра Орехова — молодого ученого, который перешел на работу в милицию, чтобы заниматься воспитательными проблемами не теоретически, а практически, сейчас, немедленно спасая ребят от влияния преступников.

Александр погиб, спасая мальчика от ножа бандита. И, может быть, поэтому так передается тревога автора, его стремление вскрыть причины преступности подростков, показать условия, в которых ребята, предоставленные самим себе, могут поддаться лживой экзотике.

Автор постарался очертить все возможные «фронты», где может вестись борьба за души подростков: семью, школу, домовые организации разных типов — клубы, кружки, спортивные секции — наконец, трудовые колонии, где тоже имеется много серьезных проблем.

Некоторый может показаться, что меры, которые предлагает автор, достаточно известны и прозаичны. Но в том-то и дело, что прозаичными и скучными все эти мероприятия становятся только в руках прозаичных и скучных людей. А если за них берутся такие люди, как Александр Орехов, тогда они будут приносить пользу: занимать ребят, давать пищу их воображению, ловности, энергии. Ланской пытается, и во многом это ему удается, найти романтику в каждом дворе. Это трудно, но это единственный путь, если мы хотим, чтобы ни один подросток не пропал для нашего общества.

Б. ЛУКЬЯНОВ

Сергей Львов. ОТКУДА НАЧИНАЕТСЯ ПУТЕШЕСТВИЕ. М., «Детская литература», 1964.

Обложку этой книги пересекают параллели и меридианы. Автор ее прошел, проплыл, проехал тысячи километров. Но путешествие, говорит он, начинается не с дальних дорог, а с порога дома, параллели и меридианы могут пересекаться и на вашей улице. За интересным и необычным не нужно ехать в дальние страны, потому что оно рядом: в каждом камне, каждом доме, каждом дереве. Нужно только хотеть и уметь это видеть. И чтобы помочь вам научиться этому, автор приглашает вас в путешествие по дорогам, пройденным им. Вы многое узнаете, поймете, научитесь видеть интересное, казалось бы, в обыденном, пройдя с автором по дорогам Подмосковья, плавав по Десне и Навле на лодках, проезжая по новгородным улицам Амстердама и бурным площадям революционной Гаваны. Вместе с автором вы научитесь укладывать рюкзак, слушать пение птиц, различать травы и цветы, узнаете, что такое чувство лоня в пути и вообще в жизни, чувство ответственности перед друзьями. Вы поймете, что в каждом, даже самом маленьком путешествии нужно отправляться подготовленным, с большим багажом знаний.

Книга Сергея Львова лишена назиданий, скучных советов, готовых рецептов на все случаи жизни. Мы желаем вам доброго путешествия в эту книгу. Она поможет по-новому взглянуть на ту улицу, город, село, где вы живете, научит любить большие и малые дороги, наслаждаться прекрасным, видеть мир во всем его многообразии, быть другом и находить друзей.

Евг. БЛИНКИНА

Книжные новинки

Андреева Е. Баллада Мефистофеля. Рис. Е. Кршинановского. Л., «Дет. лит.», 1965. 192 с. с илл. 50 000 экз. 39 к. (О роли золота в жизни людей в прежние и нынешние времена).

Берестов В. Мастер Птица. Рис. А. Крылова. М., «Дет. лит.», 1965. 28 с. с илл. 150 000 экз. 27 к. (Сказки для младших школьников).

Гессен А. Во глубине сибирских руд... Денабрыты на каторге и в ссылке. М., «Дет. лит.», 1965.

352 с. с илл.; 32 л. илл. 100 000 экз. 1 р. 9 к.

Гранат Л. Н. и Иванова В. В. Молодой матери. М., «Медицина», 1965. 36 с. с илл. 320 000 экз. 5 к.

Дульцин Я. А. и Робачевский Г. Р. Как сохранить здоровье женщины. М., «Медицина», 1965. 78 с. 230 000 экз. 12 к.

Кассиль Л. Будьте готовы, Ваше Высочество! Рис. И. Година. М., «Дет. лит.», 1965. 143 с. с илл. 100 000 экз. 30 к.

Любинский И. Театр для детей. Облик героя в советской драматургии для детей и юношества.

М., «Дет. лит.», 1965. 143 с.; 16 л. илл. 10 000 экз. 53 к.

Мончадская Н. и Розанова Е. Любовь и подделка. М., «Мол. гвардия», 1965. 111 с. 150 000 экз. 13 к. (Беседы с молодежью по вопросам пола).

Морозов С. Навстречу музыке. М., «Знание», 1965. 63 с. 58 500 экз. 12 к. (О музыкальном воспитании в семье).

Небылицы в лицах. Русские нар. сказки, песенки, потешки. Рис. Ю. Васнецова. Л., «Дет. лит.», 1965. 28 с. с илл. 300 000 экз. 25 к.

Роман-сказка

Н. НОСОВ

Глава семнадцатая

БОЛЬШОЙ БРЕДЛАМ

Читателю бесполезно знать следующее. Уезжая из Грабенберга, господин Крабс договорился со Спрутсом, что в своих донесениях он будет называть Мигу и Жулио не просто по имени, а как-нибудь иначе, например: мерзавцами, мошенниками или ослами. Это было необходимо для конспирации, то есть для сохранения своих действий в тайне. Дело в том, что грабенбергские богатеи (как, впрочем, богачи и во всех других городах) устраивали друг за другом слежку, подслушивали телефонные разговоры, подкупали почтовых служащих, чтоб они узнавали содержание чужих писем и телеграмм. Все это им нужно было, чтоб успешнее устраивать свои делишки и надувать друг друга. Господин Спрутс понимал, что если другие богачи проводят о его переговорах с Мигой и Жулио, то кто-нибудь может вообразить, будто он заинтересован в гигантских акциях. В результате все бросятся покупать эти акции в больших количествах, а от этого выгода может быть лишь для Жулио с Мигой.

Помня о своей договоренности с Крабсом, господин Спрутс ничуть не удивился, получив телеграмму, в которой было написано:

В разделе: ♦ Незнайка по-прежнему на Луне
♦ Как тремя дамами поймать одну? ♦ Стадион в комнате ♦ Удав — ночной сторож ♦ Кофта с круглой конеткой ♦ В октябре можно поймать щуку.

«Два осла требуют два миллиона. Что делать? Крабс». Прочитав эти слова, господин Спрутс понял, что речь идет вовсе не об обычных, всем известных четвероногих длинноухих животных, а о Миге и Жулио, которых Крабс назвал ослами лишь для того, чтобы сбить с толку любителей совать свой нос в чужие дела. Всесторонне обдумав содержание полученной телеграммы, господин Спрутс вызвал свою секретаршу и велел ей ответить Крабсу следующей телеграммой:

«Тяните время. Водите за нос. Собираю большой бредлам. Спрутс».

Что означают фразы: «Тяните время» и «Водите за нос», надо полагать, понятно каждому; слова же «Собираю большой бредлам» означали, что господин Спрутс решил обсудить предложение Миги и Жулио на совете капиталистов.

Нужно сказать, что все богачи, жившие в лунных городах, объединялись между собой в сообщества, которые назывались бредламами. Так, например, существовал сырный бредлам, в который входили владельцы сыроваренных фабрик; сахарный бредлам, объединявший всех сахарозаводчиков; угольный бредлам, объединявший владельцев угольных шахт, и так далее. Такие бредламы нужны были богачам для того, чтобы держать в повиновении рабочих и выколачивать из них как можно больше прибыли. Собравшись вместе, капиталисты договаривались между собой, какую заработную плату платить рабочим. Благодаря этому сговору никто не платил рабочим больше той суммы, которую капиталисты установили сообща, и рабочие, сколько ни бились, никак не могли добиться улучшения условий жизни. Кроме того, бредлам устанавливал цены на выпускаемую продукцию, например на сахар, на хлеб, на сыр, на ткани, на уголь. Никто не имел права продавать товары дешевле установленной бредламом цены, благодаря чему цены постоянно держались на высоком уровне, что опять-таки очень выгодно для фабрикантов.

Помимо отдельных так называемых малых бредламов, существовал один так называемый большой бредлам, в который входили представители всех остальных бредламов. Председателем большого бредлама был господин Спрутс.

Через день после того, как секретарша оповестила всех членов большого бредлама о том, что им необходимо явиться на совещание, большой бредлам собрался в кабинете у господина Спрутса за большим круглым столом, и господин Спрутс сделал сообщение о причинах столь экстренного заседания. Узнав, какая беда им грозит в связи с появлением гигантских растений, члены бредлама пришли в волнение и все как один присоединились к предложению господина Спрутса, который сказал, что все дело с гигантскими растениями необходимо убить в зародыше, то есть еще до того, как оно разовьется в полную силу.

После господина Спрутса выступил мебельный фабрикант и владелец лесопильных заводов Дубс, который прославился тем, что у него была тяжелая, словно вытесанная из дубового чурбака голова, туго вертевшаяся из стороны в сторону и с трудом наклонявшаяся, когда ему требовалось посмотреть вниз. Коротышек с подобного рода головами среди лунатиков принято называть дуботолками. Господин Дубс сказал, что у него имеются две очень способных и даже талантливых, в своем роде, личности (именно так господин Дубс и выразился), которые могут взяться за это дельце и в два счета уберут с дороги Мигу и Жулио, а заодно и Незнайку с Козликом.

— Они то есть кокнут их, не говоря худого слова, где-нибудь в темном углу за небольшое вознаграждение, или, если сказать проще, убьют, — пояснил свою мысль господин Дубс.

Господин Спрутс сказал, что господин Дубс, видимо, его не понял, так как, говоря о том, что дело надо убить в зародыше, он вовсе не подразумевал, что кого-либо следует убить в буквальном смысле этого слова.

— Подобного рода методы в данном случае не годятся, — сказал господин Спрутс. — Поскольку дело уже получило широкую огласку, интерес к гигантским растениям лишь возрастет, если кто-нибудь расправится с Мигой и Жулио столь энергичным способом. Это может заставить владельцев гигантских акций добиваться ускорения доставки семян с поверхности Луны, и из всех наших усилий не выйдет никакого толка. Убить нужно самую мысль о существовании гигантских растений, то есть сделать так, чтоб никто больше не верил в существование этих фантастических семян, а этого можно добиться, если Мига и Жулио сбегут с вырученными от продажи акций деньгами.

— Почему же они до сих пор не сбежали? Разве им самим интересно, чтоб у нас появились эти дурацкие семена? — задал вопрос капиталист Тупс.

Капиталиста Тупса никак нельзя было причислить к тем коротышкам, которых принято называть дуботолками, так как голова у него была вполне благообразная и свободно вертелась в любую сторону, однако ж соображал он, видимо, так же туго, как и господин Дубс.

— Думаю, что эти Мига и Жулио — два очень больших хитреца, — ответил господин Спрутс. — Они понимают, что всем нам было бы чрезвычайно выгодно, если бы они убрались отсюда куда-нибудь подальше со своими семенами, и поэтому требуют с нас три миллиона.

— Три миллиона чего? — спросил, вскакивая со своего места, консервный фабрикант Скрыгинс.

Этот Скрыгинс был очень желтый и очень худой коротышка, всем своим видом напоминавший сухую воблу. Глаза у него были такие же тусклые и потухшие, как у уснувшей рыбы, и оживлялись только, когда разговор заходил о деньгах. Вот и теперь, как только Скрыгинс услышал слова «три миллиона», в глазах его засветились беспокойные огоньки, и он подскочил с такой живостью, словно его кто-нибудь неожиданно ткнул спицей.

— Ну, чего три миллиона! — нетерпеливо ответил

Спрутс. — Конечно, не три миллиона старых галаш, а три миллиона фертингов.

— Ах так! — воскликнул господин Скрыгинс, словно только теперь поняв, о чем шла речь. — Значит, три миллиона фертингов должны дать мы им?

— Совершенно верно, — подтвердил господин Спрутс. — Мы им.

— А не они нам?

— Нет, нет. Не они нам, а мы им.

— Тогда это для нас не выгодно, — заявил Скрыгинс. — Если бы три миллиона дали они нам, это было бы выгодно, а если мы им — не выгодно.

— За что же они стали бы давать нам три миллиона? — возразил господин Спрутс.

— Это верно, что не за что, — согласился господин Скрыгинс.

Глаза его снова потухли. Он сел на свое место, но тут же снова вскочил, энергично затряс головой и сказал:

— Но тем не менее это... это страшно не выгодно!

Вслед за Скрыгинсом выступил житель лунного города Брехенвиля миллионер Жадинг. Он сказал:

— Господин Скрыгинс прав. Тяжело отдавать деньги, когда их можно не отдавать, но когда нужно отдать, то легче их вынуть все же не из своего кармана, а из чужого... Правильно я говорю?

Косо взглянув из-под бровей на сидевших вокруг стола богачей, господин Жадинг громко захохотал, после чего продолжал:

— Сумма в три миллиона, безусловно, большая, тут и говорить нечего, но если ее разложить на всех богачей, в том числе и на мелких, а мелких богачей, как известно, больше, чем крупных (известно, что всякой мелкоты значительно больше на свете, чем вещей порядочных... Верно я говорю? Ха-ха-ха!), то каждому придется заплатить не так уж много... Таким образом, можно собрать и не три, а целых четыре миллиона и даже больше. Три миллиона отдадим этим авантюристам Миге и Жулио, пусть катятся, а остальные деньги возьмем себе за труды. Правильно я говорю?

— Неправильно! — перебил его Спрутс. — Как только мы начнем собирать с разной мелкоты деньги, всем станет известно, для чего нам это нужно. Все поймут, что богатым не хочется, чтоб появились эти фантастические растения. Вот тогда докажи попробуй, что на свете нет никаких гигантских растений. Нет, господа, деньги на это дело должны дать только мы с вами: только те, кто сейчас находится в этой комнате. И никто, понимаете, никто, ни одна живая душа не должна знать, о чем у нас здесь разговор был. А вам, господин Жадинг, должно быть стыдно! Тут вопрос стоит о сохранении всех наших богатств, а вы и в этот момент думаете только о том, чтоб погреть руки, хотите прикарманить лишнюю сотню фертингов. Стыдитесь!

— Ну что ж, — замахах руками господин Жадинг. — Сотня фертингов, она что ж... Сотня фертингов — всегда сотня фертингов. Правильно я говорю?.. Сотня фертингов на дороге не валяется. Разве вам самому не нужна сотня фертингов? А не нужна, так дайте мне ее, эту сотню. Правильно я говорю?

Миллионер Жадинг долго еще бормотал что-то о сотне фертингов, но наконец он унялся. Господин Спрутс решил, что со всем этим делом уже покончено, но тут слово попросил господин Скуперфильд, являвшийся владельцем крупнейшей макаронной и вермишельной фабрики, известной под названием «Макаронное заведение Скуперфильда».

Господин Скуперфильд, точно так же, как и господин Жадинг, был жителем лунного города Брехенвиля. Нужно сказать, что среди брехенвильцев никто не прославился больше, чем эти Жадинг и Скуперфильд. Справедливость все же требует упомянуть, что прославились они оба не какими-нибудь добрыми делами, а исключительно

своей скупостью. Жители Брехенвиля никак не могли прийти к окончательному решению, кто же из этих двух скупцов более скуп, и из-за этого вопроса между ними постоянно возникали раздоры. Если кто-нибудь утверждал, что более скуп Скуперфильд, то тут же находилась другая коротышка, который начинал доказывать, что более скуп Жадинг. Оба спорщика приводили сотни примеров в подтверждение своей правоты, каждый призывал на помощь свидетелей и очевидцев, так или иначе пострадавших от скупости того или иного скряги, в спор постепенно втягивались все новые и новые коротышки, и дело нередко кончалось дракой.

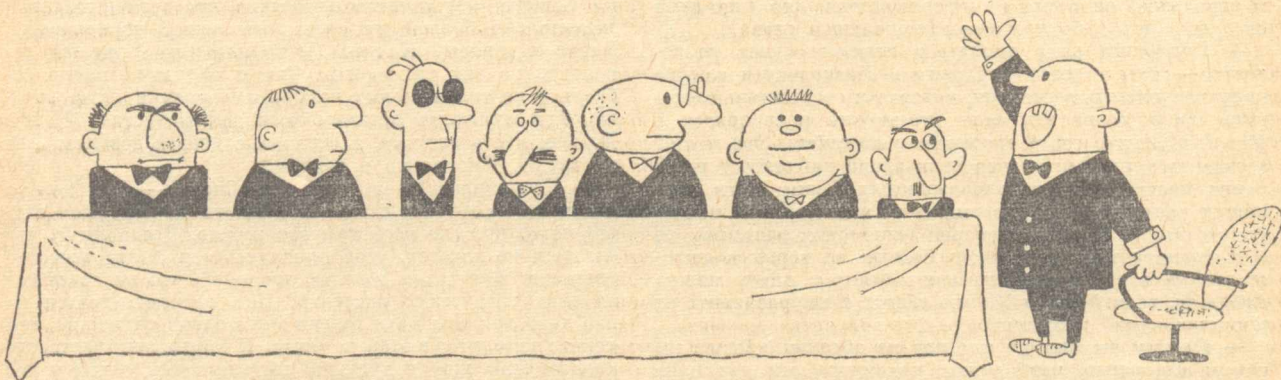
Читателю небезынтересно будет узнать, что, несмотря на абсолютное сходство характеров, Жадинг и Скуперфильд были полной противоположностью друг другу по виду. Жадинг по своей внешности очень напоминал господина Спрутса. Разница была в том, что лицо его было несколько шире, чем у господина Спрутса, а нос чуточку уже. В то время как у господина Спрутса были очень аккуратные уши, у Жадинга уши были большие и нелепо торчащие в стороны, что еще больше увеличивало ширину лица. Что касается Скуперфильда, то он, наоборот, по виду больше смахивал на господина Скрягинса: такое же постное, как у вяленой воблы, лицо, но еще более, если так можно сказать, жилистое и иссохшее; такие же пустые рыбы глаза, хотя в них наблюдалось несколько больше живости. В отличие от Скрягинса господин Скуперфильд был абсолютно лыс, то есть на его голове не было ни одного волоса; худая кожа настолько туго обтягивала его череп, что казалось, буд-

ничал, так терзался от жадности, что терял в весе. Чтобы возместить эти потери, он съедал ежедневно по четыре завтрака, по четыре обеда и четыре ужина, но все равно не мог потолстеть, так как ему не давала покоя мысль, что он истратил на пищу слишком большую сумму денег.

Господин Скуперфильд прекрасно знал, что его жадность вредит его же здоровью, но со своей собачьей натурой (так он говорил сам) ничего поделать не мог. Он почему-то вбил себе в голову, что его и без того колоссальное состояние непрестанно должно расти, и если ему удавалось увеличить свой капитал хоть на один фертинг, он готов был прыгать от радости, когда же необходимо было истратить фертинг, он приходил в отчаяние, ему казалось, что начинается светопреставление, что скоро все фертинги, словно под воздействием какой-то злой силы, уплывут из его сундуков и он из богача превратится в нищего.

Если другие богачи всецело владели своими деньгами, пользовались ими для своих прихотей и удовольствий, то в отношении Скуперфильда можно было сказать, что деньги всецело владели им. Он полностью находился в их власти, был у своих денег покорным слугой. Он старательно лелеял, берег и растил свои капиталы, не имея от них никакой, хотя бы самой ничтожной для себя пользы.

Никто, впрочем, не видел в поведении Скуперфильда ничего особенно ненормального, поскольку в обществе, где наибольшей ценностью считались деньги, такое поведение казалось естественным, и никому не приходило

то голова у него была костяная. Губы у него были тоненькие, совершенно бескровные. Голос к тому же у него был крайне неблагозвучный, какой-то резкий, дребезжащий, скрежещущий. Когда он говорил, то казалось, будто кто-то залез на крышу дома и скоблит там по ржавому железу тупым ножом.

Несмотря на то что уши у господина Скуперфильда были так же велики, как и у господина Скрягинса, слышал он чрезвычайно скверно. Ему постоянно чудилось, будто его кто-то о чем-то спрашивает, поэтому он минутно вертел во все стороны головой, прикладывал к уху ладонь и препротивно пищал: «А? Что?.. Вы что-то сказали? Я что-то вас плохо расслышал», — хотя никто и не думал обращаться к нему с вопросом.

Каждый, кто впервые видел господина Скуперфильда, ни за что не поверил бы, что перед ним миллионер, настолько он весь был худой и, если так можно выразиться, узловатый. Нужно, однако же, сказать, что худел господин Скуперфильд вовсе не от того, что ему нечего кушать, а от собственной жадности. Каждый раз, когда ему приходилось истратить фертинг, он так нерв-

е голову, что господина Скуперфильда давно следовало отвести к врачу и лечить его с той же заботливостью, с какой лечат каждого повредившегося в уме.

Попросив слово, господин Скуперфильд встал, нацепил на нос очки и принялся тереть ладонью свою облезшую голову, словно старался разогреть застывшие в мозгу мысли. Как раз в этот момент ему почудилось, будто кто-то что-то сказал, поэтому он приложил, по своей привычке, к уху руку, принялся вертеться в разные стороны и заскрипел своим заржавевшим голосом:

— А?.. Что?.. Вы, кажется, что-то сказали?.. Я вас что-то плохо расслышал... А?

Убедившись, однако, что все сидят молча, он успокоился и сказал:

— Господа, прошу слушать меня внимательно, потому что для глухих повторять свои слова я по два раза не буду. А?.. И попрошу не перебивать меня... Так вот, о чем я хотел сказать?.. Гм! Да! Тьфу! Забыл!.. Никто, господа, не знает, о чем я хотел сказать?

Он принялся вертеться по сторонам и бормотать про себя:

— Гм! Да! Тьфу! Столько ослэв вокруг и никто не знает, о чем я хотел сказать!.. Да! — воскликнул он вдруг и стукнул по полу палкой с костяным набалдашником, которую постоянно держал в руках. — Вот о чем: о деньгах! О чем же еще? Конечно, о деньгах. Тьфу! Об этих треклятых трех миллионах, чтоб им провалиться сквозь землю!.. Кто сказал, что три миллиона надо платить? А?.. Крабс сказал? А кто он, ваш Крабс? Он жулик, ваш Крабс! Что я, Крабса не знаю? А?.. Я всех знаю отлично! Все жулики! Прошу не перебивать!.. А если бы Крабс сказал, что четыре миллиона надо платить, вы бы четыре вынули? А?.. Может быть, вовсе не три миллиона надо платить, а только два или один? Может, ни одного? А?.. Прошу не перебивать! Я не перебивал вас! Может быть, Крабс все это затеял, чтобы положить три миллиона в карман? Вы не знаете, а я знаю!.. Прошу не перебивать! Я вот поеду в Давилон и поговорю сам с этими Мигой и Жулио. Пусть они убираются бесплатно к лешему! Мало им того, что выручили от продажи акций, они еще к нам залезть в карман норовят! Это разбой! Я докажу им! Я им по морде дам палкой!

Сказав это, господин Скуперфильд принялся размахивать своей тростью с костяным набалдашником и стучать ею по столу, после чего начал вылезать из-за стола, чтобы тотчас ехать в Давилон к Миге и Жулио.

Сидевшие рядом капиталисты вскочили и принялись успокаивать его, но он не хотел успокаиваться и с такой силой размахивал палкой, что некоторым капиталистам изрядно досталось. В конце концов его все же усадили на стул, положили на макушку холодный компресс, и только после этого он понемногу утихомирился.

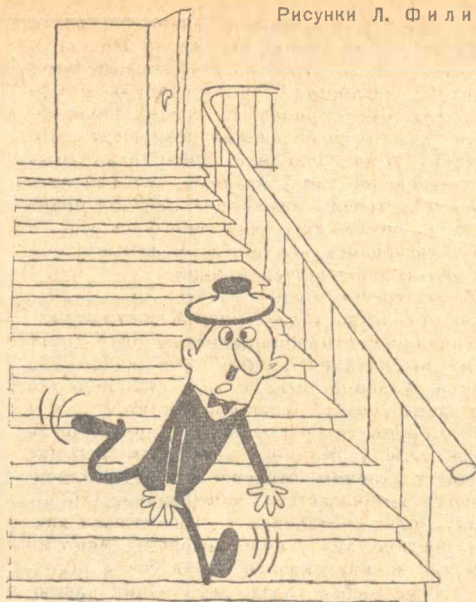
Увидев, что тишина установилась, господин Спрутс решил, что заседание можно продолжать, и сказал:

— Я думаю, все вы понимаете, господа, что дело это необычайно тонкое. Его надо решить сразу, одним ударом. Если каждый из нас станет ездить в Давилон и торговаться с Мигой и Жулио, это может лишь повредить нам. Как только Миге и Жулио станет ясно, что нам очень хочется избавиться от них, они потребуют от нас еще больше. Откровенно скажу, что эти Мига и Жулио просто два дурака, так как запросили с нас слишком мало. Нам надо поскорее воспользоваться этим, пока они не передумали. Я предлагаю не торговаться из-за пустяков и принять решение быстро. Здесь нас тридцать один член большого бредлама. Если разделить три миллиона на тридцать один, то получится меньше чем по сто тысяч фертингов. Для каждого из нас эта сумма просто ничтожная.

— Господа! — закричал, вскакивая, Скуперфильд. — Господа, зачем вам делить три миллиона на тридцать один? Это же трудно! Гораздо легче поделить три миллиона на тридцать. Не считайте меня. Вас останется ровно тридцать. Три миллиона поделите на тридцать, получится ровно по сто тысяч с каждого. Таким образом, вам не придется тратить время на расчеты, а время, как известно, дороже денег, потому что деньги можно вернуть, а потраченное время не вернешь ни за что на свете...

Говоря это, Скуперфильд вылез из-за стола и начал

Рисунки Л. Филипповой

пробираться к двери как был, с компрессом на голове. Увидев этот маневр, Спрутс закричал:

— Держите его! Не дайте ему сбежать!

Несколько капиталистов бросились ловить Скуперфильда, однако он проявил необычную прыть: ударом трости сшиб кинувшегося ему наперерез владельца многочисленных ночлежных домов господина Дрянинга, толчком ноги распахнул дверь и загремел вниз по лестнице.

Заметив, что капиталисты Скрягинс и Жадинг тоже вылезли из-за стола с явным намерением дать тягу, господин Спрутс велел секретарше запереть дверь на ключ и сказал:

— Господа, прежде всего мы должны осудить этот недостойный поступок и исключить Скуперфильда из членов нашего сообщества. Отныне никто не должен иметь с ним никаких дел. Наш бредлам будет всячески преследовать его. Скоро он поймет, что, нарушив наши правила и выбыв из членов бредлама, он потерял значительно больше, чем ему кажется... А теперь, господа, может быть, еще кому-нибудь хочется отправиться вслед за Скуперфильдом?..

Господин Спрутс обвел взглядом собрание и, увидев, что больше никто не выказывает поползновения удалиться, закончил:

— Если нет, то не будем больше тратить попусту время и заплатим деньги.

Все богачи принялись вытаскивать из карманов свои чековые книжки и авторучки. Известно, что капиталисты никогда не платят деньги наличными, а выписывают чеки, по которым всегда можно получить деньги в банке.

(Продолжение следует)

В 1966 году „Семья и школа“ публикует последние главы романа-сказки Н. Носова „Незнайка на Луне“.

ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

При озеленении двора, улицы, а то и в сквере, и сожалению, нередко высаживают первые попавшиеся саженцы. Проходят годы — и все видят, что особой красоты в них нет...

Мы хотим порекомендовать для озеленения очень красивое декоративное деревце — аралию маньчжурскую. Аралия напоминает пальму. Ствол у нее ровный и неветвистый, ажурные огромные листья длиной до одного метра раскинуты шатром на самой вершине. В августе над этой зеленой шапкой поднимаются крупные ажурные соцветия, состоящие из мелких цветков. Во время цветения аралия особенно напоминает тропическое растение. Привлекательна аралия и осенью. Ее грозди мелких темно-синих плодов хорошо гармонируют с красноватой листвой.

Родина растения — Приморский край. Дико растет оно и в южной части Хабаровского края и Амурской области. Особенно буйно аралия разрастается на вырубках и старых пожарищах.

Растение выращивают в Москве, Ленинграде, Иванове, Калинин, даже в Горно-Алтайске. В суровые зимы аралия нередко обмерзает до уровня снегового покрова, но затем быстро отрастает. Растение дает поросль и после срубки ствола.

Прекрасно выглядит аралия и в одиночной посадке и в декоративных группах. Высадите ее по границе участка — и вы получите совершенно непроходимую живую изгородь. С каждым годом она будет все крепче и краше.

Растет аралия быстро. Ее не поражают болезни, не подвергается она и нападению насекомых. Размножается растение семенами и корневыми отпрысками. Высаживают ее на солнечном защищенном месте. Саженцы лучше всего сажать в специально выкопанные ямы глубиной и шириной около полуметра, в которые добавлена плодородная огородная или садовая земля и удобрения, в частно-

сти древесная зола. Особенно пышно будет расти аралия, если ей время от времени давать удобри-тельные подкормки, например раствор коровяка.

Аралия — замечательное лекарственное растение. Настойка из ее корней обладает тонизирующим действием, помогает при некоторых нервных заболеваниях. Назначается она врачами при общей слабости, быстрой утомляемости, раздражительности. Это лекарство изготавливают на Хабаровском химико-фармацевтическом заводе.

...Нечасто встретить в наших парках и садах многолетник мордовник, или ежовник (научное название — эхинопс). Однако он декоративен и очень неприхотлив, нетребователен к почве и уходу. Особенно хорошо его использовать для создания небольших декоративных групп или посадить в центре клумбы.

Мордовники вырастают до полутора метров и часто образуют большой куст, украшенный крупными цветочными головками синей, голубой или белой окраски. Шарообразные соцветия имеют в диаметре 3—6 сантиметров. У растения крепкий стембель и крупные удлиненные кожистые листья. Цветут мордовники с середины лета до осени.

Среди различных видов растений очень декоративен мордовник обыкновенный с синими соцветиями. Размножают его делением куста, а также семенами. Высаживать растение лучше на возвышенных и открытых местах. Низкие, сырые участки для посадки не пригодны.

Срезанные соцветия после высушивания сохраняются очень долго. Поэтому их издавна используют для создания оригинальных сухих «зимних букетов».

Из семян мордовника изготовляют препараты, которые по назначению врача применяют при параличах лицевого нерва, при лечении последствий полиомиелита и других болезней.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Естественный предел жизни человека определяется многими учеными в 150 и более лет. Русский физиолог И. Р. Тарханов высказал твердое убеждение в том, что наступит время, когда «стыдно будет умирать человеку ранее ста лет».

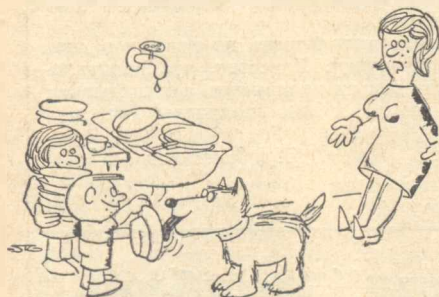
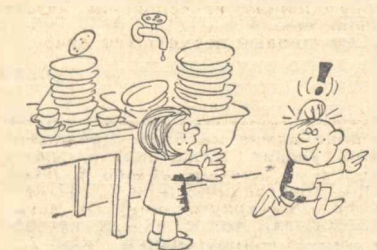
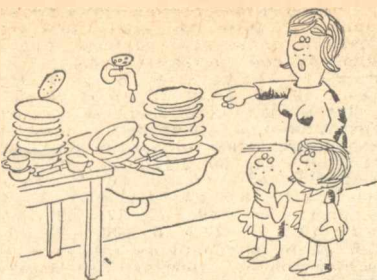
ЕЩЕ ОДИН ОХОТНИК ЗА КРЫСАМИ

В странах Южной Америки водится королевский удав. Его длина достигает 4 метров. Красновато-серое тело покрыто крупными пятнами — желтыми на боках и ярко-красными на хвосте. Королевский удав охотится за крысами, поэтому молодых удавов держат в товарных складах, в амбарах, в жилых домах. Ночью удав

охотится, а днем спит или греется на солнце. Он очень привязывается к людям и, если его отвезут в другую местность, находит дорогу назад.

НАХОДКА УЧЕНЫХ

В пресноводном горном озере Сентан, расположенном на северном берегу острова Новая Гвинея, в 35 километрах от моря, на высоте 150 метров, ученые обнаружили акул, рыбу-пилу. Когда-то на месте озера была лагуна (мелководный морской залив). В результате поднятия суши лагуна отделилась от моря и образовалось озеро. Акулы и другие представители морского животного мира приспособились к новым условиям и сохранились до наших дней.

ИСТОРИИ С ОДНОЙ СЕМЬЕЙ

Рационализация

Рисунки О. Теслера

ИГРА УЧИТ

ДЛЯ ПЕРВОКЛАССНИКОВ

В ноябре учащиеся заканчивают сложение и вычитание в пределах 10, проходят нумерацию второго десятка, знакомятся с метром и упражняются в измерении (задачник, стр. 46—62). Чтобы вызвать у ребят интерес к устному счету, почаще проводите с ними игру «Метание в цель» (см. № 1 «Семьи и школы» за 1965 год, стр. 46).

9. Не путай! Дети, ознакомившись со знаками + и —, еще долго путают их. Чтобы помочь ребятам, проведите с ними такую игру.

На небольших карточках (размером 3 × 2 сантиметра) напишите следующие примеры: 2 + 1 = 3; 2 + 1 = 1; 3 + 2 = 5; 3 + 2 = 1; 4 + 2 = 6; 4 + 2 = 2; 5 + 3 = 8; 5 + 3 = 2; 5 + 2 = 7; 5 + 2 = 3; 6 + 4 = 9; 6 + 4 = 1; 6 + 4 = 10; 6 + 4 = 2; 7 + 3 = 10; 7 + 3 = 4; 8 + 2 = 10; 8 + 2 = 6; 9 + 1 = 10; 9 + 1 = 8.

Карточки перемешайте и положите лицевой стороной вниз. Играющие берут по одной карточке и раскладывают их перед собой — налево с теми примерами, в которых следует поставить плюс, и направо с теми, в которых следует поставить минус.

Кто успел правильно разложить

См. № 8 и 9 за этот год.

большее число карточек, тот и выиграл.

10. Самопроверка. «Круговые примеры» полезно решать ребятам на протяжении всего курса арифметики (см. № 2 «Семьи и школы» за 1965 год, стр. 47).

Напомним, как составляются круговые примеры. Пусть первый пример $9 - 2 = 7$. С полученного ответа и начнем следующий пример: $7 - 2 = 5$. Так же составляются все последующие примеры: $5 - 2 = 3$, $3 - 2 = 1$, $1 - 2 = -1$, $-1 - 2 = -3$, $-3 - 2 = -5$, $-5 - 2 = -7$, $-7 - 2 = -9$, $-9 - 2 = -11$, $-11 - 2 = -13$, $-13 - 2 = -15$, $-15 - 2 = -17$, $-17 - 2 = -19$, $-19 - 2 = -21$, $-21 - 2 = -23$, $-23 - 2 = -25$, $-25 - 2 = -27$, $-27 - 2 = -29$, $-29 - 2 = -31$, $-31 - 2 = -33$, $-33 - 2 = -35$, $-35 - 2 = -37$, $-37 - 2 = -39$, $-39 - 2 = -41$, $-41 - 2 = -43$, $-43 - 2 = -45$, $-45 - 2 = -47$, $-47 - 2 = -49$, $-49 - 2 = -51$, $-51 - 2 = -53$, $-53 - 2 = -55$, $-55 - 2 = -57$, $-57 - 2 = -59$, $-59 - 2 = -61$, $-61 - 2 = -63$, $-63 - 2 = -65$, $-65 - 2 = -67$, $-67 - 2 = -69$, $-69 - 2 = -71$, $-71 - 2 = -73$, $-73 - 2 = -75$, $-75 - 2 = -77$, $-77 - 2 = -79$, $-79 - 2 = -81$, $-81 - 2 = -83$, $-83 - 2 = -85$, $-85 - 2 = -87$, $-87 - 2 = -89$, $-89 - 2 = -91$, $-91 - 2 = -93$, $-93 - 2 = -95$, $-95 - 2 = -97$, $-97 - 2 = -99$, $-99 - 2 = -101$, $-101 - 2 = -103$, $-103 - 2 = -105$, $-105 - 2 = -107$, $-107 - 2 = -109$, $-109 - 2 = -111$, $-111 - 2 = -113$, $-113 - 2 = -115$, $-115 - 2 = -117$, $-117 - 2 = -119$, $-119 - 2 = -121$, $-121 - 2 = -123$, $-123 - 2 = -125$, $-125 - 2 = -127$, $-127 - 2 = -129$, $-129 - 2 = -131$, $-131 - 2 = -133$, $-133 - 2 = -135$, $-135 - 2 = -137$, $-137 - 2 = -139$, $-139 - 2 = -141$, $-141 - 2 = -143$, $-143 - 2 = -145$, $-145 - 2 = -147$, $-147 - 2 = -149$, $-149 - 2 = -151$, $-151 - 2 = -153$, $-153 - 2 = -155$, $-155 - 2 = -157$, $-157 - 2 = -159$, $-159 - 2 = -161$, $-161 - 2 = -163$, $-163 - 2 = -165$, $-165 - 2 = -167$, $-167 - 2 = -169$, $-169 - 2 = -171$, $-171 - 2 = -173$, $-173 - 2 = -175$, $-175 - 2 = -177$, $-177 - 2 = -179$, $-179 - 2 = -181$, $-181 - 2 = -183$, $-183 - 2 = -185$, $-185 - 2 = -187$, $-187 - 2 = -189$, $-189 - 2 = -191$, $-191 - 2 = -193$, $-193 - 2 = -195$, $-195 - 2 = -197$, $-197 - 2 = -199$, $-199 - 2 = -201$, $-201 - 2 = -203$, $-203 - 2 = -205$, $-205 - 2 = -207$, $-207 - 2 = -209$, $-209 - 2 = -211$, $-211 - 2 = -213$, $-213 - 2 = -215$, $-215 - 2 = -217$, $-217 - 2 = -219$, $-219 - 2 = -221$, $-221 - 2 = -223$, $-223 - 2 = -225$, $-225 - 2 = -227$, $-227 - 2 = -229$, $-229 - 2 = -231$, $-231 - 2 = -233$, $-233 - 2 = -235$, $-235 - 2 = -237$, $-237 - 2 = -239$, $-239 - 2 = -241$, $-241 - 2 = -243$, $-243 - 2 = -245$, $-245 - 2 = -247$, $-247 - 2 = -249$, $-249 - 2 = -251$, $-251 - 2 = -253$, $-253 - 2 = -255$, $-255 - 2 = -257$, $-257 - 2 = -259$, $-259 - 2 = -261$, $-261 - 2 = -263$, $-263 - 2 = -265$, $-265 - 2 = -267$, $-267 - 2 = -269$, $-269 - 2 = -271$, $-271 - 2 = -273$, $-273 - 2 = -275$, $-275 - 2 = -277$, $-277 - 2 = -279$, $-279 - 2 = -281$, $-281 - 2 = -283$, $-283 - 2 = -285$, $-285 - 2 = -287$, $-287 - 2 = -289$, $-289 - 2 = -291$, $-291 - 2 = -293$, $-293 - 2 = -295$, $-295 - 2 = -297$, $-297 - 2 = -299$, $-299 - 2 = -301$, $-301 - 2 = -303$, $-303 - 2 = -305$, $-305 - 2 = -307$, $-307 - 2 = -309$, $-309 - 2 = -311$, $-311 - 2 = -313$, $-313 - 2 = -315$, $-315 - 2 = -317$, $-317 - 2 = -319$, $-319 - 2 = -321$, $-321 - 2 = -323$, $-323 - 2 = -325$, $-325 - 2 = -327$, $-327 - 2 = -329$, $-329 - 2 = -331$, $-331 - 2 = -333$, $-333 - 2 = -335$, $-335 - 2 = -337$, $-337 - 2 = -339$, $-339 - 2 = -341$, $-341 - 2 = -343$, $-343 - 2 = -345$, $-345 - 2 = -347$, $-347 - 2 = -349$, $-349 - 2 = -351$, $-351 - 2 = -353$, $-353 - 2 = -355$, $-355 - 2 = -357$, $-357 - 2 = -359$, $-359 - 2 = -361$, $-361 - 2 = -363$, $-363 - 2 = -365$, $-365 - 2 = -367$, $-367 - 2 = -369$, $-369 - 2 = -371$, $-371 - 2 = -373$, $-373 - 2 = -375$, $-375 - 2 = -377$, $-377 - 2 = -379$, $-379 - 2 = -381$, $-381 - 2 = -383$, $-383 - 2 = -385$, $-385 - 2 = -387$, $-387 - 2 = -389$, $-389 - 2 = -391$, $-391 - 2 = -393$, $-393 - 2 = -395$, $-395 - 2 = -397$, $-397 - 2 = -399$, $-399 - 2 = -401$, $-401 - 2 = -403$, $-403 - 2 = -405$, $-405 - 2 = -407$, $-407 - 2 = -409$, $-409 - 2 = -411$, $-411 - 2 = -413$, $-413 - 2 = -415$, $-415 - 2 = -417$, $-417 - 2 = -419$, $-419 - 2 = -421$, $-421 - 2 = -423$, $-423 - 2 = -425$, $-425 - 2 = -427$, $-427 - 2 = -429$, $-429 - 2 = -431$, $-431 - 2 = -433$, $-433 - 2 = -435$, $-435 - 2 = -437$, $-437 - 2 = -439$, $-439 - 2 = -441$, $-441 - 2 = -443$, $-443 - 2 = -445$, $-445 - 2 = -447$, $-447 - 2 = -449$, $-449 - 2 = -451$, $-451 - 2 = -453$, $-453 - 2 = -455$, $-455 - 2 = -457$, $-457 - 2 = -459$, $-459 - 2 = -461$, $-461 - 2 = -463$, $-463 - 2 = -465$, $-465 - 2 = -467$, $-467 - 2 = -469$, $-469 - 2 = -471$, $-471 - 2 = -473$, $-473 - 2 = -475$, $-475 - 2 = -477$, $-477 - 2 = -479$, $-479 - 2 = -481$, $-481 - 2 = -483$, $-483 - 2 = -485$, $-485 - 2 = -487$, $-487 - 2 = -489$, $-489 - 2 = -491$, $-491 - 2 = -493$, $-493 - 2 = -495$, $-495 - 2 = -497$, $-497 - 2 = -499$, $-499 - 2 = -501$, $-501 - 2 = -503$, $-503 - 2 = -505$, $-505 - 2 = -507$, $-507 - 2 = -509$, $-509 - 2 = -511$, $-511 - 2 = -513$, $-513 - 2 = -515$, $-515 - 2 = -517$, $-517 - 2 = -519$, $-519 - 2 = -521$, $-521 - 2 = -523$, $-523 - 2 = -525$, $-525 - 2 = -527$, $-527 - 2 = -529$, $-529 - 2 = -531$, $-531 - 2 = -533$, $-533 - 2 = -535$, $-535 - 2 = -537$, $-537 - 2 = -539$, $-539 - 2 = -541$, $-541 - 2 = -543$, $-543 - 2 = -545$, $-545 - 2 = -547$, $-547 - 2 = -549$, $-549 - 2 = -551$, $-551 - 2 = -553$, $-553 - 2 = -555$, $-555 - 2 = -557$, $-557 - 2 = -559$, $-559 - 2 = -561$, $-561 - 2 = -563$, $-563 - 2 = -565$, $-565 - 2 = -567$, $-567 - 2 = -569$, $-569 - 2 = -571$, $-571 - 2 = -573$, $-573 - 2 = -575$, $-575 - 2 = -577$, $-577 - 2 = -579$, $-579 - 2 = -581$, $-581 - 2 = -583$, $-583 - 2 = -585$, $-585 - 2 = -587$, $-587 - 2 = -589$, $-589 - 2 = -591$, $-591 - 2 = -593$, $-593 - 2 = -595$, $-595 - 2 = -597$, $-597 - 2 = -599$, $-599 - 2 = -601$, $-601 - 2 = -603$, $-603 - 2 = -605$, $-605 - 2 = -607$, $-607 - 2 = -609$, $-609 - 2 = -611$, $-611 - 2 = -613$, $-613 - 2 = -615$, $-615 - 2 = -617$, $-617 - 2 = -619$, $-619 - 2 = -621$, $-621 - 2 = -623$, $-623 - 2 = -625$, $-625 - 2 = -627$, $-627 - 2 = -629$, $-629 - 2 = -631$, $-631 - 2 = -633$, $-633 - 2 = -635$, $-635 - 2 = -637$, $-637 - 2 = -639$, $-639 - 2 = -641$, $-641 - 2 = -643$, $-643 - 2 = -645$, $-645 - 2 = -647$, $-647 - 2 = -649$, $-649 - 2 = -651$, $-651 - 2 = -653$, $-653 - 2 = -655$, $-655 - 2 = -657$, $-657 - 2 = -659$, $-659 - 2 = -661$, $-661 - 2 = -663$, $-663 - 2 = -665$, $-665 - 2 = -667$, $-667 - 2 = -669$, $-669 - 2 = -671$, $-671 - 2 = -673$, $-673 - 2 = -675$, $-675 - 2 = -677$, $-677 - 2 = -679$, $-679 - 2 = -681$, $-681 - 2 = -683$, $-683 - 2 = -685$, $-685 - 2 = -687$, $-687 - 2 = -689$, $-689 - 2 = -691$, $-691 - 2 = -693$, $-693 - 2 = -695$, $-695 - 2 = -697$, $-697 - 2 = -699$, $-699 - 2 = -701$, $-701 - 2 = -703$, $-703 - 2 = -705$, $-705 - 2 = -707$, $-707 - 2 = -709$, $-709 - 2 = -711$, $-711 - 2 = -713$, $-713 - 2 = -715$, $-715 - 2 = -717$, $-717 - 2 = -719$, $-719 - 2 = -721$, $-721 - 2 = -723$, $-723 - 2 = -725$, $-725 - 2 = -727$, $-727 - 2 = -729$, $-729 - 2 = -731$, $-731 - 2 = -733$, $-733 - 2 = -735$, $-735 - 2 = -737$, $-737 - 2 = -739$, $-739 - 2 = -741$, $-741 - 2 = -743$, $-743 - 2 = -745$, $-745 - 2 = -747$, $-747 - 2 = -749$, $-749 - 2 = -751$, $-751 - 2 = -753$, $-753 - 2 = -755$, $-755 - 2 = -757$, $-757 - 2 = -759$, $-759 - 2 = -761$, $-761 - 2 = -763$, $-763 - 2 = -765$, $-765 - 2 = -767$, $-767 - 2 = -769$, $-769 - 2 = -771$, $-771 - 2 = -773$, $-773 - 2 = -775$, $-775 - 2 = -777$, $-777 - 2 = -779$, $-779 - 2 = -781$, $-781 - 2 = -783$, $-783 - 2 = -785$, $-785 - 2 = -787$, $-787 - 2 = -789$, $-789 - 2 = -791$, $-791 - 2 = -793$, $-793 - 2 = -795$, $-795 - 2 = -797$, $-797 - 2 = -799$, $-799 - 2 = -801$, $-801 - 2 = -803$, $-803 - 2 = -805$, $-805 - 2 = -807$, $-807 - 2 = -809$, $-809 - 2 = -811$, $-811 - 2 = -813$, $-813 - 2 = -815$, $-815 - 2 = -817$, $-817 - 2 = -819$, $-819 - 2 = -821$, $-821 - 2 = -823$, $-823 - 2 = -825$, $-825 - 2 = -827$, $-827 - 2 = -829$, $-829 - 2 = -831$, $-831 - 2 = -833$, $-833 - 2 = -835$, $-835 - 2 = -837$, $-837 - 2 = -839$, $-839 - 2 = -841$, $-841 - 2 = -843$, $-843 - 2 = -845$, $-845 - 2 = -847$, $-847 - 2 = -849$, $-849 - 2 = -851$, $-851 - 2 = -853$, $-853 - 2 = -855$, $-855 - 2 = -857$, $-857 - 2 = -859$, $-859 - 2 = -861$, $-861 - 2 = -863$, $-863 - 2 = -865$, $-865 - 2 = -867$, $-867 - 2 = -869$, $-869 - 2 = -871$, $-871 - 2 = -873$, $-873 - 2 = -875$, $-875 - 2 = -877$, $-877 - 2 = -879$, $-879 - 2 = -881$, $-881 - 2 = -883$, $-883 - 2 = -885$, $-885 - 2 = -887$, $-887 - 2 = -889$, $-889 - 2 = -891$, $-891 - 2 = -893$, $-893 - 2 = -895$, $-895 - 2 = -897$, $-897 - 2 = -899$, $-899 - 2 = -901$, $-901 - 2 = -903$, $-903 - 2 = -905$, $-905 - 2 = -907$, $-907 - 2 = -909$, $-909 - 2 = -911$, $-911 - 2 = -913$, $-913 - 2 = -915$, $-915 - 2 = -917$, $-917 - 2 = -919$, $-919 - 2 = -921$, $-921 - 2 = -923$, $-923 - 2 = -925$, $-925 - 2 = -927$, $-927 - 2 = -929$, $-929 - 2 = -931$, $-931 - 2 = -933$, $-933 - 2 = -935$, $-935 - 2 = -937$, $-937 - 2 = -939$, $-939 - 2 = -941$, $-941 - 2 = -943$, $-943 - 2 = -945$, $-945 - 2 = -947$, $-947 - 2 = -949$, $-949 - 2 = -951$, $-951 - 2 = -953$, $-953 - 2 = -955$, $-955 - 2 = -957$, $-957 - 2 = -959$, $-959 - 2 = -961$, $-961 - 2 = -963$, $-963 - 2 = -965$, $-965 - 2 = -967$, $-967 - 2 = -969$, $-969 - 2 = -971$, $-971 - 2 = -973$, $-973 - 2 = -975$, $-975 - 2 = -977$, $-977 - 2 = -979$, $-979 - 2 = -981$, $-981 - 2 = -983$, $-983 - 2 = -985$, $-985 - 2 = -987$, $-987 - 2 = -989$, $-989 - 2 = -991$, $-991 - 2 = -993$, $-993 - 2 = -995$, $-995 - 2 = -997$, $-997 - 2 = -999$, $-999 - 2 = -1001$, $-1001 - 2 = -1003$, $-1003 - 2 = -1005$, $-1005 - 2 = -1007$, $-1007 - 2 = -1009$, $-1009 - 2 = -1011$, $-1011 - 2 = -1013$, $-1013 - 2 = -1015$, $-1015 - 2 = -1017$, $-1017 - 2 = -1019$, $-1019 - 2 = -1021$, $-1021 - 2 = -1023$, $-1023 - 2 = -1025$, $-1025 - 2 = -1027$, $-1027 - 2 = -1029$, $-1029 - 2 = -1031$, $-1031 - 2 = -1033$, $-1033 - 2 = -1035$, $-1035 - 2 = -1037$, $-1037 - 2 = -1039$, $-1039 - 2 = -1041$, $-1041 - 2 = -1043$, $-1043 - 2 = -1045$, $-1045 - 2 = -1047$, $-1047 - 2 = -1049$, $-1049 - 2 = -1051$, $-1051 - 2 = -1053$, $-1053 - 2 = -1055$, $-1055 - 2 = -1057$, $-1057 - 2 = -1059$, $-1059 - 2 = -1061$, $-1061 - 2 = -1063$, $-1063 - 2 = -1065$, $-1065 - 2 = -1067$, $-1067 - 2 = -1069$, $-1069 - 2 = -1071$, $-1071 - 2 = -1073$, $-1073 - 2 = -1075$, $-1075 - 2 = -1077$, $-1077 - 2 = -1079$, $-1079 - 2 = -1081$, $-1081 - 2 = -1083$, $-1083 - 2 = -1085$, $-1085 - 2 = -1087$, $-1087 - 2 = -1089$, $-1089 - 2 = -1091$, $-1091 - 2 = -1093$, $-1093 - 2 = -1095$, $-1095 - 2 = -1097$, $-1097 - 2 = -1099$, $-1099 - 2 = -1101$, $-1101 - 2 = -1103$, $-1103 - 2 = -1105$, $-1105 - 2 = -1107$, $-1107 - 2 = -1109$, $-1109 - 2 = -1111$, $-1111 - 2 = -1113$, $-1113 - 2 = -1115$, $-1115 - 2 = -1117$, $-1117 - 2 = -1119$, $-1119 - 2 = -1121$, $-1121 - 2 = -1123$, $-1123 - 2 = -1125$, $-1125 - 2 = -1127$, $-1127 - 2 = -1129$, $-1129 - 2 = -1131$, $-1131 - 2 = -1133$, $-1133 - 2 = -1135$, $-1135 - 2 = -1137$, $-1137 - 2 = -1139$, $-1139 - 2 = -1141$, $-1141 - 2 = -1143$, $-1143 - 2 = -1145$, $-1145 - 2 = -1147$, $-1147 - 2 = -1149$, $-1149 - 2 = -1151$, $-1151 - 2 = -1153$, $-1153 - 2 = -1155$, $-1155 - 2 = -1157$, $-1157 - 2 = -1159$, $-1159 - 2 = -1161$, $-1161 - 2 = -1163$, $-1163 - 2 = -1165$, $-1165 - 2 = -1167$, $-1167 - 2 = -1169$, $-1169 - 2 = -1171$, $-1171 - 2 = -1173$, $-1173 - 2 = -1175$, $-1175 - 2 = -1177$, $-1177 - 2 = -1179$, $-1179 - 2 = -1181$, $-1181 - 2 = -1183$, $-1183 - 2 = -1185$, $-1185 - 2 = -1187$, $-1187 - 2 = -1189$, $-1189 - 2 = -1191$, $-1191 - 2 = -1193$, $-1193 - 2 = -1195$, $-1195 - 2 = -1197$, $-1197 - 2 = -1199$, $-1199 - 2 = -1201$, $-1201 - 2 = -1203$, $-1203 - 2 = -1205$, $-1205 - 2 = -1207$, $-1207 - 2 = -1209$, $-1209 - 2 = -1211$, $-1211 - 2 = -1213$, $-1213 - 2 = -1215$, $-1215 - 2 = -1217$, $-1217 - 2 = -1219$, $-1219 - 2 = -1221$, $-1221 - 2 = -1223$, $-1223 - 2 = -1225$, $-1225 - 2 = -1227$, $-1227 - 2 = -1229$, $-1229 - 2 = -1231$, $-1231 - 2 = -1233$, $-1233 - 2 = -1235$, $-1235 - 2 = -1237$, $-1237 - 2 = -1239$, $-1239 - 2 = -1241$, $-1241 - 2 = -1243$, $-1243 - 2 = -1245$, $-1245 - 2 = -1247$, $-1247 - 2 = -1249$, $-1249 - 2 = -1251$, $-1251 - 2 = -1253$, $-1253 - 2 = -1255$, $-1255 - 2 = -1257$, $-1257 - 2 = -1259$, $-1259 - 2 = -1261$, $-1261 - 2 = -1263$, $-1263 - 2 = -1265$, $-1265 - 2 = -1267$, $-1267 - 2 = -1269$, $-1269 - 2 = -1271$, $-1271 - 2 = -1273$, $-1273 - 2 = -1275$, $-1275 - 2 = -1277$, $-1277 - 2 = -1279$, $-1279 - 2 = -1281$, $-1281 - 2 = -1283$, $-1283 - 2 = -1285$, $-1285 - 2 = -1287$, $-1287 - 2 = -1289$, $-1289 - 2 = -1291$, $-1291 - 2 = -1293$, $-1293 - 2 = -1295$, $-1295 - 2 = -1297$, $-1297 - 2 = -1299$, $-1299 - 2 = -1301$, $-1301 - 2 = -1303$, $-1303 - 2 = -1305$, $-1305 - 2 = -1307$, $-1307 - 2 = -1309$, $-1309 - 2 = -1311$, $-1311 - 2 = -1313$, $-1313 - 2 = -1315$, $-1315 - 2 = -1$

ОДЕЖДА СЦЕНЫ

Отсутствие готовой сцены — не помеха для работы детского самодеятельного театра. Немного инженерной фантазии — и играть можно в спортивном зале, в просторном классе, просто на ровной площадке во дворе, на широком крыльце у подъезда.

Но в любом случае рулеткой или ручным метром нужно отмерить пространство для сцены, ограничив его в глубину и ширину. «Сцена» не должна занимать более одной трети помещения. Разделив это пространство на четыре равные части по глубине (рисунок 1), на второй, третьей и четвертой линиях к полу крепят двусторонние ширмы (нулисы — на рисунке (а) 1 или 3), прикрывающие пространство слева и справа за сценой. На этих же линиях с помощью стальной проволоки от ширмы к ширме подвешивают падуги (см. (б) 5, 6, 7), скрывающие пространство наверху.

«Одеть» сцену будет легче, если на миллиметровой

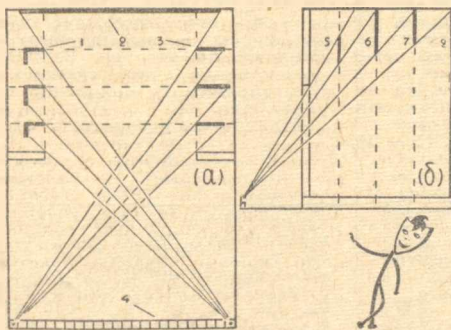

Рисунок 1

бумаге или на листе из тетради в клеточку вычертить в масштабе точный план сцены. Удобен масштаб, при котором четыре сантиметра или четыре клеточки равны одному метру. На этот же лист наносят план первого ряда зрительного зала и с линейкой производят несложный расчет видимости, позволяющий установить расположение нулис (ширм) и их ширину (см. рисунок 1а). Размещение падуг показано на рисунке 1б.

Чтобы изготовить ширмы, берут рейки сечением 50 × 30 мм и из них сбивают подрамники (рисунок 2). На местах стыков набивают для жесткости фанерные уголки. Если высота ширмы более трех метров, в середину подрамника ставят дополнительную планку того же сечения, что и рейки.

Падуги крепятся к натянутой проволоке с помощью вязалок из тесьмы (рисунок 3) перед ширмами, перекрывая их по всей ширине (вид из зрительного зала).

Ширмами в качестве нулис можно пользоваться и при наличии готовой сцены. Но падуги в этом случае подвешиваются на проволоке, прикрепленной к стенам. Крепить нулисы наверху лучше так, как показано на рисунке 3. Внизу же, чтоб они были натянутыми и не начались, положите на каждый угол по мешочку с песком или по кирпичу, обернутому в ткань. Край нулисы, ближний к «золотому сечению» (так называют линию, разделяющую сцену на две равные части, на левую и правую), должен оставаться на линии портала (см. рисунок 1а).

В глубине сцены вешают горизонт (задник), сшитый из отбеленного полотна или бязи. Его размеры не-

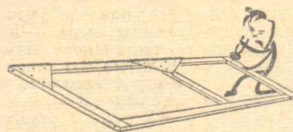

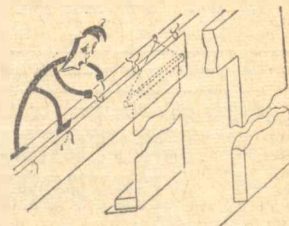
Рисунок 2

трудно высчитать на миллиметровой бумаге, составляя план размещения нулис и падуг. Их, кстати, вовсе не обязательно шить из бархата или плюша. Вполне пригоден любой плотный материал темного тона.

План сцены пригодится и как рабочий чертёж для изготовления подмакетника. Так называется точный макет сцены, на котором ребята-художники разместят уменьшенное в масштабе оформление спектакля, опробуют освещение того или иного эпизода, обработают перестановки декораций.

Из плотного картона или из четырехмиллиметровой фанеры по размерам, заданным на чертеже, вырезают

Рисунок 3

Рисунки автора

планшет (пол сцены). На нем монтируют «одежду» сцены, которую в макете удобнее сделать съемной.

Освещать подмакетник можно карманными фонариками. Их понадобится три-четыре. С помощью фонариков, пользуясь светофильтрами разного цвета, вполне удастся «прорепетировать» освещение спектакля.

«Одежда» сцены может быть очень простой, но она должна отвечать своему назначению. Как бывает неприятно, когда, сидя в зрительном зале на спектакле, замечаешь, что сцена небрежно или неумело одета и что можно разглядеть суetyающихся за кулисами ребят.

Ал. ТИМОНИН, режиссер

Рыболовный октябрь

На склонах поросших берегов обнажились лиственные деревья, полегли завялые травы. По краям водоемов и всему мелководью исчезли плавающие водоросли. В ясную погоду на холодном стальном блеске воды ни всплывов, ни всплесков рыбы. Она отстает от омутов, ямах, под крутыми глубокими берегами. Большинство рыб теряет летнюю подвижность и аппетит. Да и норма в воде остается мало: в толще водной среды уже не плавают мириады микроскопических организмов, зарываются в

ил и другие укрытия многие слизняки, рачки, личинки, черви.

Не бедствуют из-за отсутствия корма только хищные рыбы. Преддверье зимы они встречают по-разному. Залегли в ямах на зимовку буйные жерехи. Прекращается осенний жор судана. Со второй половины месяца до ледостава судан попадает на крючок лишь от случая к случаю. Туго набивают желудки щуки и окуня. В условиях оставшей воды пища переваривается медленней, но осенний жор щук и окуней продолжается с определенной периодичностью. В это время они ловятся на малька поплавочными удочками, ловятся дорожной, спиннингом и на кружки.

На больших глубинах ловля спиннингом малопродуктивна, к тому же морозец часто прихватывает леску в кольцах удильца и влажные руки спортсмена.

Для ловли щук наиболее добычливы в это время глубинные колеблющиеся и медленно вращающиеся блесны. Еще лучше снасточка с мертвой рыбкой. Хорошие результаты дает блеснение с лодки щук и окуней в глубинных закоряженных или неровных местах с уступами и увалами. Для ловли этим способом нужно особенно хорошо знать водоем и скрытые от человеческого глаз стоянки хищной рыбы.

В продолжение длинной осенней ночи налим исколесит много километров, а к утру, наевшись до отвала, куда-нибудь скроется. Любители ночной ловли донками вылавливают налимов на мелкого живца, лягушонка, куринные кишки и крупного червя-ползка. Эта ловля продолжается до ледостава.

Г. САЗОНОВ

КОФТА С КРУГЛОЙ КОКЕТКОЙ

Эта кофта вяжется от горловины вниз без патрона из 350 граммов шерсти средней толщины (тонкую нить сложить в три нити) кольцевыми спицами и прямыми — № 2, 5. Длина застежки-«молнии» 10—12 сантиметров. Размер кофты 46—48.

Наберите 114 петель и свяжите на прямых спицах чулочной вязкой (1-й ряд и все четные ряды — лицевыми петлями, 2-й и все нечетные ряды — изнаночными) стойку высотой 2,5 сантиметра. Затем по лицу работы провяжите один ряд изнаночными петлями (для получения ровного края при подгибе). После этого свяжите еще 2,5 сантиметра чулочной вязкой. Когда кофта будет готова, стойку перегибайте пополам внутрь и подшейте.

Теперь по приведенному описанию свяжите кокетку. На прямых спицах вяжите до достижения нужной длины разреза на спинке для «молнии». Затем половинки спинки соедините и вяжите дальше на кольцевых спицах по кругу лицевыми петлями. Из накида вязать 1-ю лицевую петлю. Если в описании слово «накид» набрано в разрядку, это значит, что из накида следует вывязать 2 петли, чередуя 1 изнаночную, 1 лицевую. Звездочки означают, что заключенную между ними комбинацию петель надо повторить столько раз, сколько она укладывается до конца ряда. Количество петель, указанное перед звездочкой, вяжут только один раз в начале ряда.

1-й ряд — 3 петли лицевые, накид, 3 петли лицевые.

2-й ряд и все четные ряды — на прямых спицах изнанкой до окончания разреза для застежки, а потом на круглых спицах — лицом. Начиная с 4-го ряда, петли от провязывания двух вместе снимать не провязывая (рабочая нить при этом остается свободной).

3-й ряд — 2 петли вместе снизу, 2 петли лицевых, накид, 2 петли лицевых, 2 петли вместе сверху.

5-й ряд — 4 петли лицевых, накид, 4 петли лицевых.

7-й, 9-й, 11-й, 13-й, 15-й, 17-й, 19-й, 21-й ряды — 2 вместе снизу, 3 лицевых, накид, 3 лицевых, 2 вместе сверху.

23-й ряд — 2 вместе снизу, 3 лицевых, накид, 3 лицевых, 2 вместе сверху, накид. Это будет конец застежки.

После этого вяжите кольцевыми спицами по кругу.

25-й ряд — 2 вместе снизу, 3 лицевых, накид, 3 лицевых, 2 вместе сверху, накид, 1 лицевая, накид.

27-й ряд — 2 вместе снизу, 3 лицевых, накид, 3 лицевых, 2 вместе сверху, накид, 3 лицевых, накид.

29-й ряд — 2 вместе снизу, 5 лицевых, 2 вместе сверху, накид, 5 лицевых, накид.

31-й ряд — 2 вместе снизу, 3 лицевых, 2 вместе сверху, накид, 7 лицевых, накид.

33-й ряд — 2 вместе снизу 1 лицевая, 2 вместе сверху, накид, 2 лицевых, 2 вместе сверху, накид, 1 лицевая, накид, 2 вместе снизу, 2 лицевых, накид.

35-й ряд — 3 вместе, накид, 2 лицевых, 2 вместе сверху, накид, 3 лицевых, накид, 2 вместе снизу, 2 лицевых, накид.

37-й ряд — 3 лицевых, * 2 вместе сверху, накид, 5 лицевых, накид, 2 вместе снизу, 5 лицевых. *

39-й ряд — 1 лицевая, * 7 лицевых, накид, 2 вместе снизу, 3 лицевых, 2 вместе сверху. *

41-й ряд — накид, 9 лицевых, 2 вместе снизу, 1 лицевая, 2 вместе сверху.

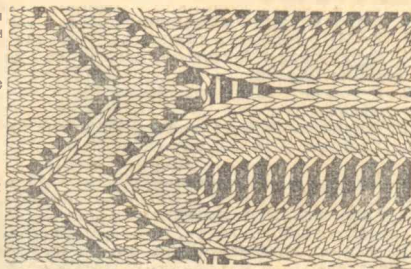
43-й ряд — накид, 11 лицевых, накид, 3 вместе.

45-й ряд — 1 лицевая, накид, 14 лицевых. Затем следует провязать 3 ряда лицом. После того как связана круглая кокетка, переснимите петли на нитку, примерьте ее и отметьте линии реглана цветной ниткой. Ширина каждой линии реглана — 2 петли. Теперь вяжите по кругу лицевыми петлями.

В каждом лицевом ряду надо делать по одному накиду с обеих сторон линии реглана (перед линией и после нее). С изнаночной стороны накиды следует провязывать лицевой петлей. Накиды делайте до тех пор, пока при примерке линии реглана спинки и переда под проймой можно будет свободно соединить.

Петли рукавов снимите на нитку. Перед и спинку соедините дополнительно набранными петлями под пройму — от 7 до 9 (в зависимости от высоты груди). Петли линий реглана присоедините к рукавам. Затем вяжите 1-й ряд изнаночными петлями и еще 4 сантиметра лицевыми петлями (для подгиба).

Петли рукава посадите на 4 спицы. Под проймой дополнительно наберите 10 петель и провяжите кругом 2 ряда. Петли, набранные между линией реглана, убавляйте через ряд по 2 до тех пор, пока на спице под мышкой не останется 3 петли.

Ширина рукава в это время должна равняться объему руки плюс 4 сантиметра. Провяжите 4 ряда кругом, после чего убавляйте до локтя примерно рядов через 20, провязывая по 2 крайние петли вместе с внутренней стороны рукава (в том месте, где должен быть шов). После локтя убавляйте примерно через 6 рядов. Низ заканчивается так же, как и низ кофты.

При вязании рукава на двух спицах убавляйте крайние петли с обеих сторон, сворачивая вязание по патрону для шитья.

Готовую кофту прогладьте через влажную ткань, подшейте низ и рукава, вшейте «молнию».

О. ЛУНЕВА

Природа у нас дома

АЛЬПИЙСКАЯ ГОРКА

Если вам попадется небольшой кусок пористого известняка или туфа, вы можете сделать крошечную «альпийскую горку». Естественные отверстия в камне надо расширить, а потом насыпать в углубления перегнойной земли и посадить какое-либо ползучее растение.

У вас хорошо приживется луговой чай с круглыми парными листочками и крупными ярко-желтыми цветками; будра, похожая на мяту (у нее сиренево-фиолетовые листочки). Из комнатных растений можно посадить седум и камнеломку. Камнеломка дает плети-усы с розеткой листьев; коснувшись едва заметного углубления с землей, усы укоренятся, вся горка покроется серебристо-серыми листочками. Особенно красиво будет выглядеть горка, когда седум и камнеломка зацветут золотистыми и бледно-розовыми цветками.

«Альпийскую горку» поставьте на поднос с сырым песком, прикрыв его мхом или лишайником, — тогда зелень на горке всегда будет свежей.

З. СИЗЕНКО

Стадион в комнате

НЕВЕСОМБОЛ

Для игры нужно сделать мяч из детского воздушного шара. Надуть его следует не водородом, а воздухом. Достаточно малейшего целчка, чтобы мячик взвился вверх и медленно начал опускаться.

Теперь можно провести в комнате волейбольный матч. Поставьте два стула спинками друг к другу на ширину комнаты и соедините их ленточкой или бечевкой с флажками. На этой импровизированной площадке располагаются игроки двух команд — по одному, по два, по три с каждой стороны. Каждая сторона может касаться мяча не более трех раз, причем один игрок не может бить два раза подряд (если только, конечно, игра не идет один на один).

Надо добиться, чтобы мяч упал на стороне соперников (или прошел с их стороны под бечевкой). Тогда выигрывается очко или подача.

Счет в игре тот же, что и в волейболе, — до 15 очков (если счет 14:14, то игра продолжается до разрыва в 2 очка).

Проводится три партии. Кто выиграл две из трех — победитель.

С. ГЛАЗЕР

Для малышей

Ян РАЙНИС

ПРОСТО ТАК

- Что улыбаешься?
 Что усмехаешься?
 Что ты смеешься?
 — Просто так.
 Глазки заплаканы,
 Щеки закапаны.
 — Что же ты плачешь?
 — Просто так.
 Под кособогом —
 Сад за забором.
 — Что ты стоишь тут?
 — Просто так.

ЗОЛОТОЙ КЛУБОЧЕК

Ну-ка, Лолитэ, отгадай загадку:
 Утром у матушки
 Ниток клубочек
 Взял я и кинул
 Вверх что есть силы.
 Этот клубочек
 Из чистого золота
 По небу синему
 Долго катился.
 К вечеру в море
 Упал он —
 И ярко
 Вспыхнуло море
 Пламенем красным.
 Лолитэ сказала:
 — Я загадку отгадала.
 Твой клубочек золотой —
 Солнышко над головой!

МЫШЬ И БЫК

Это было там, в Китае...
 Пышно мандарина Чанга
 Отмечали день рождения.
 Был рожден в созвездье Мыши
 Чанг, и слуги властелина
 Вдруг проведали об этом.
 В дар вельможе в день рождения
 Мышь из золота отлили.
 Мандарин был очень тронут,
 Слуг своих благодарил он,
 А потом сказал любезно:
 — Да, я вскоре отмечая
 День рождения супруги.
 Бык большой — ее созвездье.
 Слуги Чанга испугались.

Содержание

В свободное время	1
СЕМЬЯ И ДЕТИ	
В. Кочнева. О моем отце . . .	2
Л. Славина. У нас — первоклас- сник	5
М. Степанова. Ребенку откры- вается мир	10
Юрий Смирнов. Стихи	11
В. Карасев. Чашечка; Наталья Гринева. Деликатная мама; Говорят дети; В. Ардов. «Пусть меня не доводят!..»; Б. Симины. Три груши; Не- много улыбки; Б. Борисов. Больше ласки и внимания! . . .	12—13
Александр Яшин. Угощаю ря- биной	14
А. Кравченко. Певец родины . .	18

ШКОЛА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Н. Достовалова. Мой первый учитель	19
С. Окунь. Нельзя не любить историю	21

Алиса Акимова. Письма из Киева	22
Илья Зверев. Благодаря и во- преки	25
С. Файнберг. Ребенок приходит в школу	28
В. Комаров. Завод и дети . . .	30
ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	
А. Иванова. Застенчивый малыш .	32
Н. Г. Непрозвучавшая исповедь Л. Буренкова. «Мне теперь ни- чего не страшно...»	33
А. Раевская. «Оля из Мсти- славля»	34
Ш. Каримов. Победа над собой .	—
С. Газарян. Что за пятеркой? . .	35

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. Сивоконь. Приключения или похождения?	36
Встреча с автором «Двух ка- питанов»	38
Г. Юрьев. Вокруг да около... .	—
Коротко о книгах	39

В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Н. Носов. Незнайка на Луне . .	40
Б. Александров. Зеленое оже- релье	44
Е. Гельфан. Игра учит	45
Ю. Барский. Треугольник Петрова	—
Ал. Тимонин. Одежда сцены . .	46
Г. Сазонов. Рыболовный ок- тябрь	—
О. Лунева. Кофта с круглой кокеткой	47
З. Сизенко. Альпийская горка .	—
С. Глазер. Невесомбол	—
Ян Райнис. Просто так. Золо- той клубочек. Мышь и бык . . .	48

На 1-й странице обложки: — *Скорей
возвращайся! Фото читателя А. Ти-
мошенко из Таганрога.*
 На 4-й странице обложки: *Осенний
этид. Фото Ю. Алтаяского.*

Главный редактор А. Г. Орлов. Редакционная коллегия:
 Е. И. Волкова, П. И. Гелазония (ответственный секретарь),
 С. А. Гуревич, Б. В. Игрицкий (заместитель главного ре-
дактора), Р. А. Курбатова, Т. В. Матвеева, В. М. Померан-
цев, Р. М. Рогова, П. К. Холмогорцев, О. Э. Чкалова,
 М. Ф. Шабеева, Л. А. Шнайдер.

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. При пе-
репечатке ссылки на «Семью и школу» обязательны.

Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
 Телефоны редакции: Г 5-03-73, Г 5-12-14
 Издательство «Просвещение»

Подписано к печати 13/IX 1965 г. А10495. Тираж 1 068 200
 (1—718 200) экз. Зак. № 1882. Бумага 84×108/16. Уч.-изд. л.
 8,59. Печ. л. 5,33. Бум. л. 1,63.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор»
 им. А. М. Горького Главполиграфпрома Государственного
 комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.
 Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типогра-
 фии № 3 Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

НА КАРУСЕЛИ

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Э. МАКАРОВА (г. Хабаровск). МАМЫ НЕТ ДОМА...

Цена номера 25 копеек

73360

